

№ 5

УРАЛЬСКИЙ
снеговик

2003

«Хочешь
двигаться —
ищи
попутчика»

СТР. 3-34

АЭЛИТА

СТР. 36-62

ВСТРЕЧНЫЙ ВЕТЕР

СТР. 63-80

ЖУРНАЛ ОСНОВАН В 1935 ГОДУ

УРАЛЬСКИЙ следопыт

ISSN 0134-241X

ИСТОРИЯ, ФАНТАСТИКА,
ПУТЕШЕСТВИЯ

В номере:

5"2003

На перекрестках судеб	
И. СЕМЕНЧИК Горячий осколок	2
Тропой поиска	
В ночном бою у села Буконтово	4
Наследие	
И. ШАМАНАЕВА Дороги Николая Хрущева	6
Занимательная нумизматика	
В. ПУРОНЕН Античные монеты	10
Заповедные земли Урала	
А. ШУКШАЕВ На пороге национального парка	13
Из "Сундучка уральского краеведа"	
Г. КУЛАГИНА Головоломки	18
Давным-давно	
А. ГУРЬЕВА-САЖАЕВА Ильин день	20
Возвращение из Леты	
В. ГОЛДИН Песня и штык Харитонов	31
Краеведческая копилка	
Л. ЛИСЮТКИНА В итальянском дворе	33
Находка номера	
И. ДОМРАЧЕВА Мальчик и «Пионерская правда»	36
Новые имена	
Победители фестиваля «Свезар». Подборка стихов	40
Современная проза	
С. ПОЛЯКОВ Золотинка (Окончание)	42
Современная поэзия Урала	
С. ИВКИН Стихи	50
Эксклюзив	
С. ЭСТ I позиция	53
Дебют в "Уральском следопыте"	
К. ШАЛОБАЕВА Стихи	58
Фантастика	
Ю. НЕВЗОРОВ Счастье	60
А ты сумеешь?	
Н. КУЛЕШОВ "Майская прогулка": время познать себя	63
Портреты	
Т. СУВОРОВА Когда клоун серьезен...	66
Проекты "Уральского следопыта"	
М. РАСКОЛЬНИКОВА «Майский экстрим»	68
Невыдуманные истории	
Л. БУКРИН Избы в лесу у туристов Уралмаша	71
Экспедиции	
С. БАРАНОВ 1000 км в сторону горизонта	73
Наши увлечения	
М. МОДЕНКО Дети-парашютисты	79
Юмор	
Л. АРЖЕКОВСКАЯ Демонический мужчина	Зобл.

РЕКА ВРЕМЕНИ

Горячий осколок
Дороги Николая Хрущева
Античные монеты
На пороге национального парка
Головоломки
Ильин день
Страна под Полярной звездой
Песня и штык Харитонова
и другие материалы

В нашем полку прибыло!

В последнее время нас редко балуют своим появлением новые журналы для чтения. В основном появляются и заманивают нехорошим подмигиванием журнальчики для разглядывания картинок. Вроде бы есть в них и буквы, слагающиеся в слова, а затем составляющие предложения, но ничего, кроме того, что НАРИСОВАНО, в тех журналах не прочтешь.

И вдруг — редкое исключение: один за другим появились три номера литературно-художественного и историко-краеведческого журнала “ВЕСИ”.

Вот они все три у меня на столе. Первое впечатление такое, что некий любознательный человек бродит по нашим уральским ВЕСЯМ с большим увеличительным стеклом. (Кстати сказать, интересное объяснение слову ВЕСЬ дает нам Владимир Даль: сельцо, селение, деревня, а также крестьяне, поселяне, селянин, уроженец или житель ВЕСИ.) Так вот бродит по этим ВЕСЯМ симпатичный автор и в самых разных жанрах (проза, стихи, историко-краеведческое исследование, публицистическая статья, архивная невидаль, библиографическая заметка, рисунок, фотография и т.д. и т.п.) рассказывает нам об увиденном, узнанном, бережно извлеченном из реки забвения.

Его увеличительное стекло высвечивает крупно то имя и слово забытого писателя Павла Старжинского; то никому до сего дня неведомую судьбу села Ключи, что едва ли не четыре века живет

на берегу реки Ницы; то бытие в уральских ВЕСЯХ водочных королей Поклевских-Козелл; то самобытные гравюры художника из пос. Буланаш Максима Печерского... И хотя маршрут журнала казалось бы географически ограничен ВЕСЯМИ Восточного управленческого округа Свердловской области, нити исторических связей неисповедимо, как пути Господни, тянутся во все концы Урала и необъятной России. Таков удивительный эффект увеличительного стекла: чем ближе, тем дальше.

Журнал “ВЕСИ” издается в городе Тавде, учрежден администрацией Восточного управленческого округа Правительства Свердловской области и предпринимателем В.Н. Ермоласвым (он же и главный редактор), выходит в свет четыре раза в год.

Можно сказать, что в нашем полку прибыло!

*Юлий Горбунов
Фото. Е. В. Савенко*

Игорь СЕМЕНЧИК

Горячий осколок

По земле Белоруссии шагал август 1944 года.

Накануне ранним утром, когда солнце уже покинуло свое насиженное место за линией горизонта, вместе с его первыми лучами над небольшой деревенькой, расположенной вдоль лесной опушки, появился воздушный немецкий разведчик, который за характерный изгиб шасси солдаты прозвали «кривая нога» или «костыль». Он-то и разглядел батарею «катюш», расположившуюся примерно в полукилометре от брезентовых палаток медсанбата, командир которой пренебрег, по крайней мере, двумя золотыми правилами: не располагаться вблизи стационарных медицинских подразделений, а уж коли ты встал там хоть ненадолго, то замаскируйся надлежащим образом.

Но сорок четвертый — не сорок первый. И когда в лазури неба появились наведенные «костылем» вражеские бомбардировщики, наши истребители не дали им сбросить свой смертоносный груз на позиции реактивных минометов.

Не пострадал и медсанбат 194-й стрелковой дивизии, занявшей оборону по ту сторону леса, километрах в двух от деревни.

Но война есть война. В обороне — правда, гораздо меньше, чем в наступлении, — но раненые тоже имеются. В операционную палатку, где хозяйничал старший лейтенант медицинской службы хирург И. Бенедиктов, первого раненого — сержанта, получившего солидную порцию металла в живот, подвезли где-то к вечеру.

— Доктор, а я не помру? — с выражением надежды и нескрываемым чувством страха едва слышно произнес раненый.

— Разговорчики в строю, товарищ сержант. Жить будешь до ста лет. Устраивает? — успокоил Бенедиктов, готовясь к сложнейшей операции.

У раненого (знаю по себе) в мгновения, вновь угрожающие его жизни, чувство страха за нее вольно или невольнo, но проявляется с особой силой.

Когда возле палатки, фырча, словно рассерженные кошки, стали рваться вражеские мины, врезаясь в верхушки и ветви деревьев, три солдата, что лежали на носилках и дожидались своей очереди на единственный операционный стол, со скоростью, определяемой степенью тяжести ран, кто ползком, кто подпрыгивая на одной ноге, поспешили покинуть хирургическую палатку и укрыться в ровиках, что были выкопаны неподалеку.

Ну, а молоденький сержант, что лежал на столе с уже распоротым скальпелем Бенедиктова животом, был лишен возможности даже пошевелить рукой или ногой; спокойно, с какой-то умиротворенной улыбкой, пробивающийся на свет божий сквозь волну усыпившего сержанта хлороформа, был в те минуты очень далек от того, что творилось за тонким брезентом палатки.

Иван Иванович Бенедиктов, свердловчанин, военный хирург (фото из архива его вдовы, Р.Н. Бенедиктовой).

Он, но не старший лейтенант Бенедиктов, на кончике скальпеля которого сейчас теплилась жизнь этого парня.

И когда Бенедиктов уже принялся шить кишечник, совсем рядом, ударившись в дерево, рванула очередная вражеская мина. Сквозь разорванную ее осколками «крышу» на голову хирурга посыпались ветки, грязь, скопившаяся за время стоянки, и Иван Иванович буквально лег на своего пациента, закрывая его своим телом.

Старший лейтенант медицинской службы Лиза Артамонова, что ассистировала при этой операции, худенькая, молодая, в меру экзальтированная особа, по мнению Ивана Ивановича, в трусиках не числилась. Но когда Бенедиктов услышал ее испуганный возглас: «Ой, у меня во рту горячо,» и, отряхнувшись, поднял голову, он первым делом спросил:

— Лиза, что с тобой? — и в этот же момент увидел, что в марлевой маске, закрывавшей рот ассистентки, четко просматривается небольшое отверстие.

«Неужели осколок угодил?» — мелькнуло в голове Ивана Ивановича, и он громко, командирским голосом приказал:

— Лизавета, сними маску и выплюнь осколок! Если можешь!

— Ка-ажется, могу, — не совсем внятно произнесла женщина и выплюнула на ладонку небольшой, размером примерно 1,5 миллиметра осколок мины, отскокившей рикошетом от операционного стола, — он только до середины языка дошел, — приходя в себя и уже пытаясь улыбаться, произнесла Лиза. Оправившись от испуга, она ста-

ла дальше помогать Ивану Ивановичу, который вскоре закончил колдовать над сержантом.

...Она сидела, задумчиво глядя в окно, когда в дверь осторожно постучали.

— Войдите, — сказала женщина.

— Товарищ старший лейтенант. Вас до себе Михаил Мансурович кличут, — произнес на смеси русского и украинского пожилой санитар, фамилия которого — Подопригора — всякий раз вызывала улыбку у того, кто ее произносил.

Ведущий хирург медсанбата Михаил Мансурович Мамышев, бывший ассистент одной из кафедр Пермского медицинского института, оперировал отменно — быстро, легко и спокойно. Был доброжелателен, с ранеными находил хороший контакт, в отношениях с начальством всегда знал себе цену, не раз с улыбкой повторяя в конфликтных ситуациях: «Дальше фронта не пошлют, меньше взвода не дадут».

Помимо всего прочего, он был отменный рассказчик, к тому же обладавший превосходным чувством юмора. Любил всякого рода розыгрыши — но безобидные, не затрагивающие достоинства человека. «Смех — лекарство от многих болезней», — любил повторять он.

Когда Лиза переступила порог небольшого домика, где квартировал Мамышев, то ее поразила увиденная картина. За столом, что стоял под образами в красном углу, сидели Мамышев, Бенедиктов и писарь Тимошин — бывший сельский учитель, спокойный, рассудительный мужчина лет тридцати, славившийся своим каллиграфическим почерком и малым ростом, за что остряки санбата именовали его «мужичок с ноготок».

— Садитесь, товарищ старший лейтенант, — официальным голосом произнес Мамышев, указывая на колченогий стул, стоящий посреди комнаты.

И когда Лиза, явно обескураженная, недоумевающая насчет причины вызова, осторожно присела на краешек, Мамышев продолжил:

— Чрезвычайное заседание суда офицерской чести медсанбата 194-й стрелковой дивизии объявляю открытым. На повестке дня один вопрос: «О нарушении старшим лейтенантом Артамоновой Е.Ф. своего врачебного долга во время последней операции».

— Михаил Мансурович, извините, но я ничего не понимаю, — удивленно разведя руками, промолвила Лиза, глядя на «тройку».

— Сейчас все поймете, — продолжал Мамышев менторским тоном. — Не далее, как сегодня утром, ассистировав доктору Бенедиктову, вы позволили себе непростительное для советского человека вообще, а для врача тем более, действие. А именно: в разгар операции вы пытались проглотить инородный предмет вражеского происхождения, сиречь осколок от мины, вследствие того, что вы пренебрегли замечательной русской поговоркой «На чужой каравай рот не разевай». Этим вы поставили под сомнение количество и качество получаемого вами пайкового довольствия, чем, вольно или невольно, компрометируете производственно-фуражную службу дивизии, обвиняя ее,

Фронтовые дороги. Крайний справа - И. И. Бенедиктов.

таким образом, в недовесе, недоливе, недодаче, пересортице полагающихся по табелю предметов питания, что дискредитирует кристально честных командиров означенной службы и одновременно настораживает личный состав отдела контрразведки «СМЕРШ».

Сделав небольшую паузу, он набрал в легкие очередную порцию воздуха и продолжил:

— Вышеозначенный отдел, как мне удалось установить, не сталкивался с подобным явлением — начать своеобразное коллекционирование идеологически чуждой нам продукции «И.Г. Фарбениндустррии» и заводов «Рейнметалл». Хотя, как известно, собирание всякого рода трофеев допускается только с разрешения вышестоящего командования... Что вы можете сказать в свое оправдание?

Широко раскрыв глаза и пожимая плечами, Лиза, пытаясь изо всех сил уловить суть происходящего, робко спросила:

— Вы серьезно считаете, что я...

— Ой, мамочки мои, не могу больше, — выдохнул писарь и, уронив голову на столешницу, затрясся в провавшемся неудержимом хохоте.

Не выдержал и Иван Иванович, а затем к ним присоединился и закоперщик Мамышев.

— Ну, ребята, я вам это припомню, — притворно погрозила пальцем Лиза и залилась смехом, да так звонко, что хозяйка, кормившая во дворе кур, аж вздрогнула от дошедшего до нее хохота...

— Юмор дарован человеку не зря. В трудные минуты жизни он становится чем-то вроде спасательного круга для души, — размышлял капитан медицинской службы в отставке, профессор, доктор медицинских наук, заслуженный деятель науки РСФСР, заведующий кафедрой Екатеринбургской медицинской академии И. И. Бенедиктов и добавил:

— Большие Лиза не пыталась глотать металлические предметы. Во всяком случае на войне. А вот у себя дома, в Саратове, куда вернулась после демобилизации, право, не знаю, — с улыбкой закончил Иван Иванович.

В ночном бою у села Буконтово

А письма нет... (Фото А. Заева.)

В ночь с 24 на 25 декабря 1941 г. два лыжных батальона Советской Армии в составе 1245 стрелкового полка вышли в тыл вражеским войскам и атаковали немецкий гарнизон в населенном пункте Буконтово Дудоровского с/с Высоковского (ныне Торжокского) района Калининской (ныне Тверской) области. В результате ночного боя с. Буконтово было освобождено. Немцы потеряли много техники, оружия и убитыми до 100 оккупантов. Потери 1245 стрелкового полка в том бою составили 49 воинов, которые были похоронены в селе Буконтово.

В результате поисков были установлены анкетные сведения о 47 погибших. 45 из них призывались в Свердловской области и в большинстве своем были жителями Свердловской области.

В настоящее время на братской могиле в с. Буконтово, где захоронены воины ночного боя, обозначены только 12 фамилий, в том числе фамилии только пятерых из

1245 полка, т.е. более сорока погибших в том бою преданы забвению.

Государственные структуры России устранились от увековечения памяти воинов в местах гибели во время Великой Отечественной войны. Решить эту проблему может только общественность с широким участием СМИ. Общественный комитет (группа), состоящий из родственников, будет обладать моральным правом принять необходимые меры по увековечению памяти воинов, павших в бою в с. Буконтово.

Публикуем имена погибших. Список составлен фондом «Народная память» по документам Центрального архива Министерства обороны РФ (ЦАМО РФ г. Подольск).

По вопросам увековечения памяти погибших просим обращаться по адресу: 141551, Московская обл., п/о Андреевка, д. 5, кв. 10. Тел. (095) 533-26-59. Иванов Василий Васильевич.

1. Абакумов Павел Яковлевич. Год рожд. 1905, Челябинская обл., Каменск-Уральский р-н, с. Гусево. Призван Талицким РВК Свердловской обл. Кр-ц, рядовой.
2. Андричев Филипп Федорович. Год рожд. 1900, Орловская обл., Н. Дмитриевский с/с, с. Марьино. Призван Кушвинским РВК Свердловской обл. Кр-ц, рядовой.
3. Баранов Михаил Иванович. Год рожд. 1914, Свердловская обл., Кушвинский р-н, с. Баранча. Призван Кушвинским РВК Свердловской обл. Кр-ц, рядовой.
4. Белоусов Даниил Иванович. Год рожд. 1913, Свердловская обл., г. Кировград. Призван Кировградским РВК. Кр-ц, рядовой.
5. Ваханин Борис Васильевич. Год рожд. 1911, г. Киров, призван Сталинским РВК г. Свердловска. Кр-ц, писарь.
6. Гайнулин Бинан. Год рожд. 1910, Башкирская АССР, Янаульский р-н, с. Банибак. Призван Кушвинским РВК Свердловской обл. Кр-ц, рядовой.
7. Головин Михаил Федорович. Год рожд. 1918, Свердловская обл., г. Новая Ляля. Призван Новолялинским РВК Свердловской обл. Музыкант.
8. Дайбов Михаил Иванович. Род. в В. Сергах Свердловской обл. Призван Нижнесергинским РВК Свердловской обл. Кр-ц, рядовой.
9. Дубровин Трифон Елисеевич. Год рожд. 1905, Свердловская обл., Шалинский р-н, с. Выдುವень. Призван Шалинским РВК Свердловской обл. Кр-ц, рядовой.
10. Екенин Михаил Павлович. Год рожд. 1900, Свердловская обл., Нижнесергинский р-н, з-д Н. Серги. Призван Нижнесергинским РВК Свердловской обл. Кр-ц, рядовой.
11. Зуев Ананий Степанович. Год рожд. 1904, Удмуртская АССР, Тыловыйский р-н, д. Ивановы. Призван Октябрь-

ским РВК г. Свердловска. Кр-ц, рядовой.

12. Иванов Антонид Николасвич. Год рожд. 1902, Свердловская обл., Нижнесалдинский р-н, г. Нижняя Салда. Призван Нижнесалдинским РВК Свердловской обл. Кр-ц, рядовой.

13. Кантимиров Якуб. Год рожд. 1917, Башкирская АССР, Аскинский р-н, Казансинский с/с. Призван Егоршинским РВК Свердловской обл. Кр-ц, рядовой.

14. Кацер Сергей Борисович. Год рожд. 1900, Свердловская обл., Верхнетавдинский р-н, Городищенский с/с. Призван Верхнетавдинским РВК Свердловской обл. Кр-ц, рядовой.

15. Коребин Ефим Васильевич. Год рожд. 1905, Свердловская обл., Егоршинский р-н, с. Мостовая. Призван Егоршинским РВК Свердловской обл. Кр-ц, рядовой.

16. Коробейников Иван Петрович. Год рожд. 1902, Свердловская обл., Верхнетавдинский р-н, с. Санниково. Призван Верхнетавдинским РВК Свердловской обл. Кр-ц, рядовой.

17. Корякин Макар Филиппович. Год рожд. 1907, Свердловская обл., Верхнетавдинский р-н, Каратуновский с/с. Призван Верхнетавдинским РВК Свердловской обл. Кр-ц, рядовой.

18. Косарев Ефим Емельянович. Год рожд. 1901, Свердловская обл., Ирбитский р-н с. Коса. Призван Ирбитским РВК Свердловской обл. Кр-ц, рядовой.

19. Кузин Кузьма Андреевич. Год рожд. 1903, Свердловская обл., Верхнетавдинский р-н, с. Запуговая. Призван Верхнетавдинским РВК Свердловской обл. Кр-ц, рядовой.

20. Курочкин Иван Федорович. Год рожд. 1902, Свердловская обл., г. Свердловск. Призван Леннинским РВК г. Свердловска. Кр-ц, рядовой.

21. Лисицын Петр Григорьевич. Год рожд. 1905, Свердловская обл., Ницинский р-н, с. Ницинское. Призван Ирбитским РВК Свердловской обл. Мл. сержант.

22. Матушкин Иван Андреевич. Год рожд. 1913, Свердловская обл., Верхнетавдинский р-н, с. Кашуки. Призван Верхнетавдинским РВК Свердловской обл. Кр-ц, рядовой.

23. Михайлов Иван Александрович. Год рожд. 1901, Свердловская обл., Кушвинский р-н, с. Н. Баранча. Призван Кушвинским РВК Свердловской обл. Кр-ц, рядовой.

24. Нестеров Трофим Федорович. Год рожд. 1902, Орловская обл., Ливенский р-н, Свободинский с/с. Призван Верхнетавдинским РВК Свердловской обл. Кр-ц, рядовой.

25. Новоселов Платон Васильевич. Год рожд. 1902, Свердловская обл., Верхнетавдинский р-н, с. Тумба. Призван Верхнетавдинским РВК Свердловской обл. Кр-ц, рядовой.

26. Охоткин Герман Степанович. Год рожд. 1903, Свердловская обл., Талицкий р-н, с. Паново. Призван Талицким РВК Свердловской обл. Кр-ц, санитар.

27. Пантелеев Сергей М. Год рожд. 1910, Свердловская обл., г. Ирбит. Призван Ирбитским РВК Свердловской обл. Мл. лейтенант, командир взвода.

28. Паутов Давид Иванович. Род. в Свердловской обл.,

Верхнетавдинском р-н, с. Б. Пустан. Призван Верхнетавдинским РВК Свердловской обл. Кр-ц, рядовой.

29. Петров Василий Дмитриевич. Год рожд. 1913, Сютянский р-н, с. Сютень. Призван в Свердловской обл. Кр-ц, рядовой.

30. Посединчиков Иван Егорович. Год рожд. 1900, Свердловская обл., Нижнесалдинский р-н, с. Прянишиново. Призван Нижнесалдинским РВК Свердловской обл. Кр-ц, рядовой.

31. Пряничников Николай Иванович. Год рожд. 1900, Свердловская обл., Нижнесалдинский р-н, с. Пряничниково. Призван Нижнесалдинским РВК Свердловской обл. Кр-ц, рядовой.

32. пуртов Арсентий Иванович. Год рожд. 1904, Марийская АССР, Пектубаевский р-н, с. Красная Речка. Призван Нижнетагильским ГВК Свердловской обл. Кр-ц, командир отделения.

33. Силин Семен Михайлович. Год рожд. 1903, Свердловская обл., Зайковский р-н, с. Крутиха. Призван Ирбитским РВК Свердловской обл. Кр-ц, рядовой.

34. Сисин Иван Сергеевич. Год рожд. 1903, Свердловская обл., Нижнесергинский р-н. Призван Нижнесергинским РВК Свердловской обл. Кр-ц, рядовой.

35. Смолин Иосиф Андреевич. Год рожд. 1901, Свердловская обл., Манчажский р-н, д. Мажевка. Призван Артинским РВК Свердловской обл. Кр-ц, рядовой.

36. Сединкин Семен Михайлович. Год рожд. 1914, Свердловская обл., Краснополянский р-н, с. Худышино. Призван Краснополяским РВК Свердловской обл. Кр-ц, рядовой.

37. Стихин Александр Иванович. Год рожд. 1906, Свердловская обл., Талицкий р-н, с. Кокуй. Призван Талицким РВК Свердловской обл. Кр-ц, рядовой.

38. Стряпнин Александр Алексеевич. Год рожд. 1900, Горьковская обл., Гагинский р-н, с. Шарاپово. Призван Ачитским РВК Свердловской обл. Кр-ц, рядовой.

39. Трехов Мирон Алексеевич. Год рожд. 1900. Призван Ирбитским РВК Свердловской обл. Кр-ц, рядовой.

40. Умуриянов Галимян Умуриянович. Род. Башкирская АССР, Дюртюлинский р-н, д. Черлак. Призван Березовским РВК Свердловской обл. Кр-ц, рядовой.

41. Уткин Иван Петрович. Год рожд. 1903, Свердловская обл., Артинский р-н, з-д Арти. Призван Артинским РВК Свердловской обл. Кр-ц, рядовой.

42. Филагов Павел Егорович. Год рожд. 1905, Пензенская обл., Кузнецкий р-н, с. Шишовка. Призван Серовским РВК Свердловской обл. Кр-ц, рядовой.

43. Хабиров Семен Васильевич. Род. Башкирская АССР, Миякинский р-н, с. Н. Шила. Призван Серовским РВК Свердловской обл. Кр-ц, зам. политрука.

44. Шаркунов Денис Алексеевич. Год рожд. 1900, Челябинская обл., Шадринский р-н, Ново-Песковский с/с. Призван Арамилским РВК Свердловской обл. Кр-ц, рядовой.

45. Щепелев Анатолий Григорьевич. Год рожд. 1901, Свердловская обл., г. Свердловск. Призван Визовским РВК г. Свердловска. Кр-ц, рядовой.

Ирина ШАМАНАЕВА

Дороги Николая Хрущева

В мае этого года исполняется 100 лет со дня рождения Николая Николаевича Хрущева. В 50-х — начале 60-х годов он был частым гостем в журнале «Уральский следопыт», опубликовал здесь несколько очерков о своем родном Нижне-Сергинском районе и проиллюстрировал их собственными рисунками карандашом и пером.

Едва ли много осталось ветеранов журнала, кто помнит Николая Николаевича. Ведь со дня его смерти тоже уже минуло 40 лет. Едва ли у многих давних и верных друзей «Следопыта» сохранились номера с его статьями. Но мне почему-то кажется, что и те статьи, и публикуемый ныне материал — воспоминания о военных дорогах Н.Н. Хрущева — почти у каждого читателя вызовут в памяти что-то очень знакомое.

Ответ очень прост — таких людей всегда было много в России. В городе ли, в деревне они жили, всех их объединяло одно качество, которое коротко можно назвать — неравнодушие. Подобно героям Константина Паустовского (кстати говоря, любимого писателя Николая Хрущева), они с любопытством вглядывались в окружающий мир, находили удивительное в обычном и повседневном.

«Только четвертое марта, — пишет в 1962 году Николай Хрущев в своих дневниковых записях, — а вокруг уже что-то весеннее. Может, это капельки на концах сосулек, чирикание воробья, голубые кружева-тени на снегу, пригрев повеселевшего солнышка. Для меня март — тихое с небольшим морозцем утро, хрустящий под ногами ледок лужиц, особый матово-серебряный воздух, в котором звенит бодрая песенка большой синицы.

Теперь начинаешь ждать много простых, но нужных радостей: первых проталин, желтых глазков мать-и-мачехи, фиолетово-синих грачей, журчания лесных ручейков, звонких жаворонков в высоком голубом небе».

Он любил жизнь. Верил, как пелось в популярной тогда песне, «что это взаимно». Был одарен от природы разносторонними способностями, наблюдательностью и обостренным чувством красоты. Все это и давало силы перенести страх и голод 20-х, годы репрессий (которые коснулись родственников и самого Николая Николаевича, и его жены), войну, послевоенную разруху и нужду, собственную тяжелую болезнь... Хотя нет, не все было так просто. «Почему мы так грязны? Почему редко кто из нас лю-

26.07.42. Изд. Старишина Рязанов.
и (Лысва)

Старишина Рязанов (Лысва).

бит чистоту, порядок? Почему самый культурный человек терпит и облезлую стену своего дома, и помойную яму под окном, и копать на кухне?..» (Под впечатлением от командировки в город Октябрьский в Башкирии.)

«Я, по-видимому, слишком много видел в жизни приманок, если сейчас каждая из них воспринимается мной как... искусственная мушка.

Мне нужно немного: возможность работать на плановой работе, которой я отдал восемнадцать лет и не быть ишаком, которого не видно из-за навешенного на него груза». (После того как Н.Н. Хрущеву было сделано не терпящее возражений предложение-приказ принять на себя обязанности главного бухгалтера.)

«Выражаясь языком плановика, вокруг девяносто процентов лжи. И сколько лодырей вокруг! Сколько красноречивых болтунов, сколько хамелеонов... Самое скверное в том, что они преуспевают». (Комментарии излишни.)

Но как меняется его тон, когда речь заходит о природе, о Михайловском заводе — родине его предков, о любимой, изученной вдоль и поперек реке Серге. Здесь он дома, счастлив, в гармонии с миром и собой.

«Серга зимой! Наверное, она не менее хороша, чем летом, осенью. Может быть и лучше. Снег всегда преобразует знакомые места...

М.М. Хрущев
 «Доброволец» в позе.

«Доброволец» в позе.

Ни звука, ни шороха. Природа в дремоте до весны».

Это написано за несколько недель до смерти, в феврале 1963 года.

Николай Николаевич Хрущев родился 29 апреля (12 мая) 1903 года в Екатеринбурге. За пару месяцев до этого родители его переселились туда из Михайловского завода. Его отец, Николай Михайлович Хрущев, служащий писчебумажной фабрики Захарова, получил «повышение» — был переведен в Екатеринбург заведовать складом при фабричном магазине. Потом он перешел на работу в торговый дом «Братья Агафуровы». Туда на место отца в 1919 году на должность конторщика после окончания торговой школы заступил его 16-летний сын Николай.

Сам же Николай Михайлович в 1919 году был мобилизован в колчаковскую армию и отправлен сопровождать гурт скота в Сибирь. После разгрома колчаковцев, возвращаясь домой, он умер от желтухи на маленькой железнодорожной станции под Омском.

Николай оказался кормильцем большой семьи (мать, младший брат и младшая сестра). Работал конторщиком, счетоводом («калькулятором», как говорили в 20-е годы). Денег все равно не хватало, и в 1922 году семья перебралась обратно в Михай-

ловский завод, «ближе к земле». Николай Хрущев определился на бумажную фабрику, затем работал на Михайловском железоделательном заводе. В 1927 году женился на молодой машинистке Зине Белоглазовой. В 1931 году с женой и сыном (названным по моде того времени Альфредом) он вновь переехал в Свердловск.

Впереди был длинный и впечатляющий послужной список — бухгалтер, старший экономист, завсектора экономики, старший ревизор... А в стол ложились воспоминания об отпусках, проведенных в Михайловском заводе и в экспедициях по реке Серге, заметки о растениях, рыбах и птицах родного края, акварельные зарисовки лесных и речных пейзажей, фотографии бородатых старожил-земляков, рисунки, на которых в деталях, любовно и радостно запечатлены предметы старинного заводского быта. Он, всю жизнь имеющий дело с колонками цифр, считал краеведение не вторым, а первым, главным своим делом и считал в нем поэтический склад своей души с пытливостью ученого и бухгалтерской дотошностью.

Началась война. Хрущев не должен был попасть на фронт — еще в 1927 году комиссия признала его полностью негодным к военной службе по состоянию здоровья. Однако же, будучи мобилизованным через финотдел штаба УрВО, он оказался на передовой, был на пяти фронтах — Западном, Северо-Западном, Северо-Кавказском, Южном, Прибалтийском. На Северо-Западном и Северо-Кавказском фронтах он участвовал в боях, был награжден орденом Красной Звезды и несколькими медалями. Впечатления о тех годах и о дальних военных дорогах он переложил после войны в рукописный альбом и сам его проиллюстрировал. А все рисунки рождались прямо в походах, в минуты передышек между боями, в крестьянских домах и солдатских землянках. Рисовал Николай Николаевич на случайных клочках бумаги, всем, что попадало под руку — даже кухонную сажу однажды испробовал. Рисовал то,

Началась война. Хрущев не должен был попасть на фронт — еще в 1927 году комиссия признала его полностью негодным к военной службе по состоянию здоровья. Однако же, будучи мобилизованным через финотдел штаба УрВО, он оказался на передовой, был на пяти фронтах — Западном, Северо-Западном, Северо-Кавказском, Южном, Прибалтийском. На Северо-Западном и Северо-Кавказском фронтах он участвовал в боях, был награжден орденом Красной Звезды и несколькими медалями. Впечатления о тех годах и о дальних военных дорогах он переложил после войны в рукописный альбом и сам его проиллюстрировал. А все рисунки рождались прямо в походах, в минуты передышек между боями, в крестьянских домах и солдатских землянках. Рисовал Николай Николаевич на случайных клочках бумаги, всем, что попадало под руку — даже кухонную сажу однажды испробовал. Рисовал то,

Началась война. Хрущев не должен был попасть на фронт — еще в 1927 году комиссия признала его полностью негодным к военной службе по состоянию здоровья. Однако же, будучи мобилизованным через финотдел штаба УрВО, он оказался на передовой, был на пяти фронтах — Западном, Северо-Западном, Северо-Кавказском, Южном, Прибалтийском. На Северо-Западном и Северо-Кавказском фронтах он участвовал в боях, был награжден орденом Красной Звезды и несколькими медалями. Впечатления о тех годах и о дальних военных дорогах он переложил после войны в рукописный альбом и сам его проиллюстрировал. А все рисунки рождались прямо в походах, в минуты передышек между боями, в крестьянских домах и солдатских землянках. Рисовал Николай Николаевич на случайных клочках бумаги, всем, что попадало под руку — даже кухонную сажу однажды испробовал. Рисовал то,

Дом в д. Заостровье
 Лич. арх. С.Р.р.и. З.А.А.А. Карман

Дом в Заостровье.

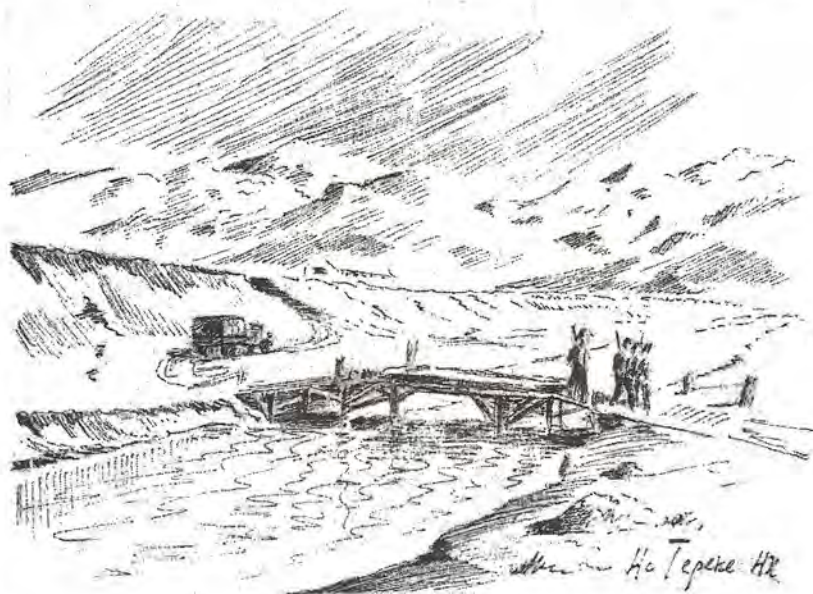
к очерку». Дата — 1960 год. Подпись — Вадим Очеретин...

что видел — лица однополчан, черные заснеженные подмосковные деревеньки, нежную весеннюю зелень (как радовался он, когда впервые за несколько месяцев в его руки попали цветные карандаши!), крепкие северные избы с деревянными «кружевами», сказочные леса средней полосы России, астраханские ветряные мельницы и рыбаков на Волге, кавказские и крымские ландшафты, готические шпильки прибалтийских городов. Исследователь тоже не дремал в нем — сквозь альбом проходят зарисовки наиболее интересных зданий, предметов быта, местных жителей в традиционной одежде. Военный альбом Хрущева — удивительный документ. Маленький, скромный, но красноречивый памятник победе — но не только победе над фашизмом, а прежде всего победе человеческого духа над лишениями, страхом смерти, болью разлук и потерь.

С 50-х годов и до смерти Николая Николаевича продолжалось его сотрудничество с «Уральским следопытом». Это время было для него наиболее творчески плодотворным и, наверное, самым счастливым. Больше всего рукописных материалов датируется именно 1948-1963 годами. А главное, появилась возможность опубликовать написанное. Сохранился редакционный бланк удостоверения: «Николай Николаевич Хрущев по заданию редакции «Уральского следопыта» направляется в Нижне-Сергинский район Свердловской области для сбора материалов

разносторонней личностью был человек, который их собрал. Книги о природе, о птицах (даже знаменитое дореволюционное издание Дмитрия Кайгородова с иллюстрациями, переложенными папиросной бумагой!), о том, как вести наблюдения за живой природой, как читать и составлять топографические карты, о гербариях, об археологических находках на Урале, о реках и озерах. Сборник «О писательском труде» — Николай Николаевич учился у своих старших и знаменитых братьев по перу точно и образно выражать мысли на бумаге, учился внимательности к языку, развивал природное чувство слова. Шеститомник Паустовского с четкими карандашными пометками на по-

На Терееке.

лях. Альбомы живописи — Серов, Грабарь. Пособия начинающим рисовальщикам (сам он неплохо владел и карандашом, и пером, и кистью. Особенно удавались ему акварели. Не боялся работать маслом — пара-тройка пейзажей написаны твердой, не по-любительски уверенной рукой.). Справочники по фотоделу. Труды по языкознанию. Словарь латышского языка... Философский словарь... Карты, карты, карты... Подшивки журналов — «Охота», «Фотография», «Уральский следопыт».

Потом пришла очередь архива. Чего там только не оказалось! Альбомы с фотографиями (аккуратно подписанными, с датами и комментариями, что делает их еще ценнее), альбомы с рисунками, акварели, пейзажи и портреты маслом, папки с рукописями, тетради, блокноты, тезисы научных конференций (да-да, Николай Николаевич со своим средним специальным образованием и профессией плановика-экономиста был частым и желанным гостем не где-нибудь, а на филологическом факультете УрГУ. Он посвятил много лет составлению словаря народного говора Нижне-Сергинского района — немалую долю его архива занимают карточки с будущими словарными статьями. Интереснейший был бы, наверное, труд). Обнаружилась среди рукописей и подробная хроника Михайловского завода, со времени основания поселка до 50-х годов XX века, снабженная выписками из архивных документов и ссылками на опубликованные монографии и статьи. Ему было интересно все! Незадолго до смерти он даже начал собирать материалы по истории улицы Первомайской, где в то время жил, но работа эта осталась в эскизах, в «наметках».

Нет, не о таких, как Николай Николаевич, сказал когда-то Пушкин — «ленивы и нелюбопытны»...

Хорошо помню Зинаиду Васильевну Хрущеву. Она пережила мужа на 30 лет. Жила только воспоминаниями о нем. Единственный сын рано умер, с внуками отношения складывались сложно, в какой-то момент, видимо, общение прекратилось совсем. След их теряется в Днепропетровске. (Может быть, этот номер журнала попадет к прямым потомкам Н.Н. Хрущева, и они откликнутся?..). Все письма Николая Николаевича с войны (а они с женой оказались разлучены в общей сложности на 6 лет) Зинаида Васильевна бережно хранила и перечитывала каждый день до самой смерти. Была она женщиной хозяйственной, до старости красивой, элегантно одевалась, любила вышивать и вязать крючком кружева. В архиве сохранился ее девический альбом с модными тогда песенками и наивными стихами. Я помню ее уже суровой, неприветливой, с годами все более капризной старухой. Что ж, можно понять — лучшее в ее жизни было давно уже позади. Она и Николай Николаевич были удивительно счастливой парой. Почти на всех его женских портретах — ее черты, ее улыбка, все его письма начинаются словами «Дорогая моя Зинулька». Она сохранила в целостности и сохранности бумаги мужа, хотя едва ли их читала. Ее призванием был уют, порядок, налаженный быт. Насколько важна была эта сторона жизни для Николая Николаевича, мы можем себе представить из процитированных дневниковых записей. И как же, наверное, дорожил он возможностью, не отвлекаясь ни на что, полностью погружаться по вечерам в свои записи и рисунки. Потому что он был из тех людей, кто честно делает на земле свое маленькое дело, но чей беспокойный дух не довольствуется «хлебом единым» и ищет себе выхода даже там, где, казалось бы, его нет.

(Рисунки взяты из фронтового альбома Н. Н. Хрущева «Нам дороги эти позабыть нельзя!»)

Владимир ПУРОНЕН

Античные монеты

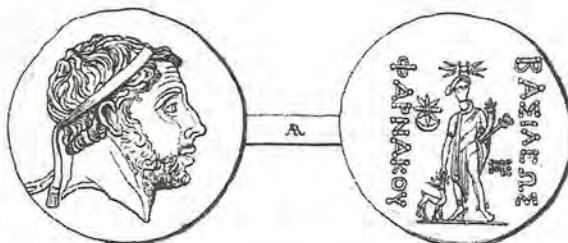
«Античность» в переводе с латинского — «древность». Значит, античными следует называть монеты древнего мира. Точнее говоря, монеты, чеканенные до гибели западной Римской империи в 476 году н. э. В первую очередь — греческие, римские и кельтские. Впрочем, кельтские монеты являлись подражанием греческим и римским. Да и римские на первых порах подражали греческим.

Что можно увидеть на античных монетах? Прежде всего — обилие на них изображений самых разнообразных животных. Оно нередко позволяет определить место чеканки монет. На афинских драмах выбита сова, на монетах Коринфа — крылатый конь Пегас, отчего эти деньги носили обиходные прозвища «совы» и «жеребят». Нетрудно догадаться, почему на монетах малоазийского города Фокеи изображен тюлень: тюлень по-гречески «фока». На монетах Акраганта можно увидеть орла и краба, на деньгах Сибариса — быка, изображение тунца чеканили в Кизике, а льва — в Милете, Самосе, Пантикапее... На монетах других древнегреческих государств можно обнаружить дельфинов, оленей, баранов, пегасов, воронов, грифонов, зайца, осетра, птицу Феникс...

Большинство перечисленных животных удостоились этой чести потому, что они считались священными в том или ином городе, были символами какого-нибудь божества или правящего рода. Например, сову чтили как священную птицу богини Афины, символ мудрости; орел — спутник самого Зевса: этот верховный бог древних греков мог принимать облик быка или лебедя...

Часто на монетах древности появлялись сами божества или цари. Впрочем, многие правители той эпохи вели свое происхождение прямехонько от небожителей. Что бы вы подумали, увидев монету, на которой всем известный Александр Македонский изображен с бараньими рогами на голове? А современники великого завоевателя знали: рога — символ древнеегипетского бога Амона и подчеркивают

*(Продолжение серии статей.
Начало в №№ 1-4 за 2003 год.)*

Серебряная монета (тетрадрахма) Фариака. На лицевой стороне портретное изображение царя; на обратной - Гермес или Дионис с ланью, по бокам монограмма и герб Ахменидов.

божественное происхождение самого царя и его власти. Египетские жрецы провозгласили Александра сыном Амона в благодарность за изгнание из Египта персов.

На античных монетах можно обнаружить изображения большинства древнегреческих и древнеримских богов. Здесь Зевс-Юпитер, Гера-Юнона, Афина-Минерва, Гермес-Меркурий, Арес-Марс, Гефест-Вулкан, Посейдон-Нептун, Селена-

Луна, Геракл-Геркулес и все его двенадцать подвигов; музы и нимфы, местные божества... Часто в виде прекрасных человеческих фигур изображались отвлеченные понятия, такие как Либертас-Свобода, Конкордия-Согласие, Виртута-Доблесть, Фелиция-Счастье, Абундация-Изобилие...

Были античные монеты, посвященные Олимпийским

Серебряная монета (драхма) царя Птолемея. На лицевой стороне портретное изображение царя, на обратной звезда и надпись.

играм или другим спортивным состязаниям древности. Почти все эти соревнования считались частью религиозных обрядов в честь того или другого божества, а потому участие в них считалось почетным не только для простых граждан. И если правитель становился чемпионом, он вполне мог отметить свою победу монетой с изображением соответствующего вида спорта. Кроме того, на монетах можно видеть метателей диска, борцов, кулачных бойцов, копьеметателей, конные состязания, победителей с пальмовыми ветвями в руках...

На римских монетах чаще, чем на греческих, появляются

ся изображения живых лиц, а надписи занимают гораздо больше места. Изображения восхваляют деяния и могущество Рима и его правителей. Портреты (профили) римских императоров отличаются своей реалистичностью. На монетах Рима можно видеть героев Троянской войны, чаще всего Энея и его близких.

На римских же монетах впервые появилось обозначение номинала.

Современный вид развалин Колизея знают, наверное, все. А вот каким этот крупнейший римский цирк был на самом деле, историки узнали лишь благодаря монете императора Тита, где амфитеатр Флавиев (первоначальное название Колизея) изображен во всех подробностях. В римское время на монетах появились изображения Акрополя, Капитолийского храма, а также храмов Весты и Януса, Венеры и Ромы...

Вместе с римскими монетами по всему античному миру распространилась и римская монетная система, послужившая образцом для многих европейских, и не только европейских, стран.

Но тут начинающий коллекционер может задать вполне резонный вопрос: «А какие именно монетные (они же денежные) системы существовали в античном мире?»

Есть основания предполагать, что греки свою денежную, а точнее — денежно-весовую систему во многом позаимствовали у Вавилона. Однако, заимствуя вавилонские меры веса, греки их изменяли и приспосабливали для своих нужд. Как и в Передней Азии, самой крупной древнегреческой денежно-весовой единицей был талант серебра. Нет, нет, такой монеты не было — она бы оказалась неподъемной, хотя слитки такого веса вполне могли существовать — хотя бы теоретически. А какого «такого веса»?

Ответить на этот вопрос не так-то легко. Не только в разных греческих государствах, но в тех же Афинах, например, в разное время талант имел различный вес. К тому же талант серебра (золото в то время в обороте встречалось редко) заметно отличался от весового таланта, которым взвешивали другие товары. После реформ Солона (6 в. до н. э.) аттический серебряный талант весил примерно 26, 4 кг. Эта крупная денежная единица делилась на более мелкие. Вот они: 1 талант = 60 мин = 3 000 статов = 6 000 драхм = 36 000 оболов = 288 000 халков. При этом основной реальной монетой являлась драхма и кратные ей. Например, «дидрахма» — «двойная драхма», «тетрадрахма» — «монета в четыре драхмы»... Именно в драхмах оценивалось большинство товаров на тогдашних афинских (и не только) рынках. В талантах же оценивались либо госу-

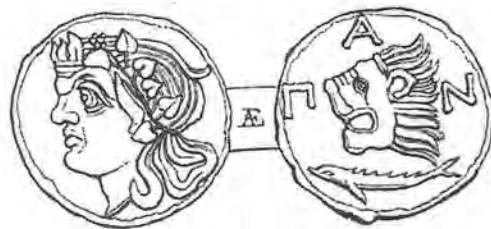
дарственные доходы и платежи, либо очень крупные состояния. Не лишним будет перевести названия всех этих единиц на русский язык. Талант — «чаша весов», мина — «камень» (было время, весовыми гирями служили камни), статов — «коромысло» (весов), драхма — «горсть», обол — «стержень», «острие» (в горсти помещалось шесть стержней), халк — «медный», «медяк» — он и чеканился из меди. В свою очередь халк делился на лепты. Лепта — «тонкий», «легкий», «без кожуры» — самая мелкая древнегреческая монетка, предположительно равная одной седьмой халка. За пределами Афин могли чеканиться халки и лепты еще более низкой стоимости.

Античные монеты из золота появились позже монет из электра (сплава золота с серебром) и серебра. Предполагают, что первым их стал чеканить все тот же лидийский царь Крез, за что они получили название «крезиды». Однако эта точка зрения пока не имеет реального подтверждения — ни одного крезида еще не найдено. Поэтому вполне возможно, что первыми золотыми монетами являются монеты персидского царя Дария I, чеканенные, вероятно, в конце 6 века до н. э. На лицевой стороне этих золотых можно видеть стрелка из лука. Считалось, что это изображение самого Дария, поэтому монеты получили прозвище «дарики» и выпускались более двух столетий.

В Древней Греции широкое распространение получили золотые статовы отца Александра Македонского — Филиппа II, по массе несколько превосходящие дарики (примерно 8,55 г и 8, 4 г соответственно). Если на статорах Филиппа II можно видеть на лицевой стороне лик Аполлона, а на оборотной — воина в колеснице (самого Филиппа?), то при его преемниках изображения менялись. Впрочем, то или иное божество на древнегреческих монетах присутствовало обязательно.

Золотая монета (статр) царицы Динамеи. На лицевой стороне портретное изображение царицы, на оборотной - герб Ахеменидов и надпись.

Серебряная монета (драхма) Херсонеса, III век до н.э. На лицевой стороне голова Артемиды, на обратной бодающийся бык на палице.

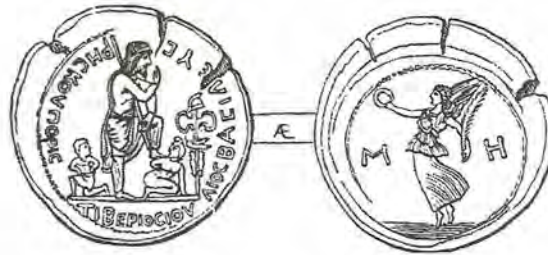
Вслед за македонскими фалангами шла греческая культура, а вместе с нею на Восток пришли (вернулись?) и греческая система мер, и названия греческих монет. В эпоху эллинизма наследники великого завоевателя чеканили золотые монеты (чаще всего статеры) на огромных пространствах от Нила до Инда. Самой крупной из них и вообще самой крупной золотой монетой античности является золотой достоинством в 20 статеров бактрийского царя Евкратиды. До наших дней сохранилось не более трех таких монет.

Золотые (и серебряные) монеты эпохи эллинизма породили немало подражаний не только в Азии и Европе, но и в Африке. Собственную золотую монету из иберийского (испанского) золота чеканил и Карфаген, но недолго.

Древнеримской единицей веса первоначально был асс (иначе — «ас»), который делился на двенадцать частей — унций. (Унция в переводе и означает «двенадцатая доля».) с развитием денежных отношений асс стал единицей веса древнеримского медного фунта — либра. Одно время даже выпускалась (отливалась) монета асс стоимостью в один фунт и весом примерно в 270 г.

Но постепенно, под влиянием греков, медь (бронзу) в качестве основного денежного металла в Риме сменило серебро. Самой крупной денежной единицей Рима еще до н. э. стал талант серебра, вес которого во времена Юлия Цезаря был близок к весу «серебряного» таланта Солона. Разумеется, и здесь талант был только отчетно-весовой единицей. А вот как выглядели доли этого таланта: 1 талант = 100 либрам = 1 200 унциям = 7 200 денариям = 28 800 сестерциям = 57 600 оболам. И либра, и унция тоже были только счетными единицами. Реальными серебряными монетами являлись денарий и его доли. Денарий — «десятерик» — получил свое название потому, что первоначально разменивался на десять заметно обесценившихся медных ассов. Во времена Империи асс составлял уже только одну шестнадцатую денария. Сестерций — сокращенное числительное «два с половиной» (асса) — чеканился первоначально из серебра.

Как и в древней Греции, римские золотые монеты — ауреусы — (что так и переводится — «золотой») выпускались эпизодически. Впервые их отчеканили во

Медная монета Птоломея II. На лицевой стороне изображен царь с двумя пленниками, которых он попирает ногою, перед ним - трофей. На обороте - изображение "Победы".

изображения реальных лиц (например, римских императоров) и некоторые надписи.

Завоевав сначала Италию, Балканы, Переднюю Азию, Египет и все северное побережье Африки, римляне принесли в эти страны и свою денежную систему, свои монеты. Именно римский фунт-либра и его доли легли в основу денежных систем большинства стран средневековой Западной Европы. А на Востоке названия античных монет — драхмы и денария — сохранились до наших дней: многие денежные единицы здесь и сегодня называются драхмами и денариями.

На другом конце древнего мира, в Китае, также происходили некоторые изменения в денежном обращении. В III веке до н. э. объединивший страну император Цинь Шихуанди особым указом запретил использовать в качестве денег яшму, нефрит, раковины-каури, черепаши панцири, шелк, рис... и даже почему-то серебро. По всей империи вводились единые золотые и медные монеты. Золотые, как и почти везде в древности, были редкими. Поэтому основными деньгами стали медные (бронзовые). Эти крупные монеты весом чуть более восьми граммов имели посередине квадратное отверстие и нанизывались на веревки. Их так и считали — связками. Одна связка — 1 000 монет. Монеты такого типа сохранялись в Китае до конца прошлого XIX века. Сохранялся и счет на связки.

Но вес монет, как и всюду, со временем менялся (уменьшался), и неоднократно.

После распада Циньской империи запреты ее основателя потеряли силу, и в Китае в качестве денег вновь стали ходить и серебро, и шелк, и рис...

(Продолжение следует)

Медная монета Сармата II, 1750211 г н.э. На лицевой стороне - погрудное изображение царя, на обороте - его же изображение во весь рост с атрибутами Геракла и Посейдона.

Анатолий ШУКШАЕВ

На пороге национального парка

Записки горного егеря

Прежде чем говорить о самоцветной полосе, дадим некоторые пояснения. На Урале есть две территории, где открыто большое количество минералов. Южный Урал — Ильменские горы, где в 1920 году создан минералогический заповедник, при нём организованы научно-исследовательский институт и музей. В Ильменах найдено более 180 минералов, из них 30 — впервые на нашей планете.

На Среднем Урале в треугольнике населенных пунктов Алапаевск-Петрокамское-Реж проходит самоцветная полоса, где, по скромным подсчётам автора, открыто более 150 минералов и более половины элементов таблицы Менделеева, плюс почти все драгоценные камни. Вот об этом уникальном треугольнике пойдёт речь.

Официально территория старинных копей охватывает границы трех районов Свердловской области: Алапаевского, Пригородного и Режевского. Начинается она от притоков реки Алабашки, впадающей в реку Нейву на Севере, и заканчивается на юге в районе Таборского болота на границе Режевского и Березовского районов. Ее длина 70-80 км и ширина — 10-15 км.

По мнению ученых-геологов, самоцветная полоса простирается намного южнее и севернее, так как старинные выработки прослеживаются в обоих направлениях. Есть веские основания считать, что и на восток самоцветная полоса простирается гораздо дальше. Примером может служить Режевский район, где старинные копи встречаются на расстоянии 10-15 км от границы природно-минералогического заказника. В этих копиях любители камня добывают горный хрусталь самых необычных расцветок: прозрачный, черный, розовый, вишневый, красный, зеленоватых оттенков, сиреневый, желтый, лимонного цвета и т. д. Окраска кристаллов указывает на присутствие солей металлов, а, возможно, и месторождений различных руд: железа, никеля, селена, марганца, меди, цинка, редкоземельных элементов... На одной из копей встречена жила зеленого халцедона, прокрашенного на глубину 1-2 мм в черный смолянистый цвет явно органического происхождения. Возможно, район Чистого

болота еще порадует режевлян своим открытием.

Видимо, прав главный геолог Артемовской партии Ю. С. Шереметьев, сказав: «... У вас есть где искать. Район, где добывали самоцветы, всегда интересен. Вот с никелем, кажется, все...» Но и с последними словами трудно согласиться. С юго-востока на северо-запад проходит мощная амethystоносная зона. Она прослеживается от бериллиевых копей Малорефтинского кордона, продолжается по Крутихе, Костоусово, Озерной, Октябрьскому и далее поворачивает на север к Липовке. Детально не обследованы старинные железные рудники, расположенные восточнее

Деревянная единоверческая церковь на правом берегу пруда (г. Реж).

Фото А. И. Матвеева.

Липовки — Пачкун, Костоусовский, Сохаревский, Глухаревский.

Ведь должна же быть аналогия. На территории Липовского никелевого рудника когда-то был железный рудник. Никелевые руды обнаружили спустя 100 лет после отработки железных руд.

На территории наших соседей расположено более половины копей, фактически никем не охраняемых. Несколько из них — «Тысячница», «Мокруша», «Ватиха», «Тальян» и другие — национального значения. На протяжении длительного периода на многих копиях Пригородного и Алапаевского фрагментов Самоцветной полосы ведутся добычные работы — как государственными организациями, так и частными предпринимателями или просто хитниками. Такое отношение государства к памятникам природы и к

тем богатствам, которые хранят недра, просто недопустимо. Под угрозу полного уничтожения поставлено уникальное месторождение самоцветов.

Самоцветной полосе Урала посвятили долгие годы научной деятельности крупнейшие ученые: А.П. Карпинский, А.Е. Ферсман; здесь на копях Мурзинки, Алабашки побывали П.С. Паллас — крупнейший ученый РАН, немецкий географ и путешественник А. Гумбольдт и многие другие. Самоцветная полоса богата не только драгоценными камнями, но и различными полезными ископаемыми. В разное время здесь находили и добывали железо, медь, золото, никель, асбест, тальк, руды радиоактивных элементов и т.д. Будем надеяться, что самоцветная полоса обогатится новыми открытиями и в будущем.

Вопрос о создании особого геологического заказника изучается с 1980 года комиссией по охране природы УНЦ АН СССР и другими заинтересованными организациями в

копи заросли лесом так, что неопытному человеку не определить, были ли когда-то на этом месте копи. Старинные копи, находящиеся вблизи населенных пунктов, превращены в свалки мусора, могильники для скота и т.д. Месторождение замечательных густоокрашенных аметистов «Ватиха» отработано геологами практически полностью. Вот вам и памятники природы областного значения.

Бытует мнение, что самоцветы уже выбраны, и необходимо сохранить для потомков то, что осталось. С таким мнением нельзя согласиться. Во-первых, практически все старинные копи — выработки глубиной всего от 3 до 5-6 метров. О новых проявлениях самоцветов в открытой печати не сообщается. Во-вторых, слишком много белых пятен на самоцветной полосе, где не ступала нога геолога и «хитника». Это в основном заболоченные участки и непроходимые лесные дебри; да и старинные копи по-настоящему не обследованы.

Дом купца Н. И. Замятина, (открывшего на свои средства первый в городе кинотеатр). Фото А. И. Матвеева.

пределах Мурзинско-Адуйской самоцветной полосы. Старинные копи — Харина, Поцелуиха, Никольская, Делянка, Большая и Малая Тележницы и другие (Алапаевский район), Стаканница, Тараканница, Тальяновские и другие (Пригородный район) взяты теперь под охрану в ранге памятников природы областного значения. Только остается непонятным, кем и как взяты? В Режевском фрагменте самоцветной полосы копи «Семенинская», князя Мещерского и многие другие действительно взяты под охрану государства. В этом заслуга главы администрации района А.А. Штейнмиллера. Он принял активное участие в создании заказника «Режевский», оказывает постоянную помощь, интересуется деятельностью заказника.

Автору этих строк в 1998 году удалось побывать на нескольких копиях северной части самоцветной полосы: «Ватиха», «Тысячница», «Тальян» и других. Картина не из приятных. Кругом следы деятельности «хитников». Многие

Думается, что добычные работы в Самоцветной полосе Урала должны осуществляться, но не кем попало, а местными муниципальными организациями под контролем и при содействии геологов и науки, администрации заказника с последующим приведением в надлежащий порядок горных выработок. Это может стать прибавкой к тощему местному бюджету, а также улучшить транспортные артерии в заказнике. Такой подход к организации добычи самоцветов обязательно приведет к повышенному притоку туристов, а это еще одна статья дохода. Но при этом необходимо частично изменить устав заказника, внести поправки в закон землепользования на Самоцветной полосе Урала. Добычные работы производить старательским методом, значительно менее затратным, чем привлечение к добыче геологических партий и других государственных организаций и тем более частных фирм. Старательский метод более прозрачен и контролируем. Его многолетняя прак-

тика доказала свою живучесть — особенно когда запасы сырья незначительны, а это в большой мере относилось к самоцветам. Примером может служить «Изумрудная копь», которая в годы Великой Отечественной войны обрабатывалась старателями.

Описание самоцветной полосы будет неполным, если хотя бы вкратце не упомянуть об Уральских изумрудных копиях, северная часть которых находится на территории Режевского района и является как бы продолжением самоцветной полосы. Основные месторождения этого изумительной красоты камня расположены в Асбестовском районе (пос. Малышево и Изумруд).

По всей вероятности, они были известны задолго до официального открытия в 1830 году Максимом Кожевниковым, который в сосновом бору на р. Токовой в корнях упавшей сосны нашёл зелёные камушки шестигранной формы. Сегодня можно встретить старинные копи на юге Режевского района, где и по сей день работают «хитники». На территории наших южных соседей такого не наблюдается, и старинных копей там не осталось. Появились новые названия месторождений — Мариинское, Троицкое, Сретенское, Квартальное, Липовый лог, Южно-Шамейское, Красноармейское, Красноболотное и другие. Здесь также встречено большое количество минералов как рудных, так и нерудных — мусковит, флюорит, маргарит, турмалин, биотит, берилл, молибденит, пренит, бавенит, бертрандит, бехоит, клинобехоит, бисеолит, адуляр, фенгит, сфалерит, пирит, танталит, колумбит и другие.

Но широкую известность месторождения получили благодаря ювелирным разновидностям берилла — изумруд, alexandrit, хризоберилл, фенакит, эвклаз, хондрит, топаз.

Для изумрудов этих месторождений характерен различной интенсивности зелёный цвет с голубоватым, реже желтоватым или коричневатым оттенком. Изумруды «майской зелени» встречаются редко. Другие разновидности берилла встречаются очень редко и промышленного значения не имеют.

Самоцветная полоса Урала расположена в центре России, практически на границе Европы и Азии, в непосредственной близости от крупных культурных и промышленных центров Урала. От Екатеринбурга до нее всего-то 50 км, на автобусе можно доехать за 1 час, по железной дороге — за 2 часа.

Это не только Мекка самоцветов, это жемчужина природы Зауралья, с изумительной красоты пейзажами и богатствами лесов и рек, радоновыми источниками, ничем не

Волостное управление, ныне райо (г. Реж). Фото А.И. Матвеева.

потревоженными озерами и прудами. Это богатейший полигон для научной работы во многих отраслях науки.

И при всем этом самоцветная полоса Урала до сих пор не приобрела той известности и признания, которого она заслуживает. Приходится только догадываться, почему. Сначала «режим секретности» государства хранил тайны самоцветной полосы, а сейчас ради прибыли делаются попытки отравить цанидами ее территорию. Теперь уже в Крутихе собираются открывать гранитный карьер, где при разведочных работах был обнаружен достаточно высокий радиационный фон (до 250 мкР/час при предельно допус-

Современный дом в окрестностях г. Режа (п. Быстренский).

тимой норме 30 мкР/час). А ведь при вскрышных и добычных работах фон повысится в несколько раз, и тогда произойдет катастрофа намного серьезнее, чем в поселке Озерном. Придется проводить рекультивацию не только карьера, но и огромных территорий, включая большой участок автомобильной и железной дорог, поселки Крутиха, Лосиный. Проведение добычных работ на карьере связано с массовыми взрывами (до 100 тонн взрывчатки) и значи-

рубин (от 1 до 10 карат) стоит от 200 до 10000 долларов;
сапфир (от 1 до 10 карат) — от 100 до 2000 долларов;
аквамарин (от 5 до 10 карат) — 20-300 долларов;
берилл обыкновенный (от 5 до 15 карат) — 2-35 долларов;
гранат альмандин (1-10 карат) — 5-80 долларов (цены 1993 года).

Здание заводоуправления (ныне химлаборатория), г. Реж. Фото А. И. Матвеева.

тельными выбросами в атмосферу радиоактивной пыли. Эта пыль постоянно будет оседать на железнодорожные пассажирские и грузовые составы, здания и сооружения, на почву, автомобильный транспорт; люди, естественно, будут дышать этой пылью, и бог знает, чем закончится очередная затея власть предержащих для природы и человека. А между тем на территории области сотни не рекультивированных отвалов старых и новых рудников, на базе которых можно и нужно наладить щебеночное производство, только изменив ГОСТы и ОСТы.

Глубинные причины замалчивания самоцветной полосы кроются в разрушении традиционной культуры камня, отчуждении от драгоценного цветного и поделочного камня жителей территории, где находятся месторождения, в отсутствии государственной политики защиты чести, достоинства и собственности коллекционера и музейщика, низком уровне геологического просвещения, и, наконец, инертности нашего мышления.

Самоцветы — наша гордость, а не забава, и стоят они очень дорого. Достаточно вспомнить про розничные цены на ограночные драгоценные камни на мировом рынке. Чем крупнее камень, тем он дороже стоит. Измеряются камни в каратах (карат — 0,2 грамма). Приведу несколько примеров:

Если добывать только ограночный аметист (кристаллы средним весом в 10 карат) по 100 кг в год по ценам мирового рынка в 15 долларов, то сумма реализации составит 750000 долларов. Старательской артели это вполне по силам. При наличии нескольких единиц землеройной техники.

В связи с вышеизложенным возникает необходимость создания на самоцветной полосе природоохранных подразделений в виде национальных парков, заказников и т.д.

Идея создания национального парка на территории самоцветной полосы появилась в начале XX века, но к величайшему сожалению ни тогда, ни сейчас вопрос не решается.

Основатель Ильменского заповедника Н.М. Федоровский еще в 20-е годы прошлого века представил проект создания минералогического национального парка. Профессор Уральского горного института К.К. Матвеев в конце 30-х годов прошлого века также выдвигал предложения о создании национального парка. И, наконец, в «Горном журнале» №11, 1993 год в разделе «Геология и горное дело» доктор г.м.н. Э.Ф. Емлин опубликовал по существу проект национального парка «Самоцветная полоса Урала». Им предложена структура парка и его границы, обоснование и предпосылки, и т.д.

Согласно постановления Госплана СССР и Государственного комитета по науке и технике от 27.04.1981 года выделены категории охраняемых объектов: заказники — временная и неполная охрана природы; парки — сочетание отдыха людей и охраны природы; заповедники — полная охрана природы.

Национальный парк — это то, что необходимо создавать сегодня, развивая на его базе мощную туристскую индустрию, доступную для каждого жителя области. Организованный туризм позволит существенно улучшить экономику районов, на которых расположен национальный парк, создать культурно-массовый центр, способный решать проблемы воспитания молодежи.

Если в первую очередь правительство займется созданием культурных центров: спортивных, туристических и других, меньше будет проблем с устройством приютов и детских домов, меньше нужно будет тюрем и СИЗО, уменьшится количество карательных органов и их численность. Будет здоровое общество — здоровая Россия. Нужно с умом заняться перераспределением средств в бюджете стра-

Ферсмана да «Сказы» П.П. Бажова. И это в стране, где драгоценный камень — не редкость.

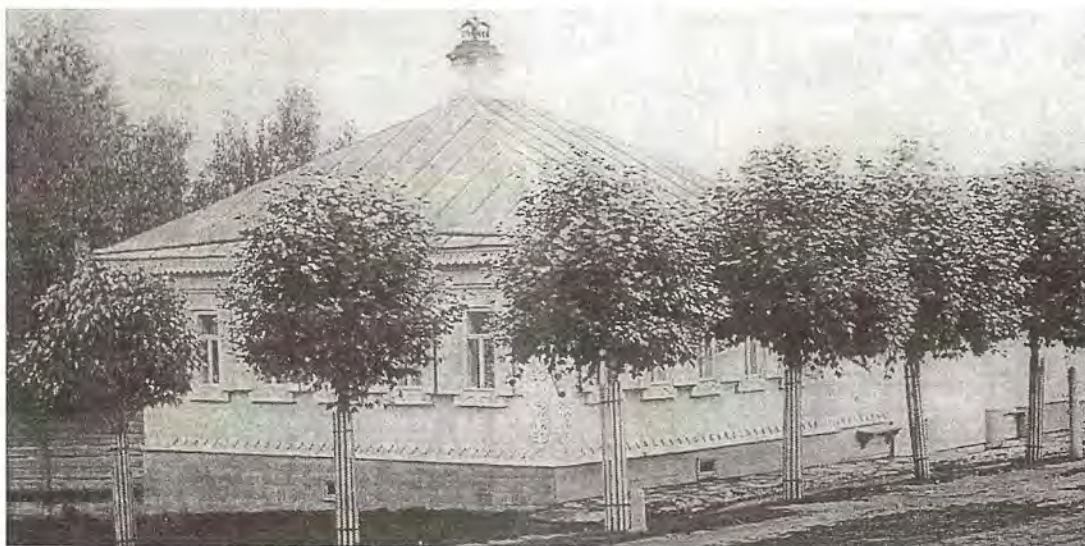
Отсутствие культуры камня прежде всего в элите государства привело к узковедомственному подходу при разработке месторождений и к колоссальной потере средств.

За примерами далеко ходить не нужно. Бывший п/я 5, добывавший моноцит в п. Озерный Режевского района, брал только моноцит, а сопутствующее ему золото, бериллы, цирконы, гранаты, редкие земли шли в отвал.

Режевский никелевый завод, разрабатывающий Липовское месторождение, вместе с рудой в течение десятка лет отправлял в переплавку и самоцветы этого месторождения.

Начиная с 30-х годов прошлого века Малышевские бериллиевые рудники были переданы ВПК — изумруд стал источником бериллия, а добывалось его столько, сколько требовалось правящей верхушке страны.

И, наконец, отсутствие культуры камня (непонимание связи его добычи и обработки, исторически сложившихся

*Дом смотрителя городской плотины И.Г. Байбородина, ул.Береговая (ныне Пушкина), г. Реж.
Фото А. И. Матвеева.*

ны, иметь четкую программу, экономически грамотно обобщенную.

Материалы о самоцветной полосе сегодня можно встретить только в научной литературе, недоступной широкому кругу читателей, особенно подрастающему поколению. Ни подростковой, ни детской литературы по ней в продаже нет.

Нет и школьных программ, пропагандирующих культуру камня.

Остались только популярные книжки академика А.Е.

традиций) привело к банкротству Малышевских рудников...

Уральские месторождения должны служить Уралу и способствовать развитию отраслей добычи и обработки драгоценных камней. Необходимо признать приоритетное право Урала на обработку камня как традиционной для области отрасли.

(Продолжение следует.)

Галина КУЛАГИНА

ЗЕМНОЙ ПОКЛОН УРАЛУ

Необычайная лестница-головоломка

«Я рассказов о тебе не собирал —
рассказать я о тебе и сам могу.
Нет, тебя не понаслышке я узнал —
твой абхазский гость, приехал я сюда,
всей душою полюбил тебя, Урал,
и в долгу перед тобою навсегда», —

											ным
										тебе	шой
								я зем	оте	всех	
							няюсь	в боль	черпа	нал	
						честь,	ты	долгу	я в		
					кла	дины	же вы	я уз			
					слава	бе	ом	тобой			
				ном	бы ро	твоих	как				
			наде	судь	енн	пред					
			жда								
	покло	судь	ств	поры,							
чест	твоей	плач	Урал,								
ва											
н	богат	той									
счаст											
ье	тебя										
нео											
с											

Так пишет Иван Тарба — сын грузинского народа в стихотворении «Уралу». Чтобы прочитать продолжение этих строк, вам надо восемь раз подняться по этой необычайной лестнице. Если присмотритесь, увидите, что здесь не одна, а целых четыре лестницы. Что делать—спускаться или подниматься? С какой начать?

ЧЕТЫРНАДЦАТЬ ИЗ СТА

Чайнворд фигурный.

Много городов в нашем крае, велика их роль в хозяйственной и культурной жизни. И нет ничего удивительного в том, что в книге им посвящено много игр. В данной игре даются лишь географические ориентиры, поэтому вам придется вновь обратиться к географической карте Урала. Названия четырнадцати городов надо вписать в фигуру чайнворда, руководствуясь порядковыми номерами и числом клеток. Буквы, которые окажутся в кружках, прочитываются только один раз (при первом прохождении).

1. Крупный угольный центр в Пермской области.
2. Промышленный центр к северо-востоку от Перми с более чем двухсотлетней историей.
3. Город, жизнь и славу которому дал удивительный минерал: его прядут, из него ткут скатерти, полотенца и салфетки, выдерживающие до 450 градусов.
4. Город в Свердловской области — родина легендарного героя — разведчика в годы Великой Отечественной войны.
5. Город в Челябинской области недалеко от Миасса.

6. Город, где была изобретена первая водяная турбина.

7. Всемирно известный центр художественного литья.

8. Город, славящийся в наши дни мотоциклами, а в прошлом знаменитой ярмаркой.

9. Город в Челябинской области на реке Уй, в прошлом — «ворота на азиатскую руку».

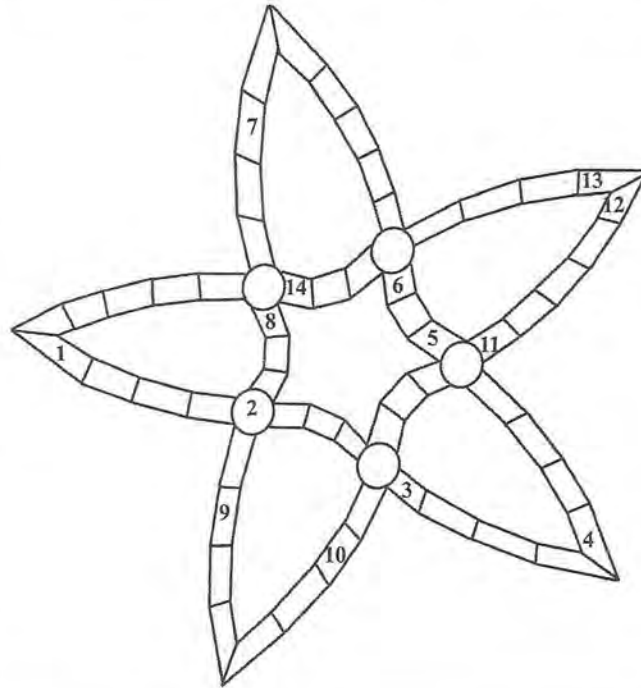
10. Город в Челябинской области, бывший центр горного округа. Начало городу положил завод, построенный Никитой Демидовым.

11. Этот город ищите между Челябинском и Златоустом, на той же реке, что и областной центр.

12. Он расположен к западу от Челябинска по дороге на Уфу.

13. Недалеко от этого города Сим и Аша.

14. Город, расположенный к западу от Екатеринбурга, прославился в прошлом бурными событиями 1841 года.

БРАТСКИЙ ПРИВЕТ УРАЛУ!

Криптограмма фигурная

Тех, кто любит расшифровывать тайнопись (криптограммы), иногда огорчает, что они просты по форме и однообразны (текст, как правило, включают построчно в обычный прямоугольник). Вот для таких любителей сложной шифровки и составлена эта игра. Усложнена сама фигура криптограммы к ней самой нужен ключ. С чего начать? Поможет Вам нехитрая «подсказка»: названы имя, фамилия и республика, сыном которой является автор зашифрованного текста. По числу букв эти три слова вы без труда найдете. Прочитав их, получите ни много ни мало значение пятнадцати букв алфавита и поймете принцип шифровки: он прост. Обратите внимание на центральный круг фигуры: он поможет Вам подобраться к ключу.

Название этой игры почти универсально. Оно с успехом могло бы быть дано не только зашифрованным здесь стихотворным строкам, но и многим другим играм: «Из упорства я весь состою», «Бесценны твои мастера», «Земной поклон Уралу» и другим, так как во всех этих играх использованы стихи поэтов различных республик, посвященные Уралу, объединенные чувством любви и признательности к России и нашему краю.

В этой игре строки из стихотворения Юсуфа Хамдама из Узбекистана. Итак, приступайте, пользуясь искусством заправского шифровальщика!

Александра ГУРЬЕВА-САЖАЕВА,

Ильин день

**«Известна мне церковь живая, где
сердцу отраднo так быть
Христову любовь воспевая,
в ней жажду Его я хвалить»**

Школа уже давно была не церковноприходская, а обычная советская, но присутствие рядом храма и большие листовенницы вокруг согревали собой унылый осенний пейзаж деревни. Мама шла мимо, держа меня за руку, мы поднимались на гору, где было деревенское кладбище, огороженное простым крашеным забором. На плечи ложились первые легкие снежинки. Вспоминалось ей из далекого ее детства, как наступало «осеннее время», когда по ездил на лошади по домам, собирал, что давали. Мать была в няньках у него, и ее брали с собой, надо было подходить к окошку и говорить: «Наделите батюшку». Хозяева подавали, кто что мог, кидали в мешки клюкву, овес, лен, овощи, но занятие это было не по душе матери, тогда подыскивали другую, более бойкую девочку.

Вообще «побираться», ходить по деревням, было обычным делом. Нищих всех давно знали и, завидев издали, часто подавали, кто что мог. Случалось, и на лошади нищие езживали. Купил как-то дед такую лошадь, а она к каждому двору подворачивает, еле научили идти прямо, с поля сразу домой.

Артель художников.

(Окончание. Начало в № 4, 2003 г.)

Федосья-красильщица.

Мы с матерью тихо стояли возле двух заросших высокой травой холмиков. В памяти высвечивалась большая деревенская изба, в окна бьет утренний, золотой свет, на лавки ложатся тени от простенков. Бабушка, разгоряченной от ухватов и чугунов рукой, гладит меня по волосам — живая и добрая.

Мама, вздохнув, кладет на холмики по ватрушке, и мы уходим. Выходя за кладбищенские ворота, мать уже не крестится, но вспоминает, что вот здесь стояла большая, светлая часовня с большими иконами и в родительские дни в ней шла служба, вспоминали усопших.

Под горой уже стояла большая, двухэтажная кирпичная школа со спортзалом и высоким крыльцом. Давно уже не стало в деревне потомственного учителя, самого грамотного на деревне мужика. Однажды осенним туманным утром приехали на потертой «эмке», посадили его в машину, и больше учителя никто не видел. Неподдалеку стояла его большая изба с яблоневым садом, с лужайкой перед окнами, жили теперь в ней его сын с женой, тоже сельские интеллигенты. В бабушкиной избе теперь жила мамнина сестра тетка Пелагея. Все здесь стало по-другому, в углу горницы был втиснут современный шкаф, он как-то неуютно чувствовал себя здесь, божница опустела, и в изъятых углах выветрился запах дедовской махорки и сушеных ягод. На столе кипел электрический самовар, и вместо за-

От редакции: В № 4 за 2003 год вместо фотографии А. Гурьевой-Сажановой было помещено фото художницы Н. Степаничевой (невольный первоапрельский казус). Приносим обоим авторам и читателям наши извинения.

копченного рукомойника, висевшего на цепочке в углу у полатей, стоял цинковый умывальник. Только широченные лавки да пестрый цветочный венок на потолке горницы напоминали о прошлом.

Когда-то в деревне жила одиноко баба, звали все ее Федосья-красильщица. Ходила она по избам, в узелке завернуты краскотерка, кисточки, краски. Привычным движением брала веревочку, очерчивала круг на потолке и рисовала неяркие уральские «светики». Оставшимися красками завершала убранство — расписывала двери в чулан. В праздники эти цветы, нарядные половики, скобленные полы радовали душу и глаз своей естественностью. Расписывались и входные двери, и крышки голбца, и простенки — и вот среди зимы расцветали в избе розы, колокольчики и георгины.

Наступала глубокая осень. 4 ноября случался еще один престольный праздник — Казанская.

По деревням ходила артель мужиков-художников, которых сейчас бы назвали реставраторами. Заходили и в Ильинку, и тогда храмовые фрески начинали опять сиять по-новому. Работали они несколько дней и уходили, собрав горшки и кисти в деревянные ящики. После Покрова было уже холодно, лишь изредка скупое уральское солнце освещало обнаженные березы и притихшие серые избы по берегам. Наступала уже зима.

На Казанскую в доме было свежее мясо, крупчатка и масло.

Приезжал обычно к деду свояк Феропонт из Щипачей, гостил целый день и уезжал уже по потемкам на своей лошаденке. Поздним, почти уже зимним, вечером мама со своими сестрами Таськой, Палашкой, Крестиной шли в церковь на исповедь. После исповеди за стол сразу нельзя, поголодаешь, а потом с жадностью сразу и съешь простой кусок калача, и все мирское вдруг покажется чудом после детской, еще безгрешной, исповеди.

Вот уже наступает Рождество, в окнах у дьякона светится елка, в церкви готовятся к службе, в деревне тихо, лишь дымятся трубы да поскрипывает снег под полозьями, мужики торговцы рыбой подъезжая к избам, зазывают купить жирного сырка или щуку. Весь улов быстро тает к концу улицы, тятя несет в избу дымящегося от мороза жирного сырка и с шумом кладет на стол. Утром будет вкусный пирог и шучья уха.

Ночами в Рождество и Крещение как-то по-особенному ярко мерцают на небе звезды. Между бездонным черным небом и белым снегом в огороде светится маленьким солнцем прокопченная банька. Начинаются гадания.

Молодым девкам не терпится узнать свою судьбу, а главное жениха — этот ли парень будет единственным, который подмигивал на игрищах и которому подарен был недавно своими руками вышитый кисет.

Время, как самокрутка, сжигало, сворачивало кусок бумаги, и вот уже от того, что было, не остается почти ничего, кроме корочки серого пепла.

Начинались, еще по старинному обряду, свадьбы. Отслужат обедню, и свадебные пары с попом идут на воду. Там уже очищена прорубь, нарисованы голубой краской на льду голубки. Пока поп освящает воду и все крестятся, мороз крепчает, озябших, с розовыми щеками невест и

Гости.

женихов ведут к столу, всю ночь идет гуляние. Весело в это время в деревне: то тут, то там бегут по тропинкам молодые пары, подолгу стоят и курят. Тахорку старики и поглядывают на звезды, вспоминая свою молодость. Идущий мимо мужик по прозвищу Фляжка, из соседней деревни, останавливается и бормочет: «Во Иордане крещающийся тебя Господи и троическое поклонение твои...» — идет дальше и заходит в мамину избу. Бабушка подает ему стакан крепкой браги, он хмелеет быстро и пытается вспомнить молитву до конца, но не может. Дома его ждут шестеро детей и жена по прозвищу Шима, вечно озабоченная: как прокормить детей. Ремесло ее было нехитрым: ходить по чужим избам за плату скоблить полы, мыть и белить глиной печки.

Мороз все крепчает, затягивается тонким ледком крещенская прорубь (еще целую неделю не будут бабы полоскать здесь белье), и кажется, что Вифлеемская звезда висит прямо над ней и сверкает ярче других. Снег этот, так же как и воду из проруби, набирают крещенской ночью, и

от многих болезней и недугов они пригодятся: можно жарким летним днем помазать этой водицей рану от серпа или помочь вдруг распухшее вымя коровушки.

Длинными зимними вечерами мама с подружками пряли, рассевшись на широкие теплые лавки. Чад и копоть от лучины мешали деду, он ворчал — тогда начинали вязать тончайшие кружева при месяце, который светил в окошко, ночи были светлые, и острый девичий глаз не ошибался, и привычно пальцы выводили знакомый узор почти на ощупь. Бабушка пела песню, когда прядла:

*Меня девка пристыдила,
Средь кружка постановила,
С меня шапочку сронила.
Протекала мати быстрая река,
Затопила все зеленые луга.*

Высокие сугробы все росли, и уже не видно было прясел. Узкие тропинки, протоптанные валенками, змейками огибали избы. Вот уже крещенские морозы утихли, и однажды утром, проснувшись, все замечали первые сосульки над воротами.

Приближалась Масленица, отдых от долгих постов, молитв и воздержания. Всю неделю по улицам звенит смех молодых девок и парней, везде слышен звон колоколец на нарядных дугах лошадей. Собирались часто у реки, расчищали каток с уже подтаявшим льдом. Веселый мужик Гань-

ка приезжал на лошади с сохой и «пахал» слежалый мартовский снег на берегу, разбрасывал из сита «семена» и сеял. Представление было придумано тут же, покуражится всем хотелось от выпитой бражки. Радостное чувство наступления весны оживляло застоявшуюся длинной зимой душу. В чистый понедельник на столе дымился и источал невообразимый аромат пирог из сырка, янтарные блины, обильно политые маслом, ягодные «силянки». В прощенное воскресенье шли друг к другу, падали в ноги и просили прощения, сбрасывали с себя застарелые обиды, как изношенную становину, и ждали лета.

*Завтра праздник воскресенье,
Нам лепешек напекут,
Их помазуют, нам покажут
Только кушать не дадут.*

(Из деревенской притевки)

Зимние занятия у ильинцев были самые разные. Зате-рянная в березовых лесах и угорах деревня была далекова-то от городских центров, поэтому искусство производить многое своими руками очень пригодилось в деревенском нехитром быту. Мужик Василий Павлович, живший у реки в небольшой избе со старухой, ткал решета из конского волоса, сосед его Василий Петрович Ушаков шил обувь на всю деревню, ботинки, сапоги. Мужик Ефим, звали его в деревне Офимко, плел ковры из камыша и продавал их. В

Крещение.

соседнюю деревню Колясники ездили купить кожу сыромятную, ремни, выделанные из свиной кожи. В избе у мужика по прозвищу Калачик были установлены два ткацких станка. Девки бегали к нему ткать половики. Если дымила печь или надо было новую сработать, были и свои печники.

Прозвищами была богата деревня, целый род или семья имели свое, зачастую странное, непонятное, прозвище. «Бабанята» клали печи — все разные братья: Данило, Петро, Степан, Матюга, Ванька.

Но вот разноцветным вихрем промчалась и Масленица. Духов день — земля именинница. Водили хороводы и пели луговские песни.

На Троицу уже распускались первые клейкие листочки на березах. В церкви было торжественно, и приготовлено к службе, пахло свечами, ладаном, на полу — березовые ветки. У паперти — нищие, тоже с какими-то просветленными лицами. Верховодит ими обычно в деревне баба с деревянной ногой, руки без кистей, уродливая с детства по имени Лушка и по прозвищу Бутышка. Несмотря на свои врожденные недостатки, очень бойкая и умеющая много делать, умудрялась даже вязать кружева и вышивать. Рядом с ней ее сыновья, Антипка и Ванька, в новых сатиновых рубашках. В «худшие годы», голодная и измученная она придет к старшему Антипке и возьмет его паяк, за что сын побьет мать. Полуживую, избитую сыном, ее привезут на телеге, она слабо пошевелит култыпками и ничего не скажет. А пока все хорошо, теплое весеннее утро, все идет к обедне, от цветущих одуванчиков весело и светло на лужайке у церковной ограды. На Троицу обязательно сарафаны, и парочки светлы, новые шали на плечах у баб.

И все-таки в деревне после Ильина дня был самый важный праздник Пасха. Всю Христовскую неделю идет звон по деревне: колокола не смолкают. Пасха бывает то ранней весной, то поздно, когда уже и травка совсем полетнему зашелковевает у прясел, земля окончательно оттает, и будет ждать своих пахарей. Но вот проходит пасхальная неделя, и наступает Качельное воскресенье. На высокой горе у мельницы деревенской устанавливался столб с веревкой. Ухватившись крепкой деревенской рукой, качались со смехом девки и парни, а перед глазами мелькали изгиб широкой реки, избы и одинокие могучие тополины за деревней. Как на старинном лубке пригорок расцветает девичьими полшалками, нарядными парочками. У самых богатых и модных девок на стройных ногах — кожаные ботинки со шнуровкой.

Мать запомнила, наверное, последнюю по-настоящему радостную Пасху, когда на колокольне еще не разрушенной церкви звонили колокола, как музыка. Из открытых тяжелых церковных дверей слышна пасхальная молитва:

Христос воскрес из мертвых

Гадания.

Смерть смертью поправ...

Вот если бы и храм, и деревня воскресли в один прекрасный день среди грешащих, пьющих, несчастных колхозников, и вместо грязной МТС на месте обезглавленной церкви с тракторами и матерящимися трактористами, с кочегаркой и вонючей от солярки мастерской, вдруг все стало так, как было в ту последнюю весну, когда мать была еще девчонкой, но... чудес не бывает. Мать уже почти равнодушно вспоминает о том, что было после 17-го. Не хочется об этом писать, но это тоже история ее деревни, людских судеб перемешанных, смятых, изуродованных.

**«Господи, очисти грехи наши,
Владыко, прости беззаконие наше.
Святые, посети, исцели немощи наши
Имени Твоего ради»**

Наступил 1918 год, что-то изменилось в людях, в их отношениях, где-то начиналась индустриализация, и коллективизация красным серпом прокатывалась по деревне. Высылали из деревни богатых мужиков, которые зачастую и кормили бедных и ленивых, несли свою культуру, сами не спали и не ели вовремя, чтобы жить достойно, сообразно крестьянскому среднему укладу.

Интересно, что в сельской общине всем было хорошо. Наверно, были между разными людьми и обостренные обиды отношения, были и пьянство и преступления, но классовая борьба, навязанная людям, шедшим дружно к обедне в один храм, произносящим одну и ту же молитву, сделала свое черное дело. Оказывается, нет ничего страшнее гнева, в общем-то, ничем не обоснованного, гнева от какого-то звериного инстинкта, во что бы то ни стало убить. Трагедия разыгрывалась как-то незаметно, как набежавшая неизвестно откуда туча: прогремел гром и ударил ливень.

Масленица.

Ильинский мужик Кирилл Егорович состоял в Красной армии, соскучился по семье, дому. Через камыши и поля пробрался к своей избе, но сразу же попал в руки своего односельчанина Егора Балдина, жившего на самом краю деревни. Связанного уздой раба Божьего Кирилла и вел Егор по всей длинной-длинной дороге на гору к кладбищу, громко кричал стоящим по обе стороны мужикам и бабам: «Бейте его!». У Кирилла была уродливой одна рука с единственным пальцем; пока вели, отрезали последний и бросили в придорожную пыль. Мужик по имени Матюга каким-то железным прутком бил идущего, кровь так и брызгала на дорогу. Кто-то истошно что-то кричал, кто-то плакал, но толпа не вступалась. Бабы затыкали уши и закрывали ворота. Дед, беспомощно шевеля белыми от ужаса губами, зашел во двор и лег в короб.

Рядом с Кириллом шла с распущенными волосами его жена с маленьким сыном Егоркой, громко голосила, и крик этот леденил души.

Привели на кладбище и там дежурившего в пожарке мужика Степана Кузмича «по приказу» заставили убить Кирилла. Но и этого показалось мало: вся толпа ринулась с кладбища к дому брата Кирилла — Петра Егоровича, но тот, завидя разъяренных людей, пал на колени и стал кричать, что у него в доме все еще «Царская Фамилия» на стене висит. Все как-то немного утихло, из толпы вышел богатый мужик Ипат, торговавший в деревне, и крикнул, что не надо убивать.

А убитый брат так и лежал на кладбище, ночью пошел

сильный ливень и обмыл его. Это был Ильин день 1918 года.

Прошло еще несколько лет, сын Егорка вырос, стал взрослым мужиком, иногда сильно напивался и приходил к убийце Балдину, бил окна, плакал и грозился убить, но тот, уже заметно постаревший и напуганный, приглашал в дом и поил бражкой отцова заступника.

Шло время. Все меньше и меньше было прихожан теперь в храме, и, наконец, он опустел совсем. Выслали куда-то отца Павла, зарастал полынью и бурьяном церковный двор, лиственницы, росшие вокруг, давно срубили. Часто, проходя мимо с красными знаменами и лозунгами, жители поглядывали на еще целый, но одиноко стоящий храм. Появились в деревне первые комсомольцы, молодые, коротко стриженные, в кожаных куртках. Давно уже был колхоз с общественным трудом, с Красными уголками на фермах, с красным флагом на сельсовете, с красными галстуками у первых пионеров. Настал однажды последний час и храма, нужно было как-то использовать пустующее «помещение», решили, как и в тысяче других деревень, убрать купола, кресты и колокола. Вся деревня собралась рушить церковь, только в сторонке кучкой стояли испуганные старушки и тихонько молились. Заскрипели доски под куполами, серенькая набежавшая тучка всплакнула над храмом осенним дождиком и побежала дальше. Приближался красный праздник 7 ноября. Толпа в каком-то оступении стояла посреди вдруг ставшего светлым храма, и вдруг со старых досок куполов что-то янтарное и липкое полилось на лю-

дей, потекло по стенам. Это был дикий мед: пчелы в испуге покидали свой привычный дом.

С тех пор в деревне уже не было храма, и праздник Ильин день как-то подзабылся. Уже нет и многих людей, видевших как летят вниз колокола и глухо бьются о землю. Прошлым летом захотелось мне еще раз взглянуть на мамину деревню, и именно в Ильин день. Явное запустение, покосившиеся заборы, помойки возле двухэтажных домов-хрущевок в центре деревни. На берегу реки, где раньше любили пощипать траву гуси, сооружен ларек, крашенный зеленой краской под цвет травы, в маленьком окошечке жвачки, «пепси» и шоколадки. Все как в городе — бери и радуйся. Посреди каких-то нечистот и болота стоит серенкое типовое здание клуба. Местный фотограф «сымает» группу смущенных бабенок на память о празднике.

Зашла в сумрачное фойе клуба, там на стене роспись — белые березки и в стилизованных под «русское» сарафанах кружатся хороводы. Стоят несколько колхозников, смотрят какие-то поделки импровизированной выставки — вышивки, коврики, салфетки. Зал не освещен, на сцене пусто, наверное, концерт художественной самодеятельности уже кончился. Как-то грустно, тоскливо на душе. Выхожу побыстрее на крыльцо, там трое молодых девочек в расклешенных джинсах жуют жвачку и хихикают, глядя на меня.

Почему-то вспомнилось, как недавно в деревне вдруг вроде ни с того ни с сего повесился мой дальний родственник, молодой мужик, имевший семью. Работал последнее время школьным сторожем, попивал водочку, работы в деревне уже давно никакой не было.

На территории МТС, где был храм, давно запустение, доживают свой век какие-то комбайны, трактора, из бурьяна торчат запчасти непонятных агрегатов, а ржавые бороны — как зубы давно вымерших динозавров. Поля вокруг колков зарастают бурьяном, по лесочкам бродят безработные колхозники в поисках природного ягодного и грибного пропитания. Лица у них какие-то диковатые, равнодушные.

Кругом тихо, лишь ветер гуляет вольно среди этой пустоты. Как во сне, где нет логики, где нет связи между явлениями и временными периодами, я брожу по деревне и не узнаю ее. Наверное, здесь когда-то произошло то, что

не должно было случиться. Конечно, нет ничего вечного, — все меняется, но как-то не радовали душу эти перемены.

На углу улиц, у сельсовета, стоит на коленях пьяный, еще не старый мужик, с бледным лицом — никак не может встать, хватаясь за угол здания. На горе среди приземистых избушек высится резной терем очередного председателя — помещика. Здесь все ухожено, во дворе газоны, новая иномарка, в огороде снует прислуга, баба с худым черным личиком — бывшая колхозница, теперь вот состоящая при хозяине. Рядом, у старого пятистенка, на лавочке, в темном платье поверх фартука, сидит старушка Таисия Петровна, помню её еще с детства, она прикладывает сухую ладонь ко лбу, защищаясь от солнца, и долго всматривается в меня. Прохожу мимо, кивнув головой, но напряженное выражение лица старухи не меняется. Должно быть ей уж лет 90, и живет она совсем одна.

Как вся эта картина далека от той сусальной клубной росписи! Иду к реке, она все так же сверкает на солнце, неспешно течет по всей деревне, и от травы, которая растет по берегу, исходит все тот же терпкий запах — как в детстве.

Бабушкина изба совсем завалилась на бок, не стало почему-то вокруг зеленой лужайки и тополя, и лавочка у ворот куда-то исчезла, ворота открыты настежь, и во дворе пустынно и грустно.

И опять в памяти прогретые бревна пятистенка, мы с мамой идем в ее родное гнездо. Ба-

бушка уже больная, с темными впадинами скулами лежит на кровати у порога, дед, какой-то неприкаянный, закуривает одну сигарку за другой, кряхтя, берет бабушкин горшок и выносит на двор, ступеньки, ведущие в сенцы стали совсем тонкими, в чулане стоит ненужный никому ткацкий станок.

Мама тихо садится возле бабушки, кладет руку на ее иссохшие от болезни ладони и тихо разговаривает, улыбаясь. Лица, очень похожие, внутренне светлеют, и чувствуется, что у них в душе праздник, пока они могут что-то вспомнить.

Когда бабушка умерла, мама как-то сразу еще больше

Бабушкин переулочек.

Дед.

постарела, приехала из деревни своей с похорон и молча долго стояла у кухонного окна, смотрела на березу у избы и концом фартука смахивала слезы. Не стало еще одного жителя деревни Ильинки, Старковой Федосьи Афанасьевны, вырастившей и воспитавшей семерых детей, в том числе и мою мать.

Только став взрослой, я поняла, что моя мать бережно перенесла все, что досталось ей от бабушки в наш домик в рабочем поселке, где мы жили. Основой всей нашей бедноватой суровой жизни тоже, как и у ее матери, была печь. Рано утром она согревала весь дом, а к обеду в нее ставились горшки с кашами и куриным супом. Вечером вся наша, тоже большая, семья собиралась за столом. На полках у печи всегда лежали свежие калачи и шаньги, курники и крендели. Эти забытые названия крестьянской еды пришли тоже оттуда, из деревни Ильинки.

Частьенько утром мама смотрела в окно и как-то сразу вспоминала: *Казанская «сѣдня»* или *Воздвижение* или *Вознесенье*. Незнакомые названия праздников из прошлого ее детства не вязались с красным праздником календаря 7 ноября и первомайскими бодрими призывами. «Слава труду» и «Миру — мир» красовалось на всяком заборе, но все меньше и меньше становилась мира и труда; а главное, мир в душах куда-то потихоньку уходил. К счастью, детство наше прошло почти в деревне — в маленьком поселке.

Пришедшие с войны наши отцы начинали новую вто-

рую жизнь, послевоенную. Снова рождались дети, дружно звенели топоры, строились все, кто как мог. А мы бегали в школу, в деревянных два здания земского типа с большими окнами, с уютным двориком на берегу речки.

По субботам шумно игрались свадьбы с гармошкой и непременно бражкой в чайнике и одним граненым стаканом — выходили на улицу, и веселье продолжалось. На Масленицу пекли блины и собирались возле старого деревянного клуба на праздник, еще наряжали колхозных лошадей и катались с песнями по поселку. Иногда и советское мероприятие, такое как выборы, напоминало не то Масленицу, не то Троицу, где путались и красные знамена, и пестрые шали, и юбки пожилых жительниц, и песни то о любимой партии, то о кудрявой рябине. Все смешивалось в пестрое детство, напоминающее плохо срежиссированный любительский спектакль, но как-то всем было весело. Шел 1956 год. Наверно, война надолго зажала в людях радость, и вот теперь она выплескивалась как-то произвольно, а повод всегда находился быстро. Мы — ребятыня — крутились тут же и с любопытством следили за сюжетом. Сновали туда-сюда, на ходу съедали крашеное яичко и маковый пирожок на пасху — в общем, не понимая, что это за жизнь и почему она такая. Были полураздетые, но сытые, потому, что непременно коровка и поросенок, и курочки были у каждого хозяина. Поселок жил чисто подеревенски, с маленькой мебельной фабрикой и МТС и даже фермой за рекой. Вот эти три нехитрые биржи труда

Мама.

и давали кой-какой заработок местному населению.

Мама по-прежнему ездила к своей многочисленной родне в деревню Ильинку и приезжала оттуда радостная, приветливая — ее малая Родина пока помнила ее и согревала присутствием в ней ее старого девяностолетнего отца и сестрами.

Дед еще был по-своему крепок, хотя целыми днями спал на продавленном диване у порога, смолит сигарки, прожигал поминутно свою косоворотку и наволочку у подушки, и сам диван — все это было в многочисленных дырах от горячей махры. На полочке в простенке у печи, кой делались в русских избах для того, чтобы поставить табакерку или положить гривенник на покупку, стояла теперь всегда у деда бутылка «столичной». Время от времени, кряхтя и кашляя, он поднимался со своего старческого лежбища, поправлял тонкий ремешок на косоворотке, одергивал ее полы, подходил к бутылке, наливал маленькую медную рюмку, кричал и выпивал. Встряхивался и садился за стол обедать или «паужнать» (ужинать). Жил он в то время со сварливой снохой и сыном. Она молча ставила на стол дымящиеся щи и со стуком клала рядом деревянную, других дед не признавал, ложку. Дед крестился, ел, тихо шевеля серебристой бородой, потом отодвигал чашку в сторону, сметал крошки с клеенки и бросал в рот (давняя привычка еще с его голодного детства) — ценил хлебушек. Быстро вставал и опять на диван, после очередной сигарки затихал, подложив сухую плотницкую руку под голову. Бабушки уже не стало, и было ему одиноко и тоскливо. Отошли все его заботы и дела, растворились в прошлом, дети выросли и не надо было часами стоять у верстака, ухаживать за домашней живностью, пахать землю, идти к обедне (церкви уже давно не было).

Как-то резко изменилась жизнь в деревне, другие понятия и слова, такие как сельсовет, МТС и партсобрание не трогали его душу. Его сын, Дмитрий, пришедший с фронта весь израненный, работал в совхозной конторе председателем рабочкома (была такая должность в совхозе). Дед же, как старый, выкорчеванный трактором, корень, вдруг оказался на поверхности с обрубленными ветками и сухой корой, и теперь лежал никому не нужный, среди таких же вынутых из земли корней. Вокруг была свежевспаханная земля и ждала своих всходов. Мама тихонько разговаривала с ним, называя его тятей, и звучало это как-то по-старинному тепло и необычно. Иногда привозила ему новую, сшитую из сатина, косоворотку — у нас на столе всегда стояла бабушкина швейная машинка «Зингер».

Мама, выйдя на пенсию, увлеклась шитьем, и весь поселок обшивался ею. Мода, обычно у платья, была незатейливая — простой вырез сердечком, две выгачки под мышками, короткий рукав, поясочек по талии — вот, пожалуй, и все. Весь заказ обычно стоил 2 рубля 50 копеек. Мама, после окончательной примерки, всегда смущенно пазывала цену «клиенту». Смятые рублевки складывала в ящик комода, как она обычно говорила, «на хлеб».

Обратно из деревни утром рано мы обычно почти бежали по деревенской улице, мама крепко держала меня за руку. Деревня просыпалась рано, по улице уже мчались куда-то трактора, пробегали «полуторки», табуны, мыча, шли на пастбище, подгоняемые сонными пастухами, кричали гуси, вытягивая длинные шеи, хватали за подолы пробегающих баб. Все это шевелилось, мычало, стрекотало, фырчало — вокруг начинался обычный колхозный день. Нам нужно было упросить шофера какой-нибудь попутки довести в райцентр — это была не всегда простая задача. Автобусов еще не было и в помине. Наконец, когда это

Память.

удавалось, мы с мамой тряслись пыльной дорогой в кузове очередной попутки и были счастливы, что еще к полудню доберемся до дома. Вот так мама иногда выезжала в свою родную деревню.

Казалось, наступило и здесь другое веселое время, где весной дружно пахали землю «кировцы», распускались первые клейкие листочки на тополях возле сельсовета, в конторе печатались сводки очередных «трудовых побед».

**«Шел сеятель в поле и сеял,
И ветер те зерна по ветру развеял...»
(слова из стихотворения учебника
церковноприходской школы. Из маминых
воспоминаний.)**

Но как-то незаметно спивалась деревенька, молодежь в поисках «зрелищ» после добытия хлеба на фермах и полях спешила в клуб. Там на узких лавках отсиживали зады, смотрели на чужую сытую жизнь с шикарными женщинами и невыносимой роскошью, оставляли на полу кучи семечковой шелухи и уходили в свои приземистые избушки, засыпали с мыслью о том, что и здесь все еще будет здорово. Ведь страна семимильными шагами двигалась к коммунизму. По утрам к магазинчику на горе подкатывал «зил» из района, полный новой порцией водки. Весело звенела стеклянная тара, сдаваемая жителями здесь же. Количество спиртного, поставляемого в деревню, все увеличивалось, особенно в посевные и уборочные кампании, но веселее не становилось.

Зловещие признаки какого-то распада были во всем: то какого-нибудь молодца упекут в районный вытрезвитель, перевернется в глубокий ров трактор с пьяным трактористом, и он уберется насмерть, то просто в пьяном блуде люди забывают и семью, и дом, и все на свете. А в райкоме партии ломали головы, как улучшить «соцкультбыт» — было и такое слово. Пытались перенести в деревню городские блага цивилизации, но как-то плохо они приживались там, да и специалисты этого дела не задерживались, непонятна и тускла, казалась им жизнь в деревне. 9 мая всей деревней шли к памятнику, где когда-то был похоронен Кирилл Егорович, забитый до смерти в 18-ом, место это было высоким пригор-

ком, у когда-то стоявшего рядом храма.

За старой деревянной изгородью поставлен памятник с пятиконечной красной звездой наверху, к этому дню обычно заботливо подбеленный местной пионерией.

Кучка фронтовиков, шедшая обычно впереди, с каждым годом редела. Начинилось все чествованием, короткой речью парторга, потом какой-нибудь стишок о войне, прочитанный торопливо на ветру смущенной школьницей. В конце митинга стайка ребятнишек совала в узловатые натруженные руки стариков по бумажной гвоздичке — вот и все.

Вот только было жаль, что помолиться за убиенных когда-то воинов не отпетых в храме и победителей было уже некому. И свечу зажечь тоже. Давно уже «шестивия» к памятникам превратились в формальность, да и сам памятник зарос полынью, забор покосился. И вот стоят рядом

обезглавленный храм и покосившийся памятник с красной облупившейся звездой. Все хочется закончить свой рассказ, как сейчас модно говорить, на «оптимистичной ноте», но нота эта получается пронзительная и грустная, как звук органа.

**«Колелется земля
и все живущее на ней...»
(Псалтырь № 74)**

Среди зеленых пригорков в гусином пере и где, еще с детства помню, паслось стадо и кругом цвели синим ковром незабудки, возникло два уродливых сооружения в виде жилых домов для «сельчан». С балконами и батареями центрального отопления. Веками сложившаяся психология деревенского обособленного жилья со своим двором, банькой, конюшнями, пашней искусственно ломалась, коверкалась. «Соцкультбыт», изобретенный в 70-ые годы, механически переносился в деревню и принимал самые уродливые формы, но как не прилаживай к деревенскому мышлению чисто городское, все будет не то. Вот и кочегары зашии и еле теплящиеся батареи не вносили уюта в промерзшие «хрущевки». Канализация незамедлительно сменилась жутким белым туалетом с «М» и «Ж» и смердящими на всю деревню помойками, где по традиции «купались» разомлевшие свиньи. Как-то все реже звучала привычная «трехрядка» на улице по вечерам. Жители с угрюмыми лицами в промасленных фуфайках подтягивались на работу к восьми часам, теперь не нужно было беспокоиться, что нет долго дождей, или заботливо трогать землю-матушку по весне — прогрелась ли? Был рабочий день и зарплата — независимо от того, вырастет что-то или снегом ранним завалит. И душераздирающий рев недоенных коров мало что менял.

Вспоминалось, как у бабушки жил «представитель» из города в белых, свеженьких бурках, москвичке с каракулевым воротничком, спал обычно на полатях, бывало и мочился прямо с них, изрядно выпив водочки после очередного совещания. Тогда бабушкина гусиха, парившая у порога в большой корзине, поднимала голову и «чакала» носом, думая, что идет дождь. Вырвавшись из душного кабинета на ничем не ограниченную свободу деревенского бытия, он вел себя абсолютно раскованно. Очень любил блины, съедал ровно 22 и заедал их еще хлебом, выходил в заметенный бабушкин тихий проулок и тут же под пряделом справлял нужду. Правда, один раз спас дедушку с бабушкой от очередного «раскулачивания». Вернул квартиросдатчикам конфискованный когда-то сепаратор. Так этот сепаратор и стоял с тех пор на своем законном месте, закрепленный на широченной лавке у стола.

Только темными осенними вечерами, когда на полях, высвечивая полосы, шли комбайны, хлеб золотистыми горами заполнял совхозный мехток и женщины со смехом и шутками дружно гребли деревянными лопатами урожай до самого утра, чувствовался какой-то объединяющий всех подъем. Во время уборки наступало временное очищение

души от пьяных соблазнов у мужиков. Лица становились серьезней, значительней. В это время и бабы, уставшие от бессмысленных мужниных дебошей, ночевки по соседям и на сеновалах, в общем, где придется, споро делали свою домашнюю работу и несли, как встарь, узелок с едой в поле. Извечная крестьянская доля властно притягивала к себе вспаханной теплой землей по весне, сжатым опустевшим грустным полем — осенью.

Сама же Ильинка, та Ильинка с большим, когда-то белым храмом на горе, уже доживала свой длинный трудный век чередой покосившихся избенок, а то и вовсе заброшенных усадеб.

Мелькают дни, вот уже скоро Сретенье, зима с весной встречаются, едем среди заснеженных полей, от берез длинные синие тени, суется сороки, чувствуя приближающееся тепло.

Деревенской родни остается совсем немного. Подъезжаем к знакомой избе, зашевелились яркие шторы на окнах, из окна — прищуренный озадаченный взгляд сестры двоюродной. Живут они здесь в деревне с детства, никогда в город не уезжали, не пытались перекроиться в городских. Может поэтому интересно мне смотреть на них, слушать особый деревенский говор.

На столе сразу возникает угощение — творог в глубокой эмалированной чашке, в банках молоко и жирный наваристый суп из печи с мягким белым калачом. Пенсионерам полегче, у них пенсия, а значит можно и мешок муки купить, и сахарку, и даже дорогой копченой рыбки немного,

полакомиться, заслужили. Дровец тоже можно купить, прямо ко двору привозит заезжие лесорубы, знай денежки выкладывай. Вот только лекарства дорогие, а здоровье, угробленное на фермах и полях, уже не вернешь.

Сидим за столом. За кухонным окном такой простор, кажется, вот-вот другая соседняя деревня Гарашки видна будет. Душа улетает в даль над этими полями, пустынными берегами, но сестры, кажется, этого и не замечают. Каждое утро встает над рекой громадное красное солнце — совсем скоро Пасха, один из главных и светлых праздников, когда-то будоражил он всю деревню. На проталинах прогретая земля исходит паром, кое-где, возле прясел, показывается первая зелень. Куры деловито ищут что-то и кудахчут уже совсем по-летнему.

Смотрю в который раз на это, описываемое мамой место; крутой берег, раскидистая береза прямо у воды, промытые водой и просушенные, белые от солнца плотки. Какая-то баба, низко наклонившись над водой, тяжело пытая, полощет белье.

Как когда-то на гумне за деревней дедушка с бабушкой, еще молодыми, молотили свой убранный серпами в знойную страду урожай.

С Троицы обычно начинали служить в верхней церкви. Запомнилось больше всего маме — там было светло и чисто, были фрески, слева — притча о блудном сыне, дальше — о Георгии-Победоносце. В церковной ограде стояло две школы — несколько поколений ильинцев выучило здесь Закон Божий. В тени лиственниц дремали куры. В одном из зданий теперь была совхозная амбулатория, а неподалеку было построено современное здание средней школы.

На углу главной улицы и тихого переулочка, ведущего к реке, прямо под боком у совхозной конторы, в крошечной избушке на одно оконце, по вечерам молились «при-

хожане». Здесь их ждала тихая худенькая старушка Анна Васильевна и деревенский мужик Степан Арсентьевич, исполнявший роль попа. В переднем углу у кровати висела большая икона Иисуса, каким-то чудом сохранившаяся из поруганного и сожженного иконостаса, да Богородица, окруженная цветами из фольги, в старинном окладе, смотрящая с божницы.

Маленький островок веры, почти тонущий в современном потоке будничного равнодушия. Возможно, старушки, сами того не ведая, замаливают грехи своих детей и внуков, потихоньку спивающихся на ниве обобществленного труда.

Село Ильинка. Храм.

Владимир ГОЛДИН

Песня и штык Харитонов

Население Екатеринбурга в начале 20-х годов прошлого столетия росло быстро, как весенние побеги сосны. Потрясенные двумя революциями, гражданской войной семьи, одинокие люди, представители разных классов искали жизни в городах. Да и сама новая власть ссылала на Урал и в Сибирь неугодных политических соперников: эсеров, меньшевиков, кадетов, представителей духовенства...

Екатеринбург всегда был перекрестком людских потоков, текущих с юга на запад, на восток и обратно. Здесь, как в Вавилоне, соприкасались представители разных вероисповеданий, сословий, национальностей и враждующих политических кланов. В городе процветали грабеж, тиф, голод, насилие, коррупция, взяточничество, несоблюдение элементарных законов. Впрочем, законов так же не было. Как и хлеба. Но...

...но была свобода слова. Цензура появилась только в 1923 году. Среди всего этого хаоса в городе процветала... поэзия. В эти годы здесь обосновались будущие известные на всю страну теоретики Российской ассоциации пролетарских писателей (РАППа): Л. Авербах — секретарь парткома Уралмаша, Е. Ермилов — редактор газеты «На смелую!».

Борис Малкин — друг Маяковского — возглавлял здешний пролеткульт. Об этом человеке (хотя речь не о нем) надо сказать особо. Он своей энергией подхлестнул развитие уральской поэзии. В начале 20-х годов Малкин блистал своей эрудицией на всех литературных сходках и вечерах. Его доклады на разные темы (от «Анархизма и коммунизма», «Пушкин и современность», «Русская интеллигенция на перепутье» до анализа творчества отдельных поэтов) звучали во всех клубах города. Борис Федорович основал в 1922 году первую в городе ассоциацию уральских поэтов — «Улита», в которую входили все поэты, независимо от классовой принадлежности. За что будущие советские литературные критики и осмеяли «Улиту». В 1922 году Малкин покинул Екатеринбург: его назначили руководителем большого транспортного треста, который стал заниматься перевозкой грузов за границу. Трест имел 25 контор по России и «уставный фонд» в восемь миллионов золотых рублей... Таков был Б. Ф. Малкин — первый инициатор массового литературного движения на Урале.

В числе организаторов литературного процесса на Урале и среди его руководителей был и Николай Иванович Харитонов. Начинал он как поэт.

Одно из стихотворений Н. Харитонova композитор М. Фролов, первый директор свердловской государствен-

Николай Харитонов.

ной консерватории, положил на музыку.

Интересную характеристику ряду поэтов в 1926 году дал А. И. Шубин в журнале «Уральская новь»: «В скромном уральском журнале «Работник Народной связи» и в других изданиях 1923-1924 годов развернулся маленький свиток красивейших стихов-кружев куда-то исчезнувшего поэта Силина.

Здесь можно причислить молодых поэтов Н. Харитонova и Альпина (талантливых, но мало пишущих)».

Действительно, Николай Харитонов изредка публиковал свои стихи в журналах «Рост» и «Юный пролетарий».

А в газетах «На смену!» и «Уральский рабочий» его все больше увлекала работа очеркиста и политика местного масштаба.

В декабре 1925 года при газете «На смену!» образовалась литературная группа. Было создано правление группы, в которое вошли П. Стародумов — председатель, Н. Харитонов — член правления, В. Макаров — секретарь.

В 1932 году он — один из лидеров Уральской ассоциации пролетарских писателей. После упразднения УралАП-Па возглавляет организационный комитет по созданию Союза писателей СССР по Свердловской области, а затем до 1935 года руководит областной писательской организацией. Николай Иванович — делегат первого Всесоюзного съезда писателей.

К этому времени на Урале сложилась крепкая творческая поэтическая группа. Поэт Виктор Гусев говорил: «Надо сказать, и, это не будет комплиментом гостя, что ни в одной области, ни в одном крае РСФСР после Москвы и Ленинграда, такой поэзии, как на Урале — нет. Здесь мы имеем поэтов, которые переросли не только свои кружки, свои предприятия, но и свою область, хотя она очень велика. Некоторые уральские поэты уже выходят — и при этом полноправно и полноценно — на всесоюзную поэтическую арену». Столь высокая оценка подтверждалась стихами Бориса Ручьева, Василия Макарова, Сергея Васильева, Георгия Троицкого, Николая Куштума.

Летом 1934 года в «Уральском рабочем» была перепечатана статья М. Горького «О литературных забавах». Великий пролетарский писатель подверг критике не только творческую, но и бытовую сторону жизни отдельных российских литераторов и поэтов. Литературные функционеры восприняли его статью как инструкцию, как руководство к действию. В этом же номере газеты опубликовал статью Николай Харитонов — «Говорите писателю правду». Он подверг критике статьи И. Бахтамова и профессора И. Астахова о творчестве писателя Бондина и поэта Н. Куштума, обвиняя рецензентов в недобросовестном захламлении уральских литераторов.

Последовавший затем ряд статей Н. Харитонova в местной прессе с резкой критикой своих коллег-литераторов вызвал скрытое недовольство его руководством. К началу 1935 года разгорелся острый конфликт между Харитоновым и группой поэтов, которые потребовали его отставки. Конфликт приобрел всесоюзный масштаб. Итог конфликта был плачевный.

Поэта Хорунжего исключили из членов Союза писателей. Борис Ручьев уехал из Свердловска в Челябинск, где в 1937 году был осужден и «долго жил на Колыме». Василий Макаров переселился в Магнитогорск — погиб в 1937 году. Сергей Васильев осел в Нижнем Тагиле. Г. Троицкий поменял Свердловск на Сибирь, но в 1940 году был арестован в Свердловске и закончил свой путь в Ивделе.

Харитонов покинул пост председателя правления областной писательской организации по собственному желанию и перешел работать заместителем главного редактора «Уральского рабочего».

1937 год был последним годом его жизни. Чаще всего людей арестовывали и увозили, Харитонов же явился в НКВД добровольно, признался, что был выходцем из кулацкой семьи, много говорил на допросах...

Из песни слова не выкинуть.

Николай ХАРИТОНОВ

Девушка у станка

Завод — не родина, не мать...
 Но мне, родившемуся в поле,
 Его живая полутьма
 Дороже сонного раздоля.
 Он, как старик, суров и строг...
 И я иду к нему поближе,
 Чтоб мудростью житейских строк
 Напиться из железных книжек.
 Ты этой мудростью полна,
 И легче оттого с тобою
 Брать нынче перемирием нам,
 Что раньше брали только с бою.
 Вот почему, тебя узнав,
 Хочу я видеться почаще...
 И получить стальной закал
 Из рук сердечного участия.
 Когда сомнений хоровод
 В неладный круг меня закружит,
 Иду скорее на завод,
 А на заводе — ты и дружба.
 И вот...
 Веселый гул машин,
 Жара пылающих изложниц
 Положат замкнутость души
 На лезвие заводских ножниц.
 Почувствую опять тогда,
 Что как завод и запах гарн —
 Ты в этих памятных годах
 Незаменимый мой товарищ.
 Почувствую опять тогда,
 Что жизнь упрямо мчится,
 мчится
 И надо много, много дать
 Для этой быстролетной птицы!

«Уральская новь», 1926, № 5.

Лариса ЛИСЮТКИНА

В итальянском дворике

Когда 30 лет назад в Нижнем Тагиле снимался фильм «Приваловские миллионы» (по одноименному роману Д. Н. Мамина-Сибиряка), мне не повезло быть в городе. Чтобы восстановить события того июля, стала искать очевидцев...

Все почему-то рассказывали одно и то же: как Людмила Чурсина в роскошном, атласном платье гарцевала на лошади на фоне Демидовского дворца, где сейчас краеведческий музей. О единственном фильме, снимавшемся в нашем городе, ничего не осталось ни в архиве, ни в кинопрокате, ни в музее. И как всегда в таких случаях, я обратилась за помощью к удивительному человеку — Ларисе Васильевне Коряковой, которая в ту пору возглавляла нижнетагильский городской отдел культуры.

Вот что она рассказала:

— Съемки фильма «Приваловские миллионы» велись Свердловской киностудией в 1971 году. Мне пришлось участвовать в подготовке съемочной площадки. Чтобы соблюсти достоверность, некоторые сцены предполагалось снимать в Италии, но режиссер фильма Ярополк Лапшин принял решение не ехать туда, а снимать в старинном здании, построенном в итальянском стиле крепостным архитектором А. П. Чеботаревым, где сейчас находится поликлиника второй городской больницы, ныне Демидовской.

На отдел культуры была возложена особая миссия — ремонт фасада здания Дворца и восстановление итальянского дворика. Все делалось по старым чертежам, только на место прежней скульптуры на фонтане поставили «Скорбящую Андромуху» итальянского скульптора Романелли с бывшей усыпальницы Павла Павловича Демидова. Церковь и усыпальница были разрушены, а сохранилась только скульптура Андромухи — символ любящей и преданной жены.

Не многие уральцы знают, что это — вторая экранизация романа. В 1915 году был снят немой фильм по роману «Приваловские миллионы» ре-

Андромуха скорбящая. Работа скульптора Романелли.

жиссером В. Р. Гардиным, одним из основателей русского кинематографа. Тот фильм снимался в Харитоновском доме в Екатеринбурге и, к сожалению, не сохранился. Второй фильм, — как выясняется теперь, единственный, — частично создавался в нашем городе. Уникальность фильма в том, что его эпизоды снимались именно в тех зданиях, описанных в романе, в которых жил его главный герой, Сергей Привалов. В тех эпизодах нет никакой бутафории, и стоил фильм по тем временам довольно дешево. Думаю, что ему мог бы позавидовать Голливуд.

Конечно, было интересно посмотреть на артистов «вживую». Впечатление произвела Людмила Чурсина. Мы организовали для съемочной группы культурную программу. Возили актеров на Лисью гору, там фотографировались. Людмила Чурсина была в цветастой, кашемировой шали — по тем временам это большая редкость. Актриса

уже тогда была очень популярна, так что зал кинотеатра «Родина», где проходила встреча с актерами, был переполнен.

Тагильчане тоже принимали участие в съемках. Актеры нашего драматического театра — народный артист Федор Генрихович Штоббе и заслуженный артист Виктор Иванович Гришин сыграли небольшие роли. В массовках было занято 500 человек. Сцена репетировалась в итальянском дворике на протяжении целой недели. А снимался 5-минутный эпизод — приезд барина Сергея Привалова в его итальянское имение.

Запомнился анекдотический факт. Целый подъезд дома № 3 по улице Пархоменко, где сейчас магазин «Березка», участвовал в кадре. Пришлось повесить объявление: «Подъезд закрыт. Все ушли на съемки фильма «Приваловские миллионы». Надо ли говорить, что премьеру смотрели все тагильчане.

*Нижний Тагил. Заводская (Демидовская) больница.
Дореволюционная фотография.*

АЭЛИТА

Инна ДОМРАЧЕВА
Мальчик и «Пионерская правда»
ПОБЕДИТЕЛИ ФЕСТИВАЛЯ «Свезар»
Подборка стихов
Сергей ПОЛЯКОВ
Золотинка
Сергей ИВКИН
Стихи
Светлана ЭСТ
I позиция
Ксения ШАЛОБАЕВА
Стихи
Юрий НЕВЗОРОВ
Счастье

Май — месяц праздников и замечательных событий. Если в мае прошлого года поэты и писатели журнала «Уральский следопыт» из Литературной Мастерской имени Бориса Марьева, называющие себя «добрянами», посадили в скатеринбургском парке Зеленая Роща Аллею Добра из яблонь и рябин, то 11 мая 2003 года, в день рождения Бориса Марьева, они провели в парке маевку. Сначала в исполнении Вадима Осипова прозвучало стихотворение Марьева о назначении поэзии, в котором, обращаясь ко всем людям, он писал: «Мои родные! Как же вы достойны/Здоровья, счастья, солнца, красоты...»

Добряне убрали территорию парка, насобирав двадцать мешков мусора. После работы прозвучали песни и стихи.

На маевку, кроме скатеринбуржцев, приехали поэты и писатели из Лесного, Новоуральска, Верхнего Тагила и Ревды, Верхней Пышмы и Сухого Лога, всего 25 человек.

Новости

За большую культурологическую, общественную работу и творческий вклад в литературу отмечены наградами: Андрей Петрович Комлев — нагрудным Знаком министерства культуры России «За успехи в области культуры», государственный Знаком «Заслуженный работник культуры» вручен Александру Борисовичу Кердану, а Владимир Александрович Блинов награжден Почетным орденом Патриархии — орденом «Святого правоправного князя Даниила Московского».

С 21 по 25 мая в Ишиме прошло Всероссийское совещание молодых писателей, на которое съехались молодые таланты Свердловской, Пермской, Тюменской, Челябинской, Оренбургской, Новосибирской, Кемеровской областей, представители Удмуртии и Ханты-Мансийского округа. Мастер-классами руководили известные писатели столицы и Урало-Сибирского региона. По результатам совещания восемь человек были рекомендованы к принятию

в Союз писателей. В том числе Наталья Санникова из Каменска-Уральского, Ирина Аргутина из Челябинска и другие.

Совещание приняло обращение к Президенту России, к администрации регионов, в вышестоящие писательские организации посвященное проблемам взаимодействия с молодыми писателями. В частности в этом документе предлагается установить стипендии для наиболее талантливой молодежи, учредить Всероссийский государственный праздник — День Писателя России, приурочив его к 6 июня, местным администрациям — выделить средства для литературных объединений. Если хоть какая-то часть этих предложений будет удовлетворена, то для писателей это станет большой поддержкой.

Екатеринбургских писателей навещил их знаменитый брат Анатолий Андреевич Ким — автор таких романов как «Белка», «Остров Ионы». На состоявшихся творческих встречах Анатолий Ким проинформировал их об учреждении новой премии «Ясная поляна» имени Льва Николаевича Толстого. Ее финансирует посольство Южной Кореи. С этого года она станет вручаться действующим писателям, как опытным, так и молодым, за выдающееся произведение литературы.

*Петр Родимов,
редактор отдела
художественной литературы*

Инна ДОМРАЧЕВА, г. Екатеринбург

Инна Домрачева

Графа «Возраст» в моей медицинской карте — «1977». Диплом синий, глаза карие. В 1996-м году устроена Сергеем Ивкиным. Любимый живой поэт — Денис Новиков. Орудие производства — «ACROS 486X/25». Книга, еженощно падающая из-под подушки — «Записные книжки» Ильи Ильфа. Ничего, у меня их две...

Повесть «Есть в жизни счастья» готовится публикации на сайте... и в издательстве «ИГНППС». Продолжение следует.

Мальчик и «Пионерская правда»

Упав за стол, Саша поморщился. В памяти сохранилось предвкушение какой-то гадости. Опустив кипяtilьник в кружку, он минут пять тупо глядел на закипающую воду. Выдернул шнур, ладонью смахнул с полировки горячую лужу и бросил в кружку четыре ложки кофе с сахаром.

Глотнул.

Мотопехотные части кофеина обрушились на мозг, стремительно освобождая захваченные похмельем территории. Однако враг закрепился в желудке и продолжал удерживать эту высоту, время от времени предпринимая диверсии...

Саша поставил кружку на стол и судорожно сглотнул всухую. Взял с подоконника давно зацветший графин для поливки чахлой редакционной растительности, и жадно осушил.

Вернулся за стол и вспомнил. Сегодня была его очередь отвечать на письма читателей.

Кто придумал, что редакция должна отвечать на письма читателей, Саша не знал. Но сильно подозревал, что этого товарища звали Игнатий Лойола. Сашин шеф тоже, во всяком случае, был широк, полнокровен, знал толк в закуских, винах и женщинах, — словом, полностью соответствовал образу романтического монаха из серии «Библиотека атеистической литературы».

— Мы должны воспитывать своих маленьких читателей в духе завоеваний нашего строя! — гремел он на последней летучке. — Сейчас, когда они готовятся подхватить знамя борьбы за мир...

— В отдельно взятой стране, — тихо дополнила его техред Танечка Зинчук, и Саша впервые посмотрел на нее с интересом.

Думать о Танечке и одновременно бороться с тошнотой Саша счел бестактным по отношению к девушке, поэтому положил перед собой пачку нео-

твеченных писем и вскрыл верхнее.

Письмо пришло из города Усть-Иридийск Молибденовского района. Саша моргнул и отложил конверт, решив разъяснить эту сову несколько позже. Развернув белый листок, он моргнул вторично. Письмо было напечатано, и отнюдь не на машинке. «Мало ли, родители в типографии работают, — тут же объяснил себе журналист. — Зашел к маме на работу... Маугли ротационных машин, понимаешь... ну, и решил заодно отписать любимой редакции». Отважно отхлебнув из подостывшей кружки, Саша принялся читать:

«Дорогая «Пионерская правда»!

Пишет тебе Вася Зверев из города Усть-Иридийска. Я живу в 2285-ом году от нашей эры. У меня все хорошо. Я учусь почти на одни «пи» в степени икс минус один. Правда, иногда у меня бывают «пи» в степени икс минус эн, где эн равно... не могу писать, стыдно. Дорогая «Пионерская правда», я твердо решил в следующем триместре исправить теорию пространственно-временной переменной на «пи» в степени икс! Я хочу стать таким же умным и смелым, как твои читатели в двадцатом веке.

Я решил послать тебе свое письмо потому, что ты пишешь, что хочешь узнать, как я (твой читатель) живу и чем интересуюсь. Я интересуюсь мнемосистематикой, сигма-энергетической музыкой и экспедициями к пульсарам.

Мне девять лет».

Саша положил письмо на стол и неожиданно для себя икнул. Ш-шуточки! Во молодь растет, того гляди, пятки оттопчет! Да не-е, ответил он сам себе, «комсомольцы» повеселились, или «костровитяне». Дабы коллеги не забывали бдеть, как завещано Козьмой Прутковым и Феликсом Дзержинским. Тоже им, что ли, эпистола заслать...

Кому — им? вдруг трезво озадачился Саша. Так они тебе сразу и сознаются. Надо это провести... журналистское расследование. С такой мыслью Саша убрал письмо в тумбу стола, где у него обретался барюмочная «Последняя радость», и запер все на ключ.

Прошло две недели, в течение которых Саше было сугубо не до журналистского расследования. Положа руку на печень, он вообще забыл про это письмо. Тут тебе и летучки, и проработки по комсомольской линии за моральный облик, не соответствующий этическим нормам советской молодежи, на который тоже еще время надо... забыл.

Тем временем наступил очередной «черный понедельник». Страдания над письмами выпадали каждому журналисту «Пионерки» раз в две недели согласно графику. Саша сидел и темпераментно жалел себя. Угораздило же! С утра! В понедельник! Отвечать на письма наших дорогих маленьких читателей, которых мы должны воспитать истинными борцами за мир и достойными строителями коммунизма!

Саша сел за стол и брезгливо распечатал первый конверт.

Через полчаса, с удовольствием отметив, что стопка писем уменьшилась почти на треть, он вышел подышать свежим никотином.

В курилке одиноко торчала Люся Коломисц.

— Сеешь разумное, доброе, вечное? — понимающе спросила она.

— Угу, — ответил Саша, с внезапным сочувствием вспомнив, что Люсин «день почтовника» приходится на пятницу, когда работать нет ну совершенно никакой возможности, может быть, даже хуже, чем в понедельник.

Вернулся умпротворенный, готовый и далее излагать своим маленьким корреспондентам все прописные ижицы. Взял письмо, глянул на адрес... и вспорол, скрежеща сверкающими, как магневая вспышка, зубами.

«Здравствуй, дорогая «Пионерская правда»!

Это снова пишет тебе Вася Зверев.

Я только что вернулся с папой с Альфы Ориона. Там работает наша мама, которая инженер и помогает аборигенам строить на орбите солярную энергостанцию. Мой папа тоже там работает, но он — руководитель группы контроля, и ему раз в две недели нужно лететь на Землю, согласовывать чертежи. Как говорит папа, быстрее долететь, чем уламывать этих бюрократов по видеofону. На эту должность папу взяли потому, что я — единственный земной ребенок на Альфе Ориона, и для нормального социопсихического развития мне необходимо хотя бы день в неделю проводить на Земле. Так что я провожу здесь два дня в две недели, пока папа согласовывает свои чертежи. Конечно, я мог бы жить в интернате, но мама

сказала, что тогда пусть эту энергостанцию строит хоть Президент Комитета Земли, а она перекалфицируется в управдомы. Мама знает много смешных шуток из старинной литературы, и иногда рассказывает мне. Правда, папа ругается и говорит, чему ты учишь ребенка. Он не любит книги, потому что микрофильмы, а особенно мнемфильмы удобнее и не вредные для глаз. Но я все равно люблю книги, особенно бумажные. Наверное, из-за мамы. Так что, когда мы с папой прилетаем на Землю, один день я провожу в своей школе, с учителями и одноклассниками, а второй — в Библиотеке Земли. Меня бы туда не пустили, но мама позвонила и попросила, чтобы пустили, а ее там знают и любят. И меня теперь тоже, хоть я и испортил два номера из твоей архивной подшивки. Это случилось потому, что я разблокировал силовой лист-кокон, сохраняющий старинную бумагу от внешних воздействий. Мама говорила, что бумага на ощупь совсем не такая, как монопластик, на котором мы теперь пишем и рисуем, потому что она сделана из настоящего живого дерева и сама как бы ж и в а я. Вот я и разблокировал, чтобы потрогать. А она, то есть газета, поломалась на кусочки. Но это ничего, потому что я сразу сообразил, и все кусочки поместили в молекулярный реставрат. А потом я снова сел читать тебя, дорогая «Пионерская правда!»

Я люблю играть, как будто я — по правде твоей подписчик, и не могу прочитать сразу больше шести номеров. Но шесть номеров я могу прочитать, потому что они будто бы пришли за те две недели, пока меня не было на Земле.

Посылаю тебе ответы на кроссворд и загадки. Постараюсь отправить свое письмо в до седьмое июля 1982-го года, как ты просишь».

Подойдя к шкафу, Саша два раза пнул его, благодаря чему обрел кусочек душевного равновесия, и позвонил знакомому химику:

— Мишка, я сегодня к тебе в институт заскочу после шести. Ты еще на месте будешь?

— Вечера или утра? — деловито уточнил Мишка.

— Ну, ты юморист... В восемнадцать ноль-ноль, годится? — Повесив трубку, корреспондент самого массового издания советской пионерии отстриг от письма будущего Васи узкую полоску и сузил в нагрудный карман.

Конец рабочего дня наступил, когда Саша уже перестал в него верить. На метро доскал до Мишкиного НИИ. Помахав перед вахтером заветными корочками «Пионерская правда» — «Пресса», он привычно использовал служебное положение в личных целях проникновения на режимный объект.

В лаборатории плюхнулся на вихлястый табурет и выложил кусочек «монопластика»:

— Анализ сделать можешь?

— А зачем тебе? — Мишка прищурился на полосу. — Бумага как бума... — Он резко замолчал и ошупью, не отрывая взгляд от белого клочка, поискал пробирку...

Пять лет спустя молодой советский химик Михаил Саровский получил Нобелевскую премию.

Дождавшись третьего письма, — через понедельник, хоть календарь по нему подводи! — Саша отправился к Вере Степановне, секретарю.

— Вера Степановна, здравствуйте! Умерьте мои терзания, умоляю!

— Ну, что у вас случилось, Сашенька? — спросила Вера Степановна грудным голосом, поправляя прическу.

— Откройте мне тайну путешествий во времени! Не оправдывайтесь, Вера Степановна, вам она известна! Разве это не вы каждое утро появляетесь моложе, чем были накануне?

— Лыстец, — кокетливо засмеялась Вера Степановна, дама на добрых двадцать пять лет старше Саша. — Итак, что у вас за беда?

— Не беда, Вера Степановна, так — журналистское любопытство. Три года здесь работаю, и вдруг интересно стало, как письма до нас добираются...

— Сашенька, ну, вы же читали «Почту» у Самуила Маршака? Так и добираются. Бросит мальчик письмо с маркой в почтовый ящик, оттуда его заберут, штемпель шлепнут, — и на поезд, а то на самолет. На московском почтамте снова штемпель поставят, и по отделениям разложат. А потом к нам приходит девушка «в синей форменной фуражке» и оставляет корреспонденцию. Я ее передаю вам, вот и все путешествие. Одно только письмо странное какое-то было, — она понизила голос. — Ушла я к Лидочке чай пить, возвращаюсь, — все письма стопочкой лежат, а одно рядом. И не было его раньше! Я, Саша, письма всегда просматриваю, — знаете ведь, у меня внучка марки собирает, вот и смотрю, чтобы потом у вас попросить от конверта отрезать, если с настоящей маркой попадется, не с напечатанной. Не было его! И еще кажется мне, вы уж не выдавайте старую, будто не в первый раз это. И все в понедельник... Правду говорят, тяжелый день, — Вера Степановна повела плечом, давая понять, что про «старую» было сказано исключительно ради красного словца, ну, разве и чтобы опровергнуть что было. Горячо опровергнув, задумчивый Саша вернулся в свой кабинет.

Налил кофе и сел читать:

«Дорогая «Пионерская правда»!

Снова тебе пишет Вася Зверев из 2285-го года.

Я исправил «пи» в степени икс минус один по теории пространственно-временной переменной. На день рождения папа подарил мне гравилет, а мама — бумажную книгу «Приключения Тома Сойера» пи-

сателя Марка Твена. У нас на Весне, которая вторая планета Альфы Ориона, очень красиво: цветут мгррыуусы, это по-аборигенски, а по-нашему — камнерезка, и летают врсы, то есть сеголетки. Дорогая «Пионерская правда»! Я хочу написать тебе тайну. Лдрри-ррлай, мой друг с Рьиррау, ну, с Весны, рассказал, что за рекой есть пещера Туу-ли, то есть Свирых духов, и там спрятаны сокровища древних вождей. Но папа не разрешает мне брать на Весну гравилет, потому что здесь «же» не равно 9,8, и он сломается. А пешком мне до Туу-ли не добраться. И вообще от этого гравилета никакого толку, он только одного поднимает. То ли дело велосипед! Я бы посадил Лдрри-ррлай на багажник и мы бы нашли сокровища. Только почему-то у нас в 2285-ом году велосипедов больше не делают.

Я отгадал все твои загадки, правда, некоторые мне помогла мама, и еще буду отгадывать и писать тебе, потому что мне обязательно нужен велосипед. А то сокровища найдут без нас с Лдрри-ррлаем».

Дочитав, Саша взялся за голову. Не помогло. Открыл бар-рюмочную, плеснул коньяку. Мало. Однако больше не рекомендуется, сегодня шеф тоже с похмелья и суров, как лекс, который дура. Учует — сожрет. Надо было сильно подумать, и Саша отправился в курилку.

Когда он вернулся в кабинет, все самое страшное уже произошло. За Сашиним столом сидел шеф, на полированной столешнице в ряд выстроился весь бар-рюмочная, а аккуратно перед шефом лежали письма нашего маленького читателя с Альфы Ориона. Все три. «Не запер...» — с ужасом вспомнил Саша.

— Эт-то что?! — шеф потряс в воздухе письмами. — Как это называется? Молчишь? Так я тебе скажу! Это называется ман-ки-ро-ва-ни-е! Пренебрежение своими обязанностями! Наша задача воспитывать юного читателя, прививать ему умение отличать истинные ценности от ложных идеалов! Подавать руку помощи нашему читателю! А ты! Немедленно чтобы ответил!

— Дак он это... в 2285-ом году... — робко заметил Саша.

— Каких только отговорок не найдут, лишь бы не работать... Ты кто, Ванька Жуков? Ты сотрудник «ПИОНЕРСКОЙ ПРАВДЫ»! Значит, так. Написать мальчику ответ и отправить таким образом, чтобы адресат письмо получил. Все, — шеф удалился, попутно арестовав бар-рюмочную.

И пошел Саша в люди. Люди Сашину горю посочувствовали, но помочь не могли. Знакомые изобретатели машины времени у них были, из тех, что весной и осенью по редакциям бродят, — ну, когда их активность увеличивается, — но все уже либо раскаялись, либо переехали в палату для буйных.

Прошел месяц. Саша еще дважды выловил из «сво-

ей» почты письма от Васи Зверева, и трижды получил напоминание от начальства, быстро дослужившееся до строгача. От Васи Саша узнал, что камнерезка на Весне уже отцвела и энергостанцию почти построили, но клад еще никто, к счастью, не нашел, что загадки он отгадывает все лучше, в связи с чем

шкаф, он задумался. В результате раздумий родился текст, слабо замаскированный под уже вычитанную корректуру.

Благо, сегодня Саша был дежурным по номеру, а шеф, — что особенно приятно, — убыл в министерство.

— Танечка, вы в типографию? — окликнул он девушку, глядя на нее таким взглядом, что отпадали последние сомнения: все комсомольские камни в огород его морального облика — совершеннейшая ошибка... в смысле, черного кобеля не отмоешь.

— Да... — растерялась техред.

— Позвольте, я вас провожу, — Саша надел плащ, опустил во внутренние карманы две бутылки с зажигательной смесью «Наполеон», привезенной из командировки, и, едва не забыв листок с «корректурой», подхватил ее под руку...

— Эт-то что?! — задышливо спросил шеф, бросая на Сашин стол свежий номер.

Саша поднял на него лучащиеся нежностью и похмельным всепрощением глаза, и ответил:

— Обращение редакции...

— Какого...? ... / ... / ... !..

— Ответ на письма читателя, — невинно сказал Саша. — Должно дойти.

На первой полосе, прямо под репортажем о благополучном возвращении из полета к Меркурию крокодила Таси, подаренного советской космонавтике выпускником института имени Патриса Лумумбы, яблоневым цветом расцветало обращение редакции к мальчику Васе:

«Дорогой Вася из 2285-го года!

Мы очень рады, что ты живешь хорошо. Еще мы рады, что круг наших читателей растет, и теперь нас читают даже на далекой Альфе Ориона. К сожалению, на большинство загадок и кроссвордов ты ответил неправильно. Не огорчайся. Это, скорее всего, потому, что слова, которые задумал автор, у вас больше не существуют или обозначают другие вещи. Но велосипед мы тебе подарим. Вася, с премии скинемся и подарим! Мы закопаем его на Садовом кольце, в точке с координатами ...градусов ...минут

...секунд северной широты и ... градусов ...минут ... секунд восточной долготы. Не бойся, он не заржавеет. Мы густо намажем его солидолом и обмотаем промасленной бумагой. Только не пиши нам больше! Мальчик, изыди по-хорошему, а?»

Рисунки Сергея Изкина.

готов и впредь присылать ответы, потому что велосипед ему во как нужен.

Выговор Сашу опечалил, а письма вызвали у него скупую мужскую истерику. Вскрыв частично восстановленную бар-рюмочную, перехавший на ПМЖ в

Победители фестиваля «Свезар»

19-20 апреля в клубе «Свезар» (г. Екатеринбург) прошел IX городской фестиваль авторской песни «Свезар-2003». На него съехались люди из более чем двадцати городов региона. Девиз фестиваля меняется год от года, вращаясь по орбите вокруг слова «весна». В этом году он звучал так: «Весна – галактика любви».

Его лауреатами среди бардов стали авторы из города Воткинска (республика Удмуртия) Андрей Бабушкин, Евгений Лисицын и Анна Сметанина. В поэзии – Екатерина Симонова и Елена Егорова из города Нижний Тагил Свердловской области. Также прозвучали стихи и песни многих других авторов – они будут опубликованы в музыкально-поэтическом альманахе «Свезар-2003. Галактика любви» и на серии дисков «Свезар-фестиваль».

Екатерина Симонова

* * *

Обернись и замри с улыбкою даггерротипа,
Неприятной, далекой, вполне непорочной,
Изумленной, несобственной и прилагательной ибо
Зазеркальной и свернутой, кисломолочной,
Как бы спора с самой собой и как бы густея,
Наконец осекая пейзажи разлуки,
Черно-белый шлагбаум, дождик, садок с сельдереем,
Обмирающий лес, обдирающий руки,
Обмирающих рыб в возможных рядах серафимов,
Подражающих сильно улыбке, на нашу
Непристойно похожей. И ты повторяешь за ними,
Но неважно неважное... знаешь ли, страшно.

Елена Егорова

* * *

Пустая тарелка таращит фаянсовый глаз.
Пустьрыник и чай идеально подходят друг другу.
Вот так и взорвемся, наверно.
Приедет Горгаз.
А, впрочем, не знаю — не видно при этакой вьюге.
Зима наших кухонь снимает запрет на халву.
Халаты не туго затянуты. Тянется пояс,
Как поезд, который наутро прибудет в Москву,
Как самый обычный, с утра прибывающий поезд.

Сергей Матросов

* * *

Созрев для нежнейшего бешенства,
Волшебного женского жеста,
Душа — сумасшедшая беженка
Из несовершенства в блаженство.
Живешь вождельной бессонницей
И жертвуешь влажною стражей.
Душа — это междоусобица,
Внушительный шабаш пейзажа.

Филипп Тихоненко

* * *

Стучите — и откроется в двери небес глазок,
И надзиратель сверху скажет хмуро:
«Зачем стучать? Вы не отбыли срок.
Вам не попасть к нам даже с Байконура».

Проси — и будет дадено на хлеб,
И на воду нам скинут спасжилеты.
И может сократиться до встречи долгий миг
С свинцом, что покидает пистолеты.

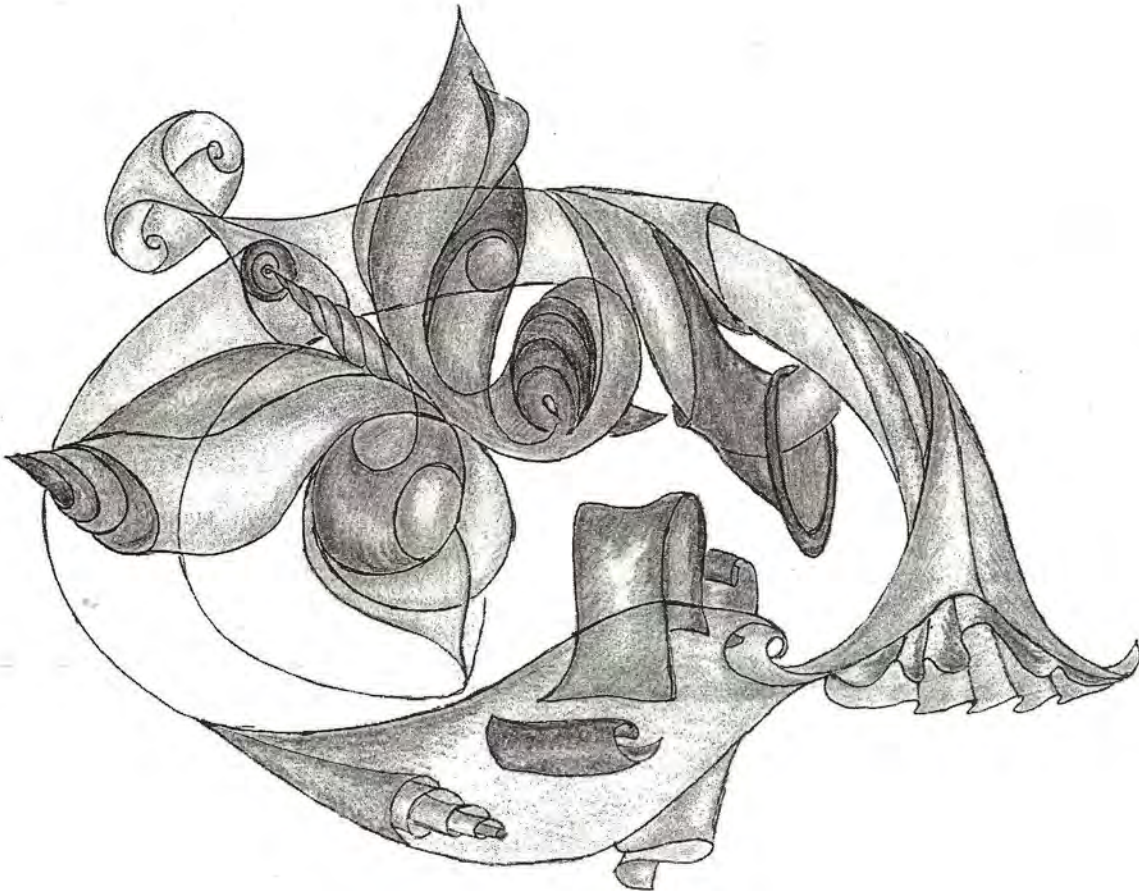
«Жди — и дождешься», — сказано не зря,
Но сердце точит некая заноза:
Ассоль дождалась алых парусов,
Каренина же Анна — паровоза.

Антон Васецкий

20+21

Свет луны, таинственный и длинный,
 От миганья красноватых век
 Превратится в мякоть пластилина
 И движенье трансцендентных рек,
 Где башки пустые циферблаты
 Стрелки рук сломали об листы
 + солдаты Понтия Пилата
 и крестов терновые кусты.

Нет ни време(?)ни ориентиров.
 Все пройдет, как с белых яблонь дым,
 Отлушит, как кумар от чифиря
 Или сладкий белый керосин...
 По ночам, прижавшись к изголовью,
 Прорываясь в бред сквозь песий лай,
 Почему-то думаешь о крове:
 Острый нож, да хлеба каравай.
 Вкус тревоги по-ночному смачен,
 Припорошен бредом мыслей хруст.
 Не жалею, не зову, не плачу,
 Не курю, не пью и не колюсь.

Рисунок Юлии Фирсовой.

Золотинка

7

— Собирай вещи, сынок! — говорит отец. — Я закончил дела на участке, мы перебираемся в поселок.

Укладываю в сумку три банки стуженки для Золотинки, насыпаю в пакеты рис, гречку, пшено, бросаю сверху десяток пачек «Беломора». Отыскиваю в столе тубик антикомарина.

— Закончите «стараться», заходите ко мне в поселок, — кратко, без сантиментов прощаюсь я с пацанами.

Золотинка — иное дело. Я в семье один. Прилично одет, обут. Живу в комфортных условиях, и мне искренне жаль кроху-девчушку, вынужденную обитать в детском приюте, мечтой которой является учеба в «кулинарке».

Бесхитростная Майка смотрит на меня снизу вверх и с таинственным видом сообщает:

— У нас уже семьдесят два грамма!

Прикидываю. У подпольных скупщиков золотого песка грамм идет по двести рублей. Сумма выходит приличная.

— Леша мне нарядное платье и туфельки купит! — восторгается малышка и продолжает: — Спасибо, что спас меня! Леша сказал, что этого не забудет! До свидания!

— До свидания!

На улицах заброшенного поселка ветер вздымает пыльные смерчи, словно в пустыне. Отец уехал на отдаленный участок, я второй день предоставлен сам себе. Брожу по базе, где все по горло заняты ремонтом и обслуживанием горной техники.

— Салют, Глеб! — приветствую я земляка.

Он снимает маску и отдувается. По круглому лицу стекают градины пота.

— Пекло! — жалуется магаданец. Я подаю ему пластиковую бутылку с охлажденным чаем. Он жадно, вздохнув, пьет.

К нему подходит молодой водитель БелАЗа Сашка. В левой руке у него лопата, в правой деревянный черенок.

— Глеб, по-быстрому привари, — просит он.

Сварщик недоуменно вертит в руках лопату с черенком и тарашится на водителя. С едва сдерживаемой улыбкой смотрю на растерянного пана спортсмена. Наконец, до него доходит.

— Сгорит, — говорит тугодум, и мы втроем заливаемся хохотом.

На обед с ближайшего полигона подвезжают БелАЗы и погрузчик.

Горохом сыпятся с огромного капота самосвала бульдозеристы, оставившие технику на участке. Я быстрыми

шагами направляюсь к чудо-погрузчику Катерпиллеру С-992.

Вес гиганта 120 тонн. Кабина на высоте пять метров. Баллон весит пять тонн и стоит десять тысяч баксов. С-992 поражает любого, кто видит его воочию. Объем грандиозного ковша, грозно оскалившегося стальными клыками, восхищает знатоков и дилетантов.

Сегодня в дневную смену работает молодой водитель Володя. Он добрый парень. Дает мне порулить, когда на полигоне нет начальства, научил забирать в ковш грунт, поднимать и высыпать его в кузов БелАЗа.

— Только без баловства и трепачки! — взял с меня слово Володя, и я его держу.

— Володя, возьми меня с собой до вечера. — прошу я. — Болтаюсь без дела, со скуки околею.

— Добро! В темпе обедаем, и на полигон.

Местность вокруг дороги на полигон напоминает ландшафт чужой планеты. Серые, унылые терриконы громоздятся справа и слева. Свинцовые, безжизненные отвалы, с которых пластами сползает зернистый песок и рушится в бесчисленные протоки, ручьи, речки. Каменистые и галечные холмы отработанной породы беспорядочными рядами покрывают долину.

Гигант-погрузчик, раскачиваясь на неровной дороге, как судно на волне, подъезжает к огромной куче песка, которую нагреб бульдозер. Через несколько минут прибывает кавалькада могучих самосвалов. Головной с ходу устремляется под погрузку. На полигоне дорожат каждой минутой и времени на раскачку не дают.

Великан Катерпиллер вонзает зубья в подошву песчаного холма и высоко вздымает ковш. Песок лавиной сыплется в кузов, и БелАЗ отъезжает. На последней машине Володя уступает мне место.

— Давай!

Управление американской техникой упрощено до предела. Две миниатюрные ручки на панели приборов позволяют манипулировать ковшом и управлять машиной. Опускаю ковш на землю и направляю погрузчик к куче песка.

— Не крадись, смелее! — подбадривает водитель.

Набираю полный ковш, поднимаю его и подъезжаю к самосвалу. Ковш кренится, и песок мощной струей заполняет кузов. Взревев, БелАЗ увозит грунт на промывку.

— Теряешь время, ковш нужно поднимать на ходу, — подсказывает Володя.

Пролетают три часа, нам отведено пятнадцать минут на чай. Пьем горячий душистый напиток, съедаем по сдобной булочке. Я с интересом прислушиваюсь к разговору водителя БелАЗа и молодого (видно, это его первый сезон) мониторщика.

— ... появляется азарт. Я борюсь с грунтом, который

(Окончание. Начало в № 4)

бесперерывно подает бульдозер. Кто кого! Водяной пушкой-монитором я должен не только размыть грунт, но и успеть мощной струей вышвырнуть валуны в отвал.

Мне думается, мониторщик прав! Есть категория людей, которые умрут от тоски и скуки, посади их клерками в самых престижных офисах. Таким людям нужен овеществленный труд, когда наглядно видны его результаты. Им нравится работать с техникой, обрабатывать землю, ухаживать за животными.

Наивные мальчишеские философствования прерывает Володя:

— Костя! Смена не закончилась!

8

На хорошо прогреваемых солнцем отвалах десятками полезли из земли подосиновики. Отец велел засушить для дома побольше грибов. Прежде я любил «тихую охоту», но сейчас мне интересней практиковаться в работе на погрязке.

За грибами я хожу со старожиллом Акимычем. Он зимует в заброшенном поселке, поэтому заготавливает пропасть грибов. Старик общителен, знает множество занимательных историй и колымских баек. Время с ним пробегает незаметно, я дорожу хорошими отношениями с ветераном-старателем.

Возвращаемся мы в поселок к обеду, успеваем перекусить в столовой, и я свободен. В полутемном коридоре сталкиваюсь с Глебом, он испуганно отскакивает. Я ставлю корзину с грибами на ступеньку и протягиваю руку.

— Ты что трясешься, как зимний заяц по чернотропу?

— Батя дома? — вопросом на вопрос отвечает магаданец.

— На Аргычан укатил.

— Зайдем ко мне, поговорить нужно.

В светлой комнате рассматриваю коллегу по спорту. Нос и скулы распухли, под левым глазом расплылся фиолетовый синяк. Над Глебом трудилась целая бригада, одному-двоим он бы не поддавался. Я изумленно присвистываю:

— Вид у тебя — краше в гроб кладут!

— Не паялся на меня! — злится сварщик. — Я и не сопротивлялся!

— ???!!!

На развороченной кровати замечаю набитый рюкзак и сумку.

— Уезжаешь, Глеб?

— Увозят! Вечером идет вездеход на участок Ветренный.

— Что случилось? Выкладывай! Ветренный — немощная глушь!

Парень сопит, мнется и, собравшись с духом, рассказывает.

Три дня назад он после работы пошел искупаться километра за два в котловане. Стремясь сократить обратную дорогу, он срезал поворот и прошел по краю вскрываемого полигона. В смерзшемся коме песка и суглинка Глеб, к несчастью, заметил и поднял самородок!

— И ты спрятал! — прерываю я пана спортсмена.

— Они миллионеры, у них не убудет! — брызжет слюной сварщик. — За разбитую тачку они внесли три тысячи баксов, и сколько мне горбатиться на них? Я мог к осени рассчитаться с хозяевами, иначе они по-доброму не отпустят и заставят работать еще один сезон. У меня был шанс слинять из этого концлагеря!

Я молчу и переживаю вспышку ярости у Глеба. Он успокаивается и продолжает:

— Я с золотом дела не имел и показал самородок мужикам. Кто-то меня вложил!

«Идиот!» — хочется завопить мне, и я сдерживаю выкрик.

— Вчера я отпросился к зубнику. В райцентре меня задержали...

— Тебя отпустили из милиции?

— Милицей там не пахло. Действовала наша охрана.

Сварщик вздыхает и прячет глаза.

Все становится на свои места, о подобных случаях рассказывали старатели. Хозяева ничего не выиграют, если суд впадет Глебу несколько лет отсидки. На парня составили акты, собрали компромат и пахать ему на артель, как медному котелку. На три-четыре сезона сварщик становится рабом, только без клейма и железного ошейника. Сбежать никуда невозможно, а заставить пахать хозяева умеют.

С сочувствием смотрю на незадачливого старателя. Он достает из кармана два письма и вручает мне.

— Одно родителям, другое девушке, отдай лично в руки! Зимой в город не вернись, оставят работать в шахте. Слава Богу, если весной отпустят на побывку! — он тоскливо глядит мне в глаза и просит: — Костя! Не говори ребятам в секции, что я так нелепо лажанулся! Может, выкручусь, всплыву!

— Удачи, Глеб!

У крыльца, на лавочке сиротливо поникшие сидят Майка и Толик.

— «Отстарались»? — приветствую я ребят и зову в комнату. Толик с жадностью поглощает холодную тушенку из вспоротой банки, Золотинка с тоской смотрит в окно.

— Где Лешка с Пашкой? — допытываюсь я. Ребята молчат.

«К скупщикам поехали», — догадываюсь я.

Толик прикончил консервы и шарит настойчивым взглядом по столу: что бы еще умять? Подаю пластиковую упаковку с маслом, хлеб, сыр, наливаю чаю. Печальная Майка и к печеню не притронулась.

— Ты отчего такая пришибленная? — подшучиваю я. — Так подфартило, что от радости опомниться не в силах?

Я заглядываю в глаза девушки и замечаю в них слезы.

— Что случилось, Майка?

Толик, проглотивший очередной бутерброд, будничным тоном сообщает:

— Кинул нас Пашка.

— Как?!

— Забрал девяносто два грамма, ствол и смылся.

Майка закрывает лицо ладонями и горько, навзрыд рыдает.

— Лешка осатанел! Сел на попутку и ринулся догонять в райцентр, оттуда будет добираться до Транспортного. Душу вынет из подлеса и вернет металл.

— Разве найдешь Пашку на Колымской трассе?

— Лешка перехватит! — уверен подросток.

— Все утащил, паразит! — жалко лепечет девочка. — И золото, и ружье.

— Не плачь, Майка! — успокаиваю я ее.

— Всю зиму по копейке собирали на продукты. Бутылки сдавали, цветной металлолом отжигали из кабеля. Месяц в тайге комаров кормили, руки в кровавых мозолях! Мы сму, гниде, доверяли! — бубнит Толик. — Такой гад!

— Я боюсь за Лешку, — шепчет девчушка. — Он бешеный! Прибьет вора, и его посадят в тюрьму. У мамки срок шесть лет. Она отсидела два года. Как мне жить!

— Точно, — подтверждает Толик. — Тетя Варя — «относчица», загремела по золоту, там статьи не амнистируются.

— «Относчица» — что такое?

— Выносила похищенное с промприбора золото.

С бессильной жалостью гляжу на девочку. Чем я могу помочь?

— Куда вы теперь?

— Поживем в артели «Старт», тетка Майки нас прокормит. Будем ждать Лешку.

Майка молитвенно складывает на груди ладони.

— Я обойдусь без платья и туфельек! Пусть Лешка вернется! На тоненькой, прозрачной шейке отчаянно пульсирует жилка. Чувство беспомощности охватывает меня. Я не в силах выручить ребят, попавших в переделку.

Набиваю пакет продуктами, суматошно спую из комнаты на кухню и обратно. Ребята сидят у меня до позднего вечера.

Что я могу сделать для них в пятнадцать лет! У меня даже денег нет, чтобы подарить Майке платье и туфельки... Будь я повзрослей, я бы разбился, но придумал что-нибудь.

Толик прощается, берет в одну руку пакет, другой рукой крохотную ладошку Золотинки, и мы выходим в заброшенный двор.

— Вы почаще заходите ко мне.

Майка с безучастным видом смотрит на обширную, изрытую бульдозерами долину реки и не отзывается.

— Приедет Лешка, и зайдем, — обещает Толик.

Две худенькие, жалкие фигурки бредут по неухоженной, обсаженной тополями аллее, и нестерпимо саднит и жжет сердце. Я слишком юн для решения таких проблем. Взрослые же отмахиваются от подобной мелочовки. Судьба одного человека для них семечки. У взрослых вопросы грандиозные, принципиальные, государственные.

9

Приезжал и вновь уехал отец. На участке Аргычан пошло хорошее золото, и необходимо постоянное присут-

ствие геолога. Звонила из Магадана мама, требовала возвращаться — до начала учебного года три недели. Ближний полигон через неделю закрывают — пески промыты. Погрузчик и БелАЗы перебрасывают на Ветреный, за тридцать километров.

Я соскучился по маме, по городу, по приятелям. Может, собраться и уехать?

Чувство неясной вины гложет меня. Вины за сытую, благополучную жизнь перед горемыкой Толиком, хмурым сорви-головой Лешкой, бедолагой Золотинкой.

Да разве я виноват, что у меня нормальные родители, что учусь в платной гимназии, что готовлюсь в университет, что... Да много есть «что»!

Я уеду в Магадан, обворованные, неприкаемые ребята вернутся в постылый интернат. Не будет куртки у Лешки, платья и туфельек у Майки, у Толика... Я и забыл о желаниях Толика!

Не отыскать Лешке на Колымской трассе ворешку. И к лучшему. Он в состоянии изувечить жулика как Бог черепаху, и закон станет на сторону подлеса и проходимца. Неместна здесь поговорка «вор у вора дубинку украл», все гораздо сложнее.

Странные люди взрослые придумали странные законы. Согласно абсурдным законам окажется негодяй Пашка потерпевшей стороной, работяга Лешка — преступником.

Кто-то из умных людей сказал: «Пусть миром правят дети!». Честное слово, получится порядочней и справедливей!

... Приподнятое настроение у рабочих участка: падали на гнездо. Такое бывает в горной практике: хорошее содержание золота отходит на небольшой площади. Запас песков на неделю работы, полигон активируют и сворачивают, и внезапно пошло отличное золото. Съёмка подскочила с одного килограмма до четырех.

— Бывалые старатели предупреждали начальство, — вешает Володя. — Появились синие пески — жди хорошего золота! Так и получилось. Жаль, что это только «карман»! При столь богатом содержании металла мы имели бы план и солидную зарплату в сентябре.

Водитель с азартом орудует рычагами, в темпе подскакивают и отъезжают БелАЗы. Бульдозер подрезал борта — края полигона: пусто, золота нет! Россыпь истощена и последний металл полигона в огромной куче песка перед погрузчиком.

— За пять суток управимся, — прикинув объемы, репаст Володя. Мыслями он на новом полигоне, здесь работа завершена.

Сумасшедшая мысль приходит мне в голову. В обеденный перерыв, когда на полигоне не будет ни души, отвезти несколько ковшей песка с хорошим содержанием металла к обводной канаве и высыпать.

Свернут участок, и я с Толиком, Лешкой, Майкой промую пески на проходнушке. Сбудется мечта девочки, получит она платье и туфельки. Оденется, обуется Лешка, Толик... Черт подери! Постоянно забываю о Толике!

Здравая мысль тревожит рассудок: «Кража золотоносных песков — не мука и тушенка! За данные деяния за-

кон карает сурово и беспощадно!»

Внутренний голос сопротивляется логике: «Мне лично ничего не нужно, а для пацанов, для сироты Майки!»

«Попадешься и испортишь жизнь себе и родителям!» — настаивает здравый смысл.

«Обобранные ребята останутся на бобах, никому до них дела нет!» — не сдаюсь я.

«Проблемы таких детей решают соответствующие инстанции. Граммы тайком промытого, сворованного металла не изменят волшебным образом жизнь и судьбу Майки, Лешки, Толика. Кто ты, чтобы восстанавливать справедливость?!» — доказывает очевидное здравый смысл.

«Но у меня перед глазами счастливое лицо несчастной девчушки, ее радостное: «Леша купит мне платье и туфельки!» Неужели я трус, ничтожество и не помогу ребятам!?»

«Помогать нужно честно!» — режет правду-матку здравый смысл.

С утра сижу на склоне сопки и слежу за полигоном. Приехал и уехал горный мастер. Мерно рокочет погрузчик, ревут и окутываются выхлопным дымком на подъеме самосвалы.

Внутри у меня никакой решительности и собранности, одна опустошенность. Не совершив ничего противозаконного, я выпотрошен, как лосось на прилавке. Тяжело идти на проступок! Я не спал всю ночь, вертел в голове так и этак, искал оправдание благим намерениям. Глупости! Преступление остается преступлением, как ни крути! Был бы рядом Лешка, за ним правда!

Уехал последний груженный БелАЗ, захватив Володю на обед. Едкой горечью наполняется рот, пульс резко учащается, нервный мандраж сотрясает тело. В последний раз оглядываю цепким взором безлюдный полигон и на ватных, негнущихся ногах иду к Катерпиллеру. Пока я не увезу ковш под сопку к обводной канаве, я хулиган. Потом... Лучше не думать про «потом»!

В двери погрузчика нет замка. Отключаю «секретку» и жму на кнопку запуска двигателя. Глухо рыкнул и заурчал дизель. На всякий случай осматриваю полигон. Прибор с мониторчиком за сопкой. Приборист не увидит и не услышит меня. Он не имеет права отлучаться от прибора и обедает на рабочем месте.

Будь что будет!

Зубья с легкостью вошли в рыхлый песок к канаве. Ходуном ходят пропотевшие руки, я уперся взглядом в дорогу, и как страус, прячущий голову под крыло, боюсь соскочить глаза вправо-влево.

Второй, третий, четвертый рейс. Они даются громадным напряжением воли. Хочется вылезти из кабины и бежать с полигона, куда глаза глядят! Преодолеваю панику и раскладываю похищенный песок кучками, чтобы не отсыпаться подозрительный холмик. Грунт испещрен следами Белазов, бульдозеров, Катерпиллера, — даже Шерлоку Холмсу в них не разобраться.

Ставлю погрузчик на прежнее место, прикрываю дверцу и птицей слетаю вниз по лесенке. Сейчас я законченный преступник, обокравший артель! Вчера я грузил золоти-

носным песком БелАЗы и испытывал законное удовлетворение от выполненной работы. Сегодня лишь стылая жуть содеянного и жалкое самоутешение: не попался!

... Майка и Толик не появлялись и не давали о себе знать. Лешка наверняка не вернулся из погони за воров. Вчера полигон закрыли, технику перебросили на Ветренный.

У ребят есть проходнушка, мы в силах начать промывку песков без брата Майки. До школы десять дней, предок на неделе отправит меня в Магадан. «Если гора не идет к Магомету...»

После завтрака собираю скудные гостинцы для Золотинки: сгущенку, конфеты, половинку арбуза и отправляюсь в артель «Старт». Идти до нее около часа. В южной части поселка я бывал и с интересом гляжу по сторонам. К сожалению, вдоль дороги развалины, пожарища, разруха.

Артель «Старт» охраняют мордастые, квадратные парни и злющие волкодавы с не менее тупыми мордами. Бритый молодой человек с тройным подбородком морщит нос, словно собирается чихнуть и задумывается.

— Точно! Живет у поварихи дохленькая, рыженькая. Вчера видел, картошку чистила.

Он показывает на свежевыкрашенный домик, крытый железом, кричит вслед:

— По территории не шляйся, не положено!

Тетка Золотинки — высокая, статная женщина в белом колпаке с испитым лицом — критически разглядывает меня.

— Ты сам кто таков?

— Я ваш сосед из артели «Корунд».

— Какого рожна ты в артели делаешь?

— Я сын главного геолога, приехал к отцу из Магадана.

— Да, — голос женщины смягчается. — Я полагала, ты из местной шантрапы.

Я переминаюсь с ноги на ногу и с нетерпением жду вразумительного ответа на просьбу позвать Майку или Толика.

— Вчера их в милицию забрали, — спокойным тоном извещает меня тетка. Заметив перекосившую физиономию гримасу, она с явной неохотой рассказывает:

— Племянник страшно избил парня в райцентре, тот лежит в реанимации. Лешка твердит, что это обычная драка. Следователь подозревает другое.

Я цепенею. В дрянную историю влип Лешка. Он перехватил Пашку, жулику не удалось ускользнуть на трассу. Не понимаю, почему он бил его смертным боем!

— Участковый повез Толика и Майку снять показания, — добавляет повариха.

— Отчего они не вернулись обратно?

— У меня в райцентре квартира, дочь живет. Племянница, возможно, задержалась и остановилась у дочери.

Я отдаю женщине пакет с гостинцами и прошу:

— Передайте Майке и Толику, чтобы зашли ко мне. На днях я уезжаю в Магадан, начинаются занятия в школе.

Повариха кивает колпаком.

— Только появятся, голубчики, передам.

Дело усложняется и запутывается. Стоило огород го-

родить! Сейчас все зависит от показаний проходимца Пашки. При его не по-детски изощренном уме он прекрасно понимает, что, рассказав о золоте, он подпишет приговор себе. Да и не известно: изъяли драгоценный металл и ствол или нет? Если со зла или по затмению жулик ляпнет про золотой песок, то пошло-поехало цепной реакцией. На Лешку повесят золото, плюс незаконное хранение оружия, плюс избиение с тяжкими последствиями (если жулик Пашка выживет!). Многовато для пятнадцатилетнего подростка!

Милиция клещом вцепится в Толика, он мне не помощник. И заикаться ему о похищенных песках нельзя. Лешке в любом раскладе в ближайшее время свобода не светит. Малышке Майке золотосные пески — как зайцу стоп-сигнал. Зачем я подставлялся, шел на глупый риск!

Подарить богатые пески дяде не хочется. Кто поможет их промыть? Кто не донесет на меня в милицию, не продаст руководству артели, не обманет при дележке? Попал я в передрагу, куда ни кинь — всюду клин!

На скамейке перед подъездом сидит Акимыч и зовет меня.

— Присаживайся, поговорим.

Он протягивает мне пачку «Беломора» и осекается.

— Ты некурящий, я запомнил.

Старик глубоко затягивается папиросой.

— Айда завтра за брусничкой. Я знаю места, где за полдня по два ведра отборной ягоды наберем.

Я задаю встречный вопрос:

— Акимыч, у вас проходнушка есть?

— Ты, никак, «стараться» собрался? — он испытывающе смотрит мне в глаза.

Времени на подготовку собеседника, раскачку у меня нет, и я рассказываю про драгу, про Майку, про воровство, про Лешку.

— Родителей их хорошо помню и пацанву знаю хорошо. — старатель замолкает на минуту. — Подлец остается подлецом и в пятнадцать, и в шестьдесят лет. Избивать такое дерьмо до смерти и садиться в тюрьму «по малолетке» себе дороже. Надо было придумать каверзу поумней.

— Прохвост Пашка сам любого проведет, — бормочу я.

— Оставим проходимца, зачем тебе проходнушка?

Надо признаваться или прекращать разговор и уходить. Отец знаком с Акимычем два десятка лет и уважает его. Нужно решаться! Я собираюсь с духом и выкладываю все.

Старик выслушивает рассказ и задает неожиданный вопрос:

— Кто тебя научил?

— Сам дошел.

— Далеко пойдешь, если милиция не остановит, — с иронией в голосе произносит старик. — Молокосос! Золото Лешки и Пашки — проблемное золото. Они пацаны, до реализации дело не довели, и его можно прикрыть. Куда еще кривая вывезет, как все повернется. Ты, обормот, обворовал артель, и пощады не жди!

Запала ему хватает минут на десять. Он переводит дух, закуривает очередную папиросу и успокаивается. По-

молчав, он принимает решение:

— Дело надо довести до конца, коль в тебе не просто ретивое заговорило, а ты хочешь помочь ребятам. Два последних года не «старался», — сознается Акимыч. Он вроде молодеет, распрямляется, оживает. — Сколько вывез?

— Четыре ковша.

— Делим пополам.

— Согласен.

— Как у тебя, Костя, со временем?

— В обрез, не больше пяти дней.

— Промыть успеем, ребятам ни полслова! На тебе крупы и консервы. На мне хлеб, чай, сахар. Перед обедом оформлю в конторе разрешение на вольноприносительство, проверю проходнушку. В четыре часа пополудни выхлудим по одиночке, встретимся у обводной канавы.

Я подтверждаю.

— Шалишь, брат! — говорит Акимыч кому-то. — Я в тираж не вышел!

Он поднимается и требовательно глядит мне в глаза.

— Никогда, слышишь, никогда не делай больше этого!

11

Ранним утром в дверь раздается громкий, настойчивый стук. С трудом отрываю голову от подушки. Нестерпимо ломит и ноет тело, скрюченные пальцы не разгибаются, суставы рук и ног будто заржавели. После двух дней промывки песков я разбит, как паралитик.

Шаркая подошвами, бреду к двери и открываю. На пороге Майка и Толик.

— Салют! — приветствую я ребят и приглашаю в комнату. Они не в духе. Мрачные, насупленные, Золотинка и Толик усаживаются на диван, я ставлю чайник на плитку и возвращаюсь в комнату.

— Как дела у Лешки?

— Держат в камере временного содержания, — пасмурным тоном произносит Толик.

— Милиция изъяли золото и ствол?

— По всему видно, что нет, — отвечает подросток. — Местные оперативники не слишком приставали. Из Магадана приехали следователи на усиление, они выпытывали о жизни в артели, об оружии, брали на «пушку».

— Зачем Лешка бил без пощады прохвоста?

— Я думаю, что у Пашки не было при себе металла и ствола, вот Лешка и перегнул палку, выпытывая, где украденное.

— Куда он все подевал?

— Успел припрятать. Гад живучий! В реанимации очнулся и молчит, как воды в рот набрал, притворяется, соображает, что почем. Я выведал у медсестры, представил ее братом. Он вне опасности.

— Со зла он не брякнет о золоте?

— Гнида не захочет влипнуть сам. Он хитрей нас и станет искать возможность подставить Лешку и остаться в стороне.

— С Лешкой не виделись?

— Кто нас к нему пустит? — шмыгает носом Майка. Во время разговора она сидит спорбившись, обхватив рука-

Рисунок Сергея Ивкина

ми худенькие колени, и это ее первая реплика.

— Следователь колол на допросах, хотел, чтобы мы проговорились, — продолжает Толик и трет переносицу указательным пальцем. — Он ничего не добился и ждет показаний Пашки. Наверняка пришьют избитие с тяжелыми телесными повреждениями.

— Ваша хата с краю! — пробую я поучать ребят.

— Не нуди! — металл звенит в голосе мягкосердечного Толика. — Мы не вчера родились и не забывай: мы из интерната!

Нехорошая, злая, так не идущая ему улыбка перекашивает лицо. С изумлением гляжу на мягкосердечного подростка, таким я его не видел. Нет Лешки, и на его место встает совершенно неподготовленный к роли лидера Толик. Видя надвигающуюся опасность, он инстинктивно заслоняет собой Майку, защищает ее.

Я тоже должен сделать хоть что-то для Золотинки!

... Сгорая от нетерпения, я с собачьей преданностью гляжу на Акимыча.

Времени в обрез, и нужно мыть, мыть, мыть! Старик не торопится. Он обходит кучи песка, берет пробы при помощи небольшого эмалированного таза, удовлетворенно хмыкает.

Измерив расстояние от куч до обводной канавы, старатель хвалит меня:

— Молодец! Пески аккурат у воды высыпал. Сзади сопка, сбоку тальник нас от ротозеев прикроет.

Он тычет в землю.

— Вот отсюда рой протоку к обводной канаве. Лучше подвести воду к пескам, чем горбатиться — носить их к канаве.

Настраиваем проходнушку и приступаем к промывке. Я совковой лопатой подаю песок в желоб прибора, напарник его буторит. Через час ладони начинают гореть, словно ошпаренные. У основания пальцев вздуваются плотные бугорки-мозоли. Акимыч замечает, что у меня нет рукавиц, и бранится:

— Саморуб! Что ты творишь! Завтра ты лопату в руки не возьмешь, сбитыми в кровь руками много не поработаешь!

Он подает мне верхонки и вытаскивает запасную пару из рюкзака.

Размеренно швыряю песок в желоб. Подхваченные струей воды, пробуренные песчинки проносятся по проходнушке, минуют коврик и рушатся с водой вниз в канавку.

Втыкаю совковую лопату в кучу, поднимаю и замечаю

желтый матовый отблеск. Сердце сладко и взволнованно екает. Ставлю лопату на землю и наклоняюсь. Самородочек! Зову Акимыча и мы рассматриваем крошечный кусочек металла. Старик кладет его в спичечный коробок.

В обед подогреваем кашу, кипятим чай. На высокой сопке, над нами, перекликаются голоса. Женщины, собирающие бруснику, не заметят нас, но старатель тушит костер.

— У нас разрешение, документ есть, — замечаю я.

— Чужие люди спазят золото, и ни черта не намоем! — упрямятся суеверный старик. — Глаз бывает жадный, завистливый!

— Предрассудки! — отмахиваюсь я.

— Фарт потеряем! — непреклонен Акимыч.

Поздним вечером производим съемку. На белой тряпичке щепотка золотого песка не впечатляет.

— Неказист «желтый дьявол!» — с вымученной улыбкой пробую пошутить. — От такого золота с ума не сойдем!

Акимыч усмехается:

— Ты запоешь по другому, когда в руках подержишь солидный кисет с металлом.

В его глазах мелькает отблеск удачных сезонов и находок.

— Отожжем, прокалим на сковородке и металл примет товарный вид!

Корявыми пальцами старик берет крохотный лепесток металла и протягивает мне:

— Выброси в канаву для фарта!

«Съехала крыша у старого на приметах и пережитках», — думаю я, беру в правую руку капельку золота и бросаю в канаву. — Возможно, выброшенная золотинка принесет нам фарт-удачу, но фарт на драге не принес счастья Золотинке!»

— Фарт надо приманивать, улаживать, — твердит Акимыч. Мысли мои далеко, и я не обращаю внимания на его бормотание.

Каторжный труд изо дня в день, из часа в час. Деревенеет шея, немеют плечи, обрываются от тяжести лопаты руки. Я закусываю губы, стискиваю зубы и швыряю песок в проходнушку. Сам вызвался на работу и буду презирать себя, если попрошу передышки. Я не отступлю, пока не доведем промывку до конца.

Старикан работает, как заводной, словно нет за плечами груза лет и трех с лишним десятков старательских сезонов. Посасывая потухшую папиросу, он буторит песок, откидывает камни, гальку, и стремительно скользят по желобу песчинки. Смена для него на этом не кончается. Ночью, когда я сплю мертвым сном, Акимыч отжигает, прокаливает золотой песок, превращая его в товар.

Поздним вечером, спрятав инструменты и минипромприбор, мы возвращаемся в поселок. Я иду точно робот, «на автопилоте», не чувствуя ни рук, ни ног.

— Так вырабатывается воля, терпение, умение пахать через «не могу», — размышляет вслух старатель.

Меня не нужно воспитывать. Я работал, чтобы доставить маленькой, обделенной душевной теплотой и сердеч-

ным участием, девчужке немного радости. На пятые сутки мои мучения заканчиваются, пески промыты.

— Сколько намыли? — охрипшим, неестественным голосом спрашиваю я. — Сегодня отожду, отобью последнюю съемку, сплюсуем, — уклончиво отвечает старатель. Завтра утром двину в райцентр и сдам металл ингушам.

Откладывать нельзя, в любой момент отец отправит меня в Магадан.

— Конкретно! — не скрываю я удовлетворения.

— Вечером я привезу деньги!

«Сколько мы намыли? — ломаю я голову ночью. — Старик-хитрован молол, молол языком, а по существу — ничего определенного».

12

Автобус в райцентр уходит в девять утра. С шести часов я на ногах. Непокойно меряю ногами комнату, выглядываю в окно, выхожу во двор. Измаявшись от ожидания, занимаю место на лавочке и наблюдаю за подъездом Акимыча.

Восемь пятнадцать, восемь тридцать, восемь сорок пять, девять. Старик из подъезда не выходил. Автобус уехал, я теряюсь в догадках. В подъезде живут четыре семьи. Владельцы квартир приезжают в поселок на лето, работают в артелях и пытаются выхлопотать компенсацию за жилье. Остальные квартиры пусты и заброшены.

Изредка в подъезд входят и выходят люди. После обеда я сажусь на лавочку и, не отрываясь, слежу за подъездом. Второй раз из него выходят две размалеванные, беспутные бабенки, живущие за счет старателей. Визгливо смеясь и размахивая руками, они уходят и возвращаются минут через тридцать с четырьмя большими пакетами, набитыми закуской и водкой.

«Раскрутились, паразитки! — я провожаю женщин равнодушным взглядом и едва не подскакиваю от пришедшей в голову догадки: — Акимыч — сосед женщин. Возможно, бабенки пропивают его деньги, отсюда море выпивки и богатая закуска!»

Старик велел мне прийти вечером, сейчас три часа дня. Холодный пот прошибает меня, тело сотрясает нервная дрожь. У пьяниц — бабенок нет ничего святого, они без зазрения совести напоят и оберут денежного мужика.

Время тянется, как гуттаперчевая резина. Смотрю на циферблат наручных часов, и меня обуревают желание подтолкнуть стрелки. В доме напротив «Маяк» пропикал пять часов.

Для успокоения совести бодрым шагом миную подъезд Акимыча и иду к автобусной остановке. Полупустой автобус высаживает трех пассажиров и уезжает на окраину поселка. Я знал, что старик не приедет, и пришел удостовериться...

«Вот в чем дело, балда! — одергиваю я себя. — Никуда Акимыч не ездил! Захочет он «кинуть» меня, и все козыри в его руках. Я и пикнуть не посмею!»

Нагнав на себя страха, я понуро высидываю в комнате до семи часов вечера, и, решившись, иду в подъезд стар-

теля. В дверях пьяная бабенка-соседка старика щурится на меня с подлобья.

— Я к Акимычу!

— Отключился напрочь старый! Приходи завтра!

— Мы договаривались на сегодня.

Впреки ожиданиям, женщина не захлопывает дверь перед моим носом и выпускает меня в квартиру.

— Попробуй, разбуди!

За столом пир горой. Два пьяных неопределенного возраста мужика елозят харями по столешнице. Слабый пол выносливее и устойчивее к алкоголю. Товарка впустившей меня бабенки завывает тягостную песню и цепко удерживает в руке рюмку. На столе то ли свиньи жрали, то ли шляхта гуляла. Дорогие колбаса, сыр, копченая рыба свалены в кучу, и среди них белыми флажками воткнуты окурки.

В соседней комнате разметался на тахте, как гоголевский запорожец, и спит расхристаный Акимыч. Трясу за плечо.

— Акимыч!

Мутные глаза следят за мной через щелки неплотно прикрытых век, затем веки широко раскрываются. Старик поднимается с тахты, застегивает пуговицы, заправляет рубашку в брюки и твердым голосом говорит:

— За расчетом пришел?

— Вы сказали прийти вечером, — дипломатично отвечаю я.

Акимыч лезет во внутренний карман и рассыпается беспричинным дробным смешком:

— Обшмонали, язви их в корень!

— Как обшмонали? — холодею я.

— Оставлял в кармане деньги для затравки, они и клюнули! — куражится старик.

Я с опаской гляжу на него: не рехнулся ли Акимыч?

— Где им, парчужкам-ложкомойницам, меня провести! — бахвалится старатель. — Отложил в карман три сотни, они мигом вытащили. Заметив бегло меняющуюся гамму настроений на моей физиономии, он хлопает меня по плечу.

— Шалишь, брат! У них кишка тонка провести стреляного воробья на мякине!

Мы входим в гостиную. Акимыч, не обращая внимания на пирующих нахлебников, наливает полстакана водки и глотает, как воду.

— Акимыч, тут ребята из артели в гости заглянули, — льстиво обращается к нему одна из пьянчуг.

— Я старателей не выгоняю! — обрывает ее старик.

Мы спускаемся на первый этаж, и он открывает ключом дверь пустующей квартиры. В захлавленной кухне Акимыч достает из угла пластмассовый бидончик и извлекает из него пакет.

— Вы влёт обернулись, Акимыч!

— На попутках смотался, — врет, не моргнув глазом, он.

Меня осеняет:

«В поселке живет подпольный скупщик, старик продал металл на месте. Он не желает распространяться; да мне и не нужны «тайны мадридского двора».

— Сто пятьдесят два грамма, как с куста! Удачно сработали! — трезвым голосом произносит старик. — Я три тысячи потратил, три оставляю на пропой, остальное отдай ребятам.

Замерев, я не притрагиваюсь к пакету. Благой порыв через несколько минут угасает, начинает бунт Бахус, требующий свою долю.

— Три тысячи отдай отцу, я потом заберу на похмелье, — добавляет старатель, сует часть денег в бидончик и протягивает пакет мне. — Будет отец любопытствовать, откуда деньги на подарок, скажи: Акимыч дал, так вернес. Иди, Христа ради!

Я с благодарностью смотрю на ветерана-старателя, пропивающего все, кроме души и совести.

— Спасибо, Акимыч!

Подарочная коробка с модной курточкой, сапожками, платьем, туфельками засунута под мышку. Я молча слушаю тетку Майки.

— Ты с ними немного разминулся, «скорая помощь» вот только уехала. Я со смены отлучиться не имею права, с ней поехал Толик. Она последнее время плакала, переживала за Лешку, вот сердце и надорвала!..

«Сердечный приступ, сердечный приступ!» — отстукивает метроном в моем мозгу.

Запыленный, заляпанный грязью УАЗ предка стоит во дворе. Уговаривать его не приходится.

— Я и приехал отправить тебя домой, — говорит отец. — Собирайся. Навестишь подружку в больнице, переночуем в райцентре, и завтра я отправлю тебя в Магадан.

Автомобиль плавно вписывается в крутые виражи на спуске с перевала. На многих участках серпантин Колымской трассы не уступают по сложности дорогам Кавказа.

— Папа! — обращаюсь я к отцу. — Майка — чудесная девочка и очень несчастная. Давай возьмем ее в нашу семью!

Отец поворачивает голову и изумленно смотрит на меня.

— Костя, нас мама на порог не пустит! Поспешность, скоропалительность до добра не доводят! Нужно обсуждать, анализировать, семь раз отмерять...

— Я уговорю маму, неужели она бессердечная!

— Ты где деньги на подарки взял? — меняет неприятную тему разговора предок.

— Акимыч дал.

— Благородный старик, — легкая улыбка трогает углы его губ, взгляд туманится. — Были люди на Колыме, титаны!..

— Неужели Золотинка нас стеснит или объест? — настаиваю я на своем.

Лицо папы заостряется и каменеет.

— Космос не обогреешь, Костя! — чужим, сдавленным голосом произносит он. — Со временем государство решит проблемы таких детей.

Отворачиваюсь и гляжу на проплывающие по сторонам золотистые сопки. Началась третья декада августа, и столбик термометра с регулярностью авиарейса уходит по ночам вниз, далеко за нулевую отметку. Осень на Колыме в полном разгаре...

* * *

*Он отмалчивался шутками.
М. Беренов*

О счастье с поперечной флейтой
У приоткрытых тонких губ,
О страсти душевной, теплой, клейкой,
Я не смогу сказать — солгу.

Об этой девочке прозрачной
С короткой стрижкою, шутя,
На кухне дружно посудачим.
Я рассмеюсь, храня тебя.

И о другой, с холеной скрипкой,
Чьи пальцы преломляют гриф,
Истошным деревянным крикам
В мое пространство дверь открыв,
Чьи волосы ложатся шалью,
А в танце ластятся к грудям,
Я отмолчусь, улыбкой шалой
Тебя от темы уводя.

И с третьей, познакомив, после
Гостей, во тьме разговорясь,
Почти разоблаченный, поздно,
Но все-таки не выдам связь.
Да, я люблю тебя! Тиранствуй!
Я помню, что во мне ты — Вся,
Свое мужское донжуанство
В преступных строчках пронеся.

* * *

Б. М.

И вроде ветеран.
Ну, разве что не Шипки.
Опять в стране сменили табеля...
Тот, в чьих стихах вчера
ты исправлял ошибки,
сегодня редактирует тебя.

Посеял — так пожни.
Он даже благодарен
И, бог ты мой, испытывает стыд!
Но так как он — должник,
то ты ему — татарин
и он перед тобою устоит.

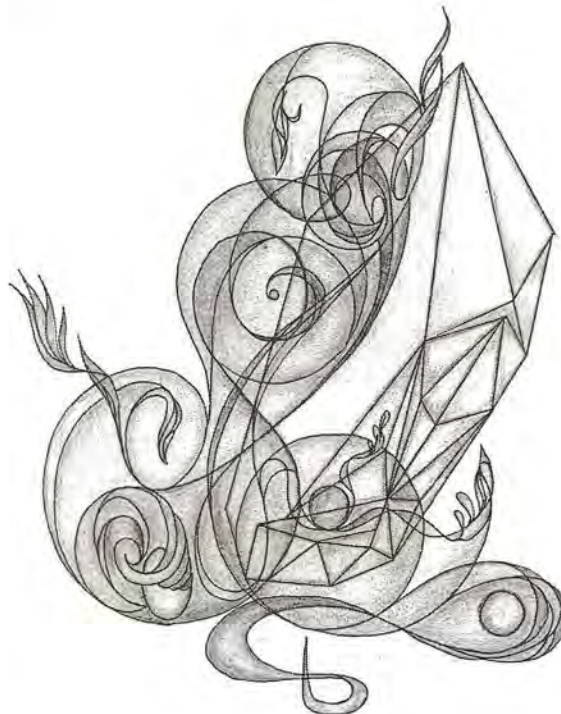
Молитва

А. Т.

Благодарю за чувство языка —
Для дурака оно верней науки,
Как мы родных увидели друг в друге,
Так в тексте строчку разглядит строка.
Благодарю за чувство языка.

Благодарю за ложь и немоту
(Они учили действенной и тише),
За горький привкус глупости во рту,
За вязкую слюну четверостиший...
Я в слове «воркованье» — Воркуту,
А в слове «обожанье» — жалость слышу.
Благодарю за ложь и немоту.

Благодарю. Ты не умел прощать,
Не позволял мне жить строкой проточной;
Стих не отточен, а скорей — нагочен...
И даже то, что выпало в печать,
Отчеркнуто рядами многоточий.
Я неустойчив или ты настойчив —
Благодарю! Ты не умел прощать.

Светлана ЭСТ, г. Пермь

I позиция

Если разобраться, то все, кто прошел через этот наш концлагерь — хореографическое училище — становятся инвалидами. Вот, скажем, какое строение тазобедренного сустава у нормального человека? Когда нога не развернута в I позиции, большой вертел бедренной кости упирается в тазобедренную кость и ограничивает высоту подъема. А в выворотном положении он уходит назад и не мешает поднять нижнюю конечность на любую высоту, например, лягнуть ею в лоб графа Альберта, то есть Пашку Трофимова, танцующего вместе со мной па-де-де из второго акта балета «Жизель». Обычное положение ног — не выворотное. Выворотность же достигается тем, что педагог непрерывно орет на ученика, несмотря на его розовое, фланелевое еще, детство. Как у нас в школе маленькие девочки рыдают, не плачет никто, разве что профессиональные плакальщицы в Древнем Египте по особой таксе за сверхурочные. В общем, природой тело заворачивается в другую сторону, поэтому каждый раз мышцы приходится выворачивать. И называется эта процедура — балет.

В теплое осеннее утро юная крестьянская девушка Жизель искренне радуется ласковому солнцу, синему небу, пению птиц и, особенно, любви, неожиданно и счастливо озарившей ее жизнь. Жизель любит и верит, что любима.

— Садовская, у тебя глаза отсутствующие. Повтори-ка снова! И-и-раз... Никуда не годится. Еще! Еще!.. А сейчас фуэте. И-пошла... Еще, еще, еще... Термин «фуэте», Диана, переводится с французского языка как «хлестать». Нога должна сделать характерное движение, которое разворачивает тело балерины... Это — азы! Но ты их, Садовская, по-видимому, не знаешь!

— Что вы с утра кричите, Лариса Марковна?

— Кричать я должна не просто с утра, а с утра до вечера. И ты, девочка от природы сообразительная, по-моему, прекрасно знаешь, что я могу вынуть из тебя, из Серой Шейки, гениального Павловского «Умиряющего лебедя»... Самой с Сен-Сансом тебе не справиться!

— Потому что их двое, Сен и Санс, а я одна.

— Не советую острить, Садовская. К твоему сведению, в училище давно известно, что я слов не понимаю. Вот если бы ты станцевала свою шутку!.. Но ты все делаешь приблизительно, а меня это не устра-

ивает. Ты должна сделать правильно. ...Улыбочка? Не делай! Пошла отсюда, хамка! Уйди!

То «приди», то «уйди»! И почему приказала прийти в класс без Трофимова? С кем я буду па-де-де танцевать? С ней что ли?

«Одетые в подвенечные платья, увенчанные цветами ...неодолимо прекрасные пляшут вилысы при свете месяца, пляшут тем страстней и быстрее, чем больше чувствуют, что данный им для пляски час истекает, и они снова должны сойти в свои холодные, как лед, могилы...»

Опять Шеховцева турнула меня из класса: народная артистка и заслуженный учитель России прогнала, будто хромую дворняжку, выпускницу Диану Садовскую, лауреата Международного конкурса в Нагойе. Сайонара! Деду что ли пожаловаться, заслуженному деятелю искусств? Мой дед — главный дирижер театра оперы и балета и, как он двусмысленно выражается, «преданный (ей или ею?) друг» Ларисы Марковны Шеховцевой, художественного руководителя нашего суперорденоносного хореографического училища, которое почкованием отделилось от Питерской «школы». В Санкт-Петербурге об этом никто не помнит, а у нас «гудять» о преемственности и традициях все восемь лет обучения. На полу зала, где идет урок классического танца, славные балетные традиции выглядят так: слой слез толщиной в три сантиметра; слой пота; снова детские слезы в ассортименте, переложенные руганью педагогов; опять баррель пота, а вот юный Удвалын, монгол, описался в кустах около рояля — не знал, как по-русски сказать, что ему нужно выйти; слез становится меньше, пота больше; вдруг золотом проблескивает медаль и диплом с конкурса «Пируэт», и снова слой пота...

А вы думали, будто пол мокрый от того, что его перед уроком поливают водой из лейки, уменьшая

трение? «...И, съев по булке с маслом, успели так замаслиться, что мыли этих феечек из трех садовых леечек?»

Праздник во дворце короля Флорестана. На крестины его дочери Авроры собрались многочисленные гости. Кормилицы торжественно выносят маленькую прищесу. Все восхищены ее прелестью. Приходят добрые волшебницы во главе с феей Сирени. Они преподносят Авроре сказочные дары: красоту, нежность, смелость, резвость и т.д. Король и королева счастливы. Неожиданно появляется незваная гостья, злая колдунья Карабос.

— Диана, — приоткрыв дверь балетного класса, спрашивает меня Лариса Марковна, — ты успокоилась?

Лицо у нее усталое; красная, совершенно не идущая к землистого оттенка коже, помада (схватила утром что подвернулось) «шлывет» в уголках губ; над переносицей — ломаная вертикальная морщина от навсегда хмуро сдвинутых бровей; брюки запачканы пылью и потерты, потому что весь экзерсис — так называются на «классике» разминочные упражнения у станка — она может простоять перед тобой на коленях. Не для того, конечно, чтобы уговорить свою ученицу перейти к адажио или аллегро, а проверяя работу связок, сухожилий и мускулатуры ног.

Натянув на лицо резиновую виноватую маску-улыбку, захожу в зал. Что значит «успокоилась»? Психовала-то не я. Но завтра экзамен, и поскольку принимать его в качестве председателя комиссии будет столь личная знаменитость Эдуард Третьяков, руководитель театра авангардного балета «Кода», который ищет новую прима-балерину, то понять меня можно.

— ...Убери зад, дура, тебя же разворачивает! ...Плне делай чистенько! ...Тяни бедра! ...Что ты трясешься — арабеск должен быть стальной! — кричит Шеховцева.

Она, точно, сегодня кого-нибудь сожрет. Пытаются уползти наручные часы, которые Лариса Марковна имеет обыкновение снимать и класть на подлокотник своего кресла, чтобы не мешали; аккомпаниаторшу все ниже пригибает к деке рояля, будто солдата во время перестрелки.

Неутоленный в своем горе Флориндо хочет убить себя. Беатриче в отчаянии приходит к такому же решению. Случайность сводит их вместе. О, какое счастье, они целы и невредимы! Беатриче переодевается в женское платье, глазам собравшихся предстает прекрасная девушка.

Одна из стен зала сплошь покрыта зеркалами, и там, в светлом мерцающем отраженном пространстве танцует грациозная балерина в репетиционной тунике — это я. Как написал один из журналистов после моего триумфа в Японии, «природное изящество и утонченность делают ее похожей на хрупкую

фарфоровую статуэтку». И, слава Богу, мне досталось от мамы хорошенькое личико! Конечно, никто о таком не скажет откровенно, но, если у тебя оттопыренные уши, не видеть тебе первого места на престижном конкурсе — не родись счастливой, а родись красивой. Кстати, когда поступаешь в училище, вместе с тобой должны прийти родители, потому что педагоги проверяют у них экстерьер.

Действие происходит в старинном немецком городке в начале прошлого столетия. Вечер. В канун Рождества на улице оживленно, празднично. Спешит на новогоднюю елку в дом Штальбаума старый чудаки, изобретатель и мастер игрушек — Дроссельмейер.

Дед у меня — великий философ, Сократ из оркестровой ямы, и по поводу педагогических приемов Шеховцевой он как-то сказал мне:

— Понимаешь, и кричит она, и унижает, и до слез доводит — все это так. Про Ларису столько разгромных статей напечатали, что другая бы давно уже подалась в продавцы. Но, когда на космодроме с феем взлетает ракета-носитель, нелепо упрекать ее за шум. Шеховцева столько «звезд» вывела на небосклон мирового балета, что ссориться с ней я не собираюсь. ...Ссорится с ней — опасно для жизни ...для твоей жизни и твоего будущего.

— Гад ты, дед! Это тебе, наверное, хотелось заниматься балетом, а на каторгу послали меня, — упрекнула я его, так как была трепетной и десятилетней — на пуантах еще не стояла. — Позоришь мою фамилию: ты не Садовский, а Садицкий!

— ...Лучше, пожалуй, будет, если я расскажу Ларисе про то, как Глазунов дирижировал в Мариинке на премьере прекрасной своей «Раймонды».

— Ну, и как? В белом обтягивающем балетном трико? — спросила я, но деду отвечать не захотелось, и он только хитро подмигнул горячо любимой внученьке.

Позже я нашла в мемуарах одного театрального деятеля упоминание о том, что в самый кульминационный момент первой постановки балета «Раймонда» композитор Александр Константинович Глазунов положил на пюпитр дирижерскую палочку, достал платок, протер им пенсне (артисты на сцене сомлели от выходки маэстро) и после этого подал оркестру знак: «Продолжайте!». То есть в скрытой форме дед пригрозил Шеховцевой. Что стоит дирижеру на выступлении ее ученика поменять размер «четыре четвертых» на «шесть восьмых» — только палочкой взмахнуть, как фее Брильянтов из «Спящей красавицы».

Беззаботно и радостно танцует Аврора. Король и королева любят дочь. Они забыли страшное предсказание Карабос. Никто не замечает старушки с веретеном в руках. А шаловливая Аврора уже забавляется игрушкой. Все с волнением следят за ней.

Внезапно, укол палец, Аврора вскрикивает и падает.

Напрасно лейку подальше в угол поставили! Как сказал Заратустра: «Я научился летать: с тех пор я не вижу себя под собой, теперь бог танцует во мне». Пока бог танцевал и во мне, красуясь невесомыми большими прыжками и блеском мелких заносок, пришел черед учиться летать!

Чуть не встав в лейку, которая всегда должна быть в любом балетном классе, я упала навзничь, с полметра летела по полу, теряя шпильки из собранных «култышкой» волос, и врезалась в батарею отопления под окном. Боль была нестерпимой: чтобы не кричать, мне пришлось выталкивать воздух из гортани, потому что он вдруг стал наждачно обдирающим и застревал.

— Диана, девочка! — силуэтом на фоне сияющего ярким солнцем оконного стекла наклонилась надо мной, поверженной принцессой Авророй, Лариса Марковна.

— Я... полежу... здесь... немножко... — сказала я, останавливаясь через такт. — Пару часиков...

Только не заплакать! Садовская не будет плакать, она — хамка: как выбрала для себя в жизни I позицию, так в ней и пребывает! Балерина без куража — все равно, что самурай без хакари!

По привычке встав на колени, Шеховцева быстро ошупала мой голеностопный сустав. Черт побери, по видимому, Лариса испугалась за меня: на ее лице мина замедленного действия и печать сострадания. Вот, ведь может же, может, когда захочет!

Тем временем наш предприимчивый Труффальдино попадает в трудную ситуацию: он должен одновременно обслуживать двух господ, каждый из которых требует обед.

Пока мы с Шеховцевой изображали художественное полотно Репина «Иван Грозный и сын его Иван», снежный барс спустился к нам с Гималаев — так я впервые увидела Эдуарда Третьякова в его легендарном белом шелковом костюме и черной рубашке — «звезду» балета лет тридцати с гибкой пластикой хищного зверя. Упасть бы, но куда!

— Привет, Эдик, — сказала Лариса Марковна, удостоверившись в том, что я ничего не сломала и даже не растянула. — Ты зачем явился?

— По твоему приглашению, — лениво растягивая гласные, ответил Третьяков.

Она его специально пригласила полюбоваться, как я тут валяюсь на полу в воде. Мне немедленно захотелось спрятать голову в лейку. Невезуха!

— Иди, Садовская, на сегодня все, — скомандовала Лариса Марковна. — Если синяк появится, то сделай холодный компресс. Учти, я позвоню вечером твоему деду, чтобы проследил.

— Его нет: он в столицу поехал, в Москву златог-

лавую, — сказала я, поднимаясь из сразу же обмелевшей лужи, половина воды которой плескалась в моих балетных туфлях.

Мне страстно хотелось услышать, о чем будут разговаривать Шеховцева и Третьяков, но, прихватив свое новое японское, в бамбуке и желтых ирисах, полотенце, я побрела вон из балетного класса. Нельзя довольствоваться малым, но, в конце концов, по одному чуду в день — вполне справедливо! А я видела Шеховцеву доброй...

Сильвия, разгоряченная от охоты, утоляет жажду, любуясь своим отражением в ручье. Охотник пытается объяснить ей свои чувства. Гордая нимфа смеется над ним и гневно гонит пастуха прочь.

Придурак Пашка ждал меня в коридоре, сидя на подоконнике. Еще на двух подоконниках располагались влюбленные в него, графа Альберта и принца Зигфрида, маленькие лебеди: пам-пам-пам-пам-пам-пара-пам-па! Если попытаться стать объективной, то данные у Трофимова неплохие. У него правильные черты лица и самый высокий в нашем выпуске прыжок, но мне Пашка противен. Я не Одетта и не накрашена, и вообще не готова к выходу.

— Видела индюка надутого из Москвы? — спросил Пашка за моей спиной, пристраиваясь в колонну, потому что я и не подумала притормозить около него.

— Отвянь! «Пор де бра лежит в основе великой науки рук в классическом танце...» Распускать — лежит в основе техники рук Александра Трофимова.

— Ты такая миленькая, когда злишься!

— Господи, — простонала я, — ну, что тебе стоило сделать его «голубым»?!

О! Наконец! Пашка обиделся! Вдруг подфартит, и он не станет со мной больше говорить, хотя бы до завтра, до экзамена по дуэтному танцу? Вернее, мычать. С ораторским искуством у нас в училище дела обстоят совсем плохо, причем, если с тобой философствует дед, какие-то шансы у тебя еще остаются, а те, кто живет в интернате — обречены. У второй из гениальных Павловых, у Надежды, когда она получила Гран-при, самый простенький вопрос журналиста вызвал панику. «У вас — феноменальный шаг. Как образом вы этого достигли?» У меня тоже шаг — три прыжка и начались кулисы. На вопрос «Каким образом?...» отвечаю: «Сцена кончилась».

Жизель потрясена коварством возлюбленного. Разрушен чистый и ясный мир ее веры, надежд и мечтаний. Она лишается рассудка...

Когда я снова вышла в коридор, надев «гражданское» (не капроновую пачку с золотой короной, а обтягивающий свитерок и джинсы), подоконники пустовали: красавец принц Зигфрид свалил, и улетевшие по нему лебеди отправились следом. Мой путь был устремлен в другую сторону, потому что начали проявляться симптомы сотрясения мозга, которое одним

равнодушным взглядом нанес мне Эдуард Третьяков. ...Не думала, что влюблюсь так бездарно — лежа на спине! ...Я сошла с ума: я по-прежнему не прекрасная королева лебедей, Одетта, я — Офелия, хотя это совсем из другой оперы.

Дверь балетного класса отворилась, и гений в своих белых одеждах предстал перед бедной дурочкой:

— Ты ведь Садовская? Я не ошибаюсь? ...Ждешь?

«Все семнадцать лет», — ответила я ему мысленно, а вслух еле смогла пролопотать:

— Да. Может быть, вы посмотрите...

«О чем я его прошу? Он УЖЕ посмотрел! — промелькнула сумасшедшая мысль в моей сумасшедшей голове, но усилием воли я заставила себя продолжить:

— ...как я танцую.

— Зачем? — удивленно спросил Эдуард.

«Убива-а-ет, люди добрые!!! — подумала я. — Оказываешься, на меня и смотреть ни к чему. Хоть в певичцы подавайся! Что лучше: прима-балерина, на которую не смотрят, или меццо-сопрано, которую не слушают?»

— Хочу в Москву, — пришлось мне сказать ему прямо. — У нас, в областном театре, и сцена танцеванная, и зритель есть, но... Я хотела бы выступать у вас в «Коде».

— Слушай, я не спросил у Шеховцевой... Москва — город жесткий, «...слезам не верит» и всякие такие дела. А где, интересно, ты будешь жить? На вокзале? В Кремле за Царь-пушкой?

— На Берсеневской набережной, недалеко от Дома прессы. Мне дед купил однокомнатную квартиру и сейчас оформляет документы, — объяснила я. — И если вид на Москву-реку не будет шикарным, он обещал, что повернет ее русло. Там есть куда его повернуть?

— Дырку в метро сделаете. ...До чего же вам все просто! — осуждающе сказал Третьяков. По его загоревшему на гастролях в Испании челу пробежала легкая тень: наверное, вспомнил, как мешки в вагоны ночью таскал или мосек барыням выгуливал — тяжелые студенческие годы.

— Просто, — согласилась я. — Как в первую позицию стать. Так вы меня посмотрите?

— Нет, — он покачал головой и снова повторил оскорбительный для меня вопрос. — Зачем? ...Я уже ей слово дал. ...И, знаешь что, давай потом поговорим. Меня ждет машина из департамента культуры. Надо бы по «Пируэту» утрясти кое-какие вопросы с администрацией. ...Пока, солнышко!

...Трубач играет сбор, и гусары покидают место недолгой стоянки к большому удовольствию крестьянских парней, про которых совсем забыли легкомысленные сельские красотики.

Мне больно... Отказал!.. Не то, что меня никогда не унижали, наоборот, ведь Лариса Марковна кричит

каждый день, а, значит, унижения идут по расписанию уроков. И одаренность при этом не спасает: с тебя, с гениальной, только перхоть посыплется, если напутаешь в пищикато. Хотя наши девочки твердят в один голос: «Повезло тебе, Дианка. С тобой Шеховцева еще и дополнительно работает». Ну, да, ее, наверное, историей про Глазунова запугал дед Яков.

Дома я ничего про Эдуарда рассказывать не стала. Во-первых, не хотела расстраивать маму, у которой стенокардия; во-вторых, о театре и о балете, то есть о моей жизни, говорить принято с дедом, а он уехал; в-третьих, дед, мне больно.

Празднество в честь бога Сатурна — сатурналии. Эгина жаждет зрелищ, которые устраивает для нее Красс. На арене цирка начинаются гладиаторские игры.

Народу на экзамен набилось столько, что Шеховцева распорядилась, чтобы лишних из зала вывели. Тех, кто стоял на подоконниках, желая увидеть сразу и Третьякова, и меня с Трофимовым (он тоже «звезда» — лауреатистее не бывает), она не тронула, потому что уважает «фанатов».

— Садовская, почему грустная? ...В образе? Молодец! — проходя мимо, сказала Лариса Марковна.

Сегодня она в элегантном темном костюме, который разбавляется кокетливым пестрым платком; у нее светский вид и маникюр. А я, под мышкой у графа Альберта, уж и совсем невероятной красоты в своей длинной белоснежной «шопеновской» пачке, с венком из флёрдоранжа(и гримом простой крестьянской девушки Жизель. Я не отбрасываю тени, потому что совсем тоненькая; я сама тень, призрак — это всем заметно. И еще я люблю графа (на Пашку моя любовь не распространяется) и Шеховцеву. Ее я за вчерашний вечер — рывком — поняла: если б Лариса заставляла меня работать больше, если б не кричала, а била, меня бы зачислили в труппу «Коды». Приготовься к перегрузкам, если хочешь полететь в космос.

Теперь мне нужно начать с нуля — встать в I позицию.

Как мы танцевали, не помню. Кажется, наступила осень, и теплая ночь запуталась в ветвях с желтеющими листьями. На скромном деревенском кладбище, где меня похоронил мой возлюбленный, Эдуард Третьяков, вились в бесконечном хороводе только что закружили голову лесничему Гансу, и он бездыханный упал на мою могилу...

Страшная участь Ганса грозит и Альберту, но появившаяся тень Жизели, ее чистая и самоотверженная любовь защищает и спасает Альберта.

Спасает меня Пашка. У него зрачки сужены, как у наркомана, когда я, призрак, сотканный из лунного света, любви, прощенья и печали, танцую рядом... Надеюсь, что нам аплодировали не из вежливости.

И любовь совершает чудо: исчезают мрачные чары, гибнет Ротбарт. Солнце встает над озером лебедей.

Экзаменационная комиссия быстро расставила пятерки, и тогда с заключительной речью выступил ее председатель Эдуард Третьяков. Покончив с цветастыми комплиментами во все адреса, он сказал:

— Лариса Марковна, я пообещал, что возьму вашу лучшую воспитанницу, лауреата Международного конкурса в Нагойе Диану Садовскую примой в состав театра авангардного балета «Кода». Когда это произошло, я еще не видел, как она танцует, а просто положился на ваш профессионализм и чутье. А сейчас разрешите поблагодарить вас!

Эдуард встал перед Шеховцевой на колени и поцеловал ей руку. Я подбежала порывом ветерка и сделала то же самое. Восемь лет она так стояла передо мной, и теперь пришел мой черед.

Общему ликованию нет конца. И лишь звон брегета напоминает участникам спектакля, что близится ночь, а с нею вместе наступает час прощания с любезной публикой.

Здесь и далее — выдержки из либретто балетов А. Адана «Жизель»; П.И. Чайковского «Спящая красавица», «Щелкунчик», «Лебединое озеро»; М.И. Чулаки «Слуга двух господ»; Л. Делиба «Сильвия» и т.п.

* Вилисы — невесты, умершие до свадьбы.

* Сайонара (япон.) — до свидания.

* Баррель (англ., букв. — «бочка») — мера объема в нефтедобывающей промышленности.

* Пируэт — полный оборот на месте на полупальцах или пальцах одной ноги.

* Кода — быстрая заключительная часть танца виртуозного характера.

* Экстерьер — внешний вид животного: собаки, лошади.

* Пуанты — твердые носки балетных туфель.

* Меццо-сопрано — певица с голосом, средним по высоте между сопрано и контральто.

* Пиццикато — сольная женская вариация, исполняемая в остром, филигранном ритме.

* Флёрдоранж — цветы померанцевого дерева, а также искусственные цветы на свадебном уборе невесты.

* Брегет — карманные часы, изготовлявшиеся часовым мастером Бреге (Франция, XVIII в.).

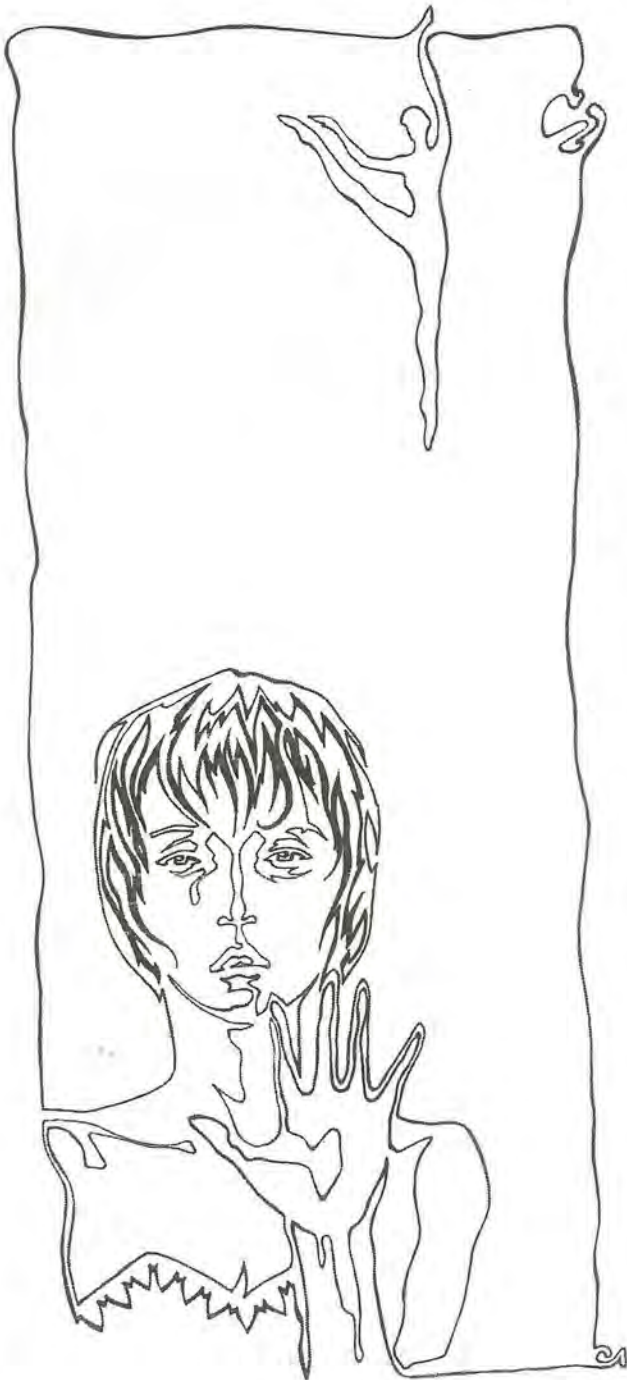

Рисунок Сергея Ивкина

Ксения ШАЛОБАЕВА, г. Екатеринбург

Ксения Александровна Шалобаева родилась в 1984 году в Каменске-Уральском. В 2001 году закончила среднюю школу №128 в Екатеринбурге. Стихи публиковались в газетах и журнале «Урал».

Живёт в Екатеринбурге.

* * *

Грозы, ливни, тротуары
В лужах, облаках, налипших
Листьях, солнце мемуары
Пишет о давно остывших
Звездах. Ветер, зелень-море
Дышит на руках Вселенной,
Крыши ловят гром и смотрят,
Как он бьется птицей пленной
О решетку ливня. «Грозы,-
Пишет солнце,— дождь, чернила
В лужах, всплеск стихов и прозы
Будет так, так есть, так было.»

Август...

На губах
Вкус
Забродившего солнца.
На руках
Груз
Полированной бронзы.
Впопыхах
В куст
Тихо падают листья.
Тихо-тихо, как
Хруст
Пальцев пианиста,
Увязвающих в клавишах.

* * *

Цветение деревьев отмечает
Сиреневым и белым по верхам.
Оттаявшие небеса скучают
И нехотя, но тянутся к стихам.

А позже, забыв про все на свете,
Разинув в изумлении солнца пасть,
Облокотившись на весенне-летний ветер,
Облокотившись, чтобы не упасть,

Читают. Тени облаков бегут по строчкам,
Спешат по строчкам, проплывают между строк,
Вжимаясь в пропечатанные точки
И превращаясь в камешки дорог.

* * *

Спалили листья в сентябре -
Встали деревья — бивни.
И снова ходят по земле
Длинноволосые ливни.
И снова к небу облака
Липнут намокшей ватой,
А боли в области виска
Бессонницей чреваты.

* * *

Сад,
где ветер танцует на ветках,
Сад,
где солнце лежит под деревом,
Небо
в звездах, как в этикетках,
Стволы прорисованы стержнем гелевым.

Млечный
путь от калитки до Бога,
Дом,
где крышу дождь ремонтирует,
Дом,
где слышно уже от порога,
Как стрелки и маятник время цитируют.

Еже-
 часно, жестолетне
 Здесь
 жив Разум, здесь живо Сознание,
 Так
 почему, почему же, ответь мне,
 Ежесекундно мы жизнью отравлены?

* * *

Рвал дождевые струны ветер,
 Нестройно пели тополя.
 Раскладывал беззвездный веср
 Тревожный вечер октября.

По странной памяти жгла свечи,
 Закрyla окна поплотней,
 Чтоб не забрался страшный вечер
 В мой дом с верхушек тополей.

Но лунным светом, как отмычкой,
 Он вскрыл покой, задул свечу...
 И бесполезно чиркать спичкой
 И объяснять октябрь врачу.

* * *

Играй
 на арфе души моей,
 как не смог бы Орфей;
 выбирай
 тонкие, самые
 звонкие
 струны
 и думай,
 что это звон ветра
 на высоте одного километра,
 что это древняя Петра
 танцует и пьет за здоровье царя,
 что это слепые моря,
 наткнувшись на борт корабля,
 разнесли его в щепки,
 что это земля
 в состоянии лепки...
 А это играю я.

* * *

Как глухо в этой темноте, как немо.
 Вверни звезду в патрон ночного неба.
 Не сразу, но ты слышишь, слышишь, слышишь

Как свет скрипит по космосу на лыжах,
 Как проникает в твой зрачок без взлома?
 И вот из темного окна большого дома
 Ты видишь напряженный сгусток света...
 И слышит темнота, и ждет ответа.

* * *

Он греет руки над костром
 И смотрит, как над ним
 Течет расплавленным стеклом
 Лесная ночь и дым.

Он видит город, видит: там
 Расцвел на ветках снег,
 Свой дом; все отдано снегам,
 И отдан человек

Обязанности убивать,
 Обязанности жить,
 Чтоб письма получала мать
 Не от лица чужих,

И чтоб не сняли сапоги
 С заочневших ног
 Ни друг, ни люди, ни враги,
 Чтоб в них дойти он мог

До города, где на ветвях
 Цветущие снега,
 Где на заснеженных церквях
 Молчат колокола...

Он греет руки над костром
 И смотрит, как над ним
 Сплетаются тугим узлом
 Усталость, боль и дым.

Рисунок Юлии Фирсовой

Юрий НЕВЗОРОВ, г. Кыштым Челябинской обл.

СЧАСТЬЕ

Юрий Николаевич Невзоров родился 25.05.73 г. в г. Кыштыме Челябинской обл. Поэт и прозаик. Автор двух книг: «Дочь охотника», сборник стихов; «Девятый звонок», сборник прозы. Печатался в журналах «Уральская новь» и «Единая семья».

Он въехал в четверг.

Представляете, постучал костяшками пальцев по дверному косяку и стал ждать, пока я открою дверь. Я слышал его стук, но мне показалось, что это дети балуются— Однако закравшиеся сомнения — все-таки я ждал гостя заставили меня подойти к двери и посмотреть в глазок. На лестничной площадке не было никого. Я уже хотел вернуться к телевизору, когда он вновь постучал— «Ну и стук — не сильнее, чем стучит ребенок», — подумал я, но высказываться вслух не решился.

— Эй! — он даже не пытался быть вежливым. — Эгей, я говорю. Это вы — неудачник?

Я присел на корточки и принялся рассматривать маленького сморщенного человечка с жутким взглядом и желтыми зубами; а он, тяжело вздохнув, сплюнул себе под ноги и, сотворив в воздухе небрежный жест правой рукой (левая в тот момент сжимала ручку крохотного чемодана), потребовал освободить проход.

— Проходите, пожалуйста, — спохватился я, отскакивая в сторону.

— Конечно, пройду. Не думаете ли вы, что я останусь на площадке?

Он неприлично расхохотался, осматривая мое жилище, потом поставил чемодан — эдакую коричневого цвета коробочку с фотографиями обнаженных женщин по бокам — возле единственного в комнате еще живого кресла и напрямик направился к шкафу. Мне оставалось осторожно следить за тем, как старичок в поношенном пиджаке и стоптанных туфлях открывает дверцу и, забравшись внутрь шкафа, принимается буквально вытаптывать мои вещи. Минут пять он топтался по брюкам, сорочкам, нижнему белью, после чего заговорил:

— Если вы... К черту это поганое «вы»! Если ты не против, я устроюсь здесь, — его голос из шкафа звучал глухо и сердито. — Только неплохо бы тебе прибрать тут кое-что: устроить маленькие постирушки, бельишко рассовать по углам. Для начала простирни-ка вот эту маечку, брюки в полосочку...

— Хорошо, я все постираю, — машинально согласился я, принимая из его рук ворох вещей, среди которых, кстати, как он потом выражался, совершенно случайно оказались его носки и носовые платки.

— И еще одно! — он высунул лицо наружу. — Я очень не люблю, когда мне мешают.

Хмыкнув в ответ, я повернулся, чтобы пойти в ванную, но он еще не закончил.

— Поэтому, — проворчал он, — я бы не советовал тебе, например, собираясь на работу или на рыбалку, создавать много шума, а если вдруг решишься привести девочек — сидите как мыши — действительно советую.

И мы зажили вдвоем.

Первую неделю он осваивался: шлепал грязными ногами по полу, потом — по новой скатерти и моей постели; в мое отсутствие копался в холодильнике — как крыса, грыз фрукты и овощи, рылся в моих личных вещах, колол рюмки, без малейшего стеснения бил тарелки, а также втихомолку попивал мое вино.

В начале второй недели он освоился полностью и даже прикрикнул на меня. Дело было так — Я как раз смотрел по «ящику» новости, он же мычал, сидя в шкафу. Внезапно мычание прекратилось — в тот момент я почувствовал неладное, — и он, растягивая слова, произнес;

— Нельзя ли звук там?.. Нельзя ли его убить?!

— «Последние известия», — выдохнул я, внутренне панικού от его «убить».

— Я вижу, ты хочешь, чтобы они стали для тебя действительно последними. — он с минуту помолчал, потом тоном школьного учителя сказал: — Я здесь сижу, и пытаюсь, медитируя, концентрировать счастье в твоём околуаурном пространстве; для этого мне не нужно слишком многого: только тишина. Ты же, как нарочно, создаешь звуковые волны, которые...

И тут я впервые, хотя давно следовало бы, попытался огрызнуться:

— А нельзя ли медитировать, когда меня нет дома?

— Что? — взревело существо, выскакивая из шкафа в одном нижнем белье. — Если я так ВАС стесняю, то я могу уйти, оставив неудачнику его неудачи. Грубиян! Бесчувственный человечиска! Ты не способен постичь мою душевную организацию! Тебе не дано видеть мир моими глазами, слышать его моими ушами, вдыхать моими ноздрями. Ты не можешь приносить ничего, кроме несчастий.

После его гневного монолога я осознал дилемму, вставшую передо мной. Она представлялась в виде огромных весов, на одной чаше которых покоилась моя серая, промозглая, скучная жизнь — жизнь законченного неудачника, на другой же сидело неприятное существо с влоساتыми ушами, непропорциональным туловищем и скрипучим голосом. Весь фокус состоял в том, что этот мерзкий старикашка работал домовым и в данный конкретный момент приносил счастье в мою квартиру.

...Я услышал о фирме «Счастье» примерно полгода назад, у них тогда еще слоган был запоминающийся: «Оку-

нись в счастье!». А у меня, честно признаться, со счастьем была напряженка: мне вопреки всем стараниям был заказан вход в управление одной торговой организации; не прошло и трех месяцев, как от меня ушла жена, заявив, что с таким неудачником не то, чтобы жить — в одной камере сидеть противно; кроме того, я задолжал за квартиру, ударился в пьянку и, в конце концов, нашлись шустрые ребята, которые выплатили мой долг, подкинули деньги на выпивку и в течение двух суток переселили меня в эту халупу.

Так что вы понимаете, почему меня заинтересовал перечень услуг, предоставляемых фирмой «Счастье». Они не афишировали себя, но и не уходили в подполье: об их деятельности знали лишь те, кто был им нужен и кто не был для них опасен. Я долго копил деньги, не гнушаясь случайных заработков, и одновременно взвешивал все «за» и «против».

После двух писем, четырех телефонных звонков, трех анкет — каждая на сто с лишним вопросов — меня допустили в главный офис фирмы. Охранник, крупный детина с веснушками на свернутом набок носу, обыскал меня и изыал шариковую ручку.

— У нас нововведения, — оправдывал он свои действия, — теперь забираем даже самопишущие предметы. На прошлой неделе один тип пронес на территорию фирмы ручку с ядом и отравил двух домашних. Но не волнуйтесь, ручку я отдам вам на выходе.

Надо ли говорить, что к тому времени, когда я покинул здание фирмы, охранник уже сменился и со спокойным сердцем унес мою ручку домой.

В главном офисе меня встретил сияющий мужчина в ослепительно белой сорочке. Он предложил мне кофе, после чего показал каталог домашних.

— Любые, — говорил сияющий мужчина, задиристо подмигивая левым глазом. — Одни способны за полгода сколотить вам состояние, другие дают вам шанс удачно жениться или (как вам будет угодно) выйти замуж, а можете купить такого, который организует вашу предвыборную кампанию.

— Но я не собираюсь никуда баллотироваться.

— Поначалу никто не собирается, но когда люди пресыщаются простеньким счастьем, им требуется что-то большее. Шансы вашей победы на выборах в городское управление примерно девяносто семь с половиной процента — а это не так уж и мало, не правда ли? В областное руководство — на шесть процентов меньше; сами понимаете, есть вещи, которые невозможно спрогнозировать.

В каталоге домашние классифицировались примерно по четырём десяткам различных направлений. Были тут и домашние «известные писатели» — те, которые доведут вас, как минимум, до Букера или Нобеля; домашние «физики-теоретики», домашние «артисты» и домашние «президенты».

— Например, мечта всей вашей жизни — стать космонавтом, вы бредите ближним и дальним космосом, квазарами и черными дырами. Что вам требуется, так это приобрести у нас космического домашнего — Он сделает всю грязную работу: просчитает варианты, просмотрит возможности, протащит вашу анкету сквозь бюрократические пре-

поны, поможет вам сдать все экзамены, кой-где подстрахует, и через месяц-два (работаем с гарантией) вы можете собирать вещи и смело переселяться в район Байконура.

Еще некоторое время я раздумывал, прикидывая так и сяк: конечно, можно решиться, однако, страх перед неизвестным пересиливал желание попробовать изменить свою жизнь.

— Можете взять многофункционального домашнего, — увещевали меня люди из фирмы по телефону. — Такие приносят счастье по нескольким, можно сказать, направлениям. С ними вы никогда не сломаете ногу, не опоздаете на важное совещание, не проиграете в карты — Поймите, наше «счастье» есть в квартирах не только политиков, директоров крупных предприятий, известных артистов, но и у простых фрезеровщиков и учителей. Именно наши домашние помогают людям делать карьеру, обзаводиться семьями, зарабатывать деньги.

Однако я все еще сомневался. «Воздомпреддсоздан-домочага, — присылали мне шифровки из фирмы, — выдепозжар». Несколько дней кряду я бился над разгадкой данного послания. У меня получилось около трехсот различных вариантов его прочтения, один из которых начинался примерно так: «Возможность домашнего представительства народности созвездия ДАНДОМ-ОЧ...» Но, как оказалось, самая простая дешифровка была истинной: «Возьмите домашнего, предназначенного для создания домашнего очага. Выдается с пожизненной гарантией».

Где-то в начале третьей недели нашего совместного проживания состоялся разговор с домашним, во время которого я указал тому, что он живет в моем шкафу, лупит мои пироги и каши, после чего вытирает грязные руки о мои скатерти. Но не это главное: за прошедшие с момента его появления в квартире две недели со мной не произошло ничего, что бы говорило о появлении хоть какого-нибудь счастья.

— Брось, неудачник, — домашний махнул волосатой ручкой. — В одной анкете ты писал про высокооплачиваемую работу — о воссоединении семьи, еще какую-то фигню, а я тебе так скажу: на хрена тебе все это?

— Положение. Деньги.

— А на хрена тебе положение и деньги?

— Чтобы чувствовать независимость.

— Вот видишь, сам не знаешь, зачем. Разве тебе плохо живется? — В этой халупе на нищенскую зарплату? Да еще с вами вприкуску?

— Слушай меня, неудачник, плюнь на все и не брыкайся.

— Так вы отказываетесь делать меня счастливым? Но я купил вас! Но я...

— Ты меня утомил, неудачник.

И домашний скрылся в шкафу. Было ясно одно: он плохо устроился на моей жилплощади, рядом с моими продуктами и моим терпением.

— Никто не заставлял тебя покупать вместе со счастьем домашнего, — кричал мерзкий старик перед сном. — Если уж прижало, надо было покупать одно счастье.

— Но никто не продает счастье без вас.

— Это уже не мои проблемы, неудачник.

Теперь каждое утро мерзкий старик будил меня истошными воплями.

— Просыпайся, неудачник! — кричал он. — Неудачи ждут тебя.

А ночами он храпел, как трактор, отчего я просыпался в холодном поту. Мне начали сниться беспощадные собратья старика, безобразные домовые, высказывающие почему-то из кратера вулкана.

— Счастья захотел? — кричали одни из них.

— Хватай его, ребята! — орали другие.

Меня хватали и, не помедлив ни минуты, бросали в кипящее жерло вулкана. Там все бурлило, шипело и ухало, и от этого невыносимого грохота я просыпался, понимая, что вновь разбужен храпом домового.

Прошла еще неделя, и домовый заляпал своими грязными руками мое постельное белье. А однажды я увидел жирные отпечатки его пальцев на потолке. До меня дошло, что старик прыгает на мою кровать, стараясь заляпать потолок руками — это оказалось его любимым занятием.

Это, естественно, не все гадости, которые делал домовый, но перечисленных — лишь бесполезная трата времени и бумаги, поэтому разрешите перейти к следующей части повествования.

Надо ли вам говорить, что я как можно реже стал бывать дома.

— Где ты бродишь целыми днями? — ворчал домовый по вечерам. — Мне сложно концентрировать счастье вокруг твоей персоны, когда этой самой персоны нет.

Я отмалчивался, предвкушая его реакцию, когда все всплывет. Я облезил весь город в поисках достойной работы — непостоянные заработки и были одной из причин, приведших меня в фирму «Счастье». Вскоре мне повезло, и повезло, можно сказать, по-крупному: я устроился в ту самую торговую организацию, куда в недалеком прошлом мне был заказан вход.

Я полагаю, их сломала моя настойчивость, даже не настойчивость, а самое настоящее упрямство — беря пример с домового, я надоедал им каждый или почти каждый день, и этот напор сломал стену.

Поначалу было тяжело, но я принимал, что потеряя я место — придется ежедневно слышать упреки со стороны старика; и поэтому я вгрызался в работу зубами, цеплялся ногтями за профессиональные термины — вообще из кожи лез, чтобы не оказаться на улице. Вскоре я втянулся и даже, помимо денежного удовлетворения, начал

получать от работы удовольствие.

Кроме того, измучившись с моим новым жильцом, я понял, что жизнь с супругой была в какой-то мере раем. И переборов собственную гордыню, я пошел на примирение со своей половиной. Так что через некоторое время мы вновь сошлись.

Жили у нее, что прямо-таки раздражало домового.

— Куда это запропастился наш неудачник? — старался он язвить при каждой нашей встрече — пока ничего не зная ни о моей работе, ни о воссоединении с женой. — Почему перестал бывать дома?

— Не волнуйтесь, — мне оставалось только успокаивать старика, — вам вредно волноваться.

— Не тебе, мальчишка, меня учить. Я еще вас всех переживу.

Прошло несколько месяцев. Мы с женой взяли довольно крупный кредит и обменяли мою халупу на двухкомнатную квартиру в центре города. С огромным наслаждением я вышвырнул домового на улицу.

Домовой кричал, обзывая меня неблагодарным. Он утверждал, что, мол, и работа, и жена, и новая квартира — дело его рук.

— Иди, иди, иждивенец! — гнал я его. Блаженство разливалось по всему телу, от кончиков волос до пяток.

— Неблагодарный! Все ваши, — он вновь перешел на «вы», — успехи — моя заслуга. Это я устроил вас на работу, это я помирил вас с женой, это я помог вам купить квартиру. И пусть мои методы работы кому-то кажутся нетрадиционными и грязными, пусть, но поймите, прошли те времена, когда любой дурак мог поймать щуку и, лежа

на печи, ждать, когда же она исполнит все его желания. Я работаю в современном стиле, приближенном к реальной действительности, я не просто делаю свою работу, но и показываю вам, как вы сами можете ее сделать. И, как вы имели счастье убедиться, мой метод работы не менее действенен, чем всякие там «крeble-крабле-бумс» и «трах-тибидох».

Он покидал наше жилище, обиженный и раздосадованный, а в моей душе теснились сомнения. Жена вышла в коридор.

— Догони его, — сказала она. — Чем черт не шутит.

И я, прыгая через три-четыре ступеньки, не слыша ничего, кроме собственного тяжелого дыхания, понесся догонять того, кто заставил меня взглянуть на свою жизнь под другим углом...

Рисунок Юлии Фирсовой

ВСТРЕЧНЫЙ ВЕТЕР

Редактор
отдела
«Встречный
ветер»
Александр
Челноков

Николай КУЛЕШОВ
«Майская прогулка»: время познать себя
Татьяна СУВорова
Когда клоун серьезен...
Маша РАСКОЛЬНИКОВА
«Майский экстрим»
Леонид БУКРИН
Избы в лесу у туристов Уралмаша
и другие материалы

Николай КУЛЕШОВ

«Майская прогулка»: время познать себя

Если вы до сих пор ничего не слышали о «Майской прогулке», то считайте, что в вашем многотомнике знаний об окружающем мире не хватает, по меньшей мере, целой страницы. Конечно же, мир не перевернулся, если вы еще ни разу не совершили эту прогулку. Но знайте, что вы не соприкоснулись с целой планетой и массой ее обитателей — интересных, увлеченных и легких на подъем.

Двадцать лет тому назад «родителем» «Майской прогулки» стал преподаватель физико-химического факультета УГТУ (УПИ) Виктор Гроховский. В свое время он по случаю оказался на Британских островах и открыл для себя то, чего на родной уральской земле не было. Его угораздило со студентами Манчестерского университета совершить легкую летнюю прогулку до ближайшего Ливерпуля, до которого совсем ничего, рукой подать — 60 миль и почти сутки на преодоление этой дистанции.

Большую ее часть наш отчаянный земляк преодолел. Предприятие это ему очень запомнилось. Мало того, появилось желание повторить его. Только теперь уже со студентами родного политехнического. Дебютировала в Екатеринбурге прогулка в 1984 году и обрела горячих сторонников в лице, естественно,

На старте.

студентов, а потом уже и преподавателей. А вскоре и всех желающих. И вот уже двадцатый год подряд торжествует и здравствует прогулка, получившая название «Майская», так как проводится традиционно в одни и те же сроки: третье воскресенье мая. Ее девиз — «Испытай себя!» Нужно для этого немного: встать пораньше (как правило, в холодное дождливое или снежное воскресенье), приехать на место старта, получить маршрутную карту, описание к ней и топтать на здоровье свое на зависть окружающим. Обгоняя

Уральский путешественник
Николай Рундквист.

тихоходов и завидуя скороходам.

Что может быть лучше ходьбы? Ты познаешь окрестности родного города на дистанции на любой вкус: от 14 километров до 75 километровой (для пешеходов) и 100 километровой (для велосипедистов). Но организаторы прогулки боготворят пешеходов, а не бегущих и не едущих, — хотя, конечно, на трассах есть место всем. Да, на пешей тропе и увидишь куда как больше, наслушаешься птичьих концертов с любой программой — от щебетанья до карканья. А нынче на эльмашевской окраине за таможенным терминалом на свой громогласный концерт зывали лягушки. Слушателей они собирали немало, а мои случайные попутчицы — студентки металлургического факультета УГТУ Мария, Алена и Лена — даже записали его на сотовый телефон и долгой дорогой развлекались, слушая лягушачье пение.

А начался наш 17-километровый поход Калиновка-Шарташ как и у тех, кто отправился на 20, 25, 42 и 50 километровые маршруты. Мы стартовали на улице Пролетарской, от клуба туристов Екатеринбурга, который был главным организатором «Майской прогулки» вместе с УГТУ (УПИ), Министерством по физической культуре, спорту и туризму Свердловской области, Управлением по развитию физической культуры, спорта и туризма Екатеринбурга и спорткомитетами Кировского и Верхисетского районов г. Екатеринбурга. Сначала — наставления и инструктаж председателя спортклуба Татьяны Киселевой, а потом

марш-бросок до ближайшей станции метро. Едем на метро до проспекта Космонавтов — и начинается наше путешествие по Калиновским просторам до ближайшего КП на окраине чудом уцелевшего поселка Калиновка. Родниковая вода и традиционные пряники нас спасали. Отметки в карте — и снова в путь, по улицам с впервые услышанными названиями: Норильской, Искровцев, Отдыха к реликтовому чуду — озеру Шарташ, где самые отчаянные с маху заодно открыли и плавательный сезон. Мимо восстановленного храма в поселке шагаем к современной достопримечательности — гостинице «Эрмитаж», а также к заключительному КП. Мимо монастыря на озерном берегу (я даже не подозревал о его существовании), на городские улицы — и к физтеху УПИ, где ждали нас, всех финиширующих, горячий чай с пряниками и значок на память за победу над собой. Позади остались ручьи и реки, леса и болота, садовые участки и заводы, грунтовые и железные дороги.

На контрольном пункте.

Сколько открытий я сделал за четыре часа ходьбы по самому легкому маршруту! В поселке Шарташ, самом старом поселении на территории нынешнего Екатеринбурга, встретилась нам телефонная будка — прямо-таки пережиток социализма с бесплатно работающим телефоном-автоматом. С отличной слышимостью. Ну разве откажешь себе в удовольствии с трассы «Майской прогулки» из старинной глухомани позвонить домочадцам и спросить, какой они по счету сон досматривают, пока ты ходишь окрестностями Екатеринбурга? А потом я встретил знакомого

по прогулкам, екатеринбуржца Евгения Березюка, который шел по трассе всей семьей: семилетний сынишка с мамой уже не в первый раз шел пешком 17 км, а годовалая дочка впервые вышла на маршрут в детской коляске. На прогулке оказался и 4-месячный Антон Лапшев, сладко спавший на руках мамы. Он был самым юным. А ветераном-рекордсменом оказался 91-летний екатеринбуржец Алексей Яковлевич Кострикин — участник всех двадцати «Майских прогулок».

На прогулке хорошо всем!

Книга отзывов и пожеланий — неперенный атрибут этой прогулки. Я взглянул в нее на финише. Вот несколько фрагментов.

«Сегодня я узнала, что такое «Майская прогулка». Я не думала, что это может быть так интересно: ходить пешком, мучить себя километрами».

«Все было просто замечательно. Мы специально приезжаем из Камышлова. Спасибо огромное. «Гре-нада»».

«Хотя я очень устал, но чай и пряники согрели, и друзья поддержали. Я не забуду то болото, было весело и там. М. Чернышов».

«Мы участвовали впервые, но теперь хотим сделать из этого традицию».

«Участвую впервые, так как в Екатеринбурге первый год. Но теперь буду обязательно ходить каждый год».

«У физтеха мы решили, что 17 км нам явно мало. Хочу домой, а потом по второму кругу. Спасибо за возможность поверить в себя и понять, гоюсь ли я вообще на что-нибудь. Каждый метр дороги, если честно, давался все труднее, но это было круто. А. Мурзин (физтех)».

«Екатеринбург шел на «Майскую прогулку», как

на демонстрацию, мы шли 42 км, очень измучились, стерли ноги до колен. Спасибо от клуба туристов УГТУ-УПИ «Романтика»».

«Спасибо за погоду, за праздник тела и духа. Мы собой гордимся. Получили возможность повидать знакомых, понять, что ты не один. Для нашей семьи «МП» плановое мероприятие с 1986 года. Остается в памяти прекрасное воспоминание».

«Когда гуляешь первый раз, невольно задаешься вопросом: «Чего ради собственно поперся через весь город в выходной ранним утром, когда нормальные люди спят? Спорта особого здесь нет. Отдых можно было устроить в более удобное время и в удобном месте»».

«Устал очень, но доволен больше. В. Коптелов, член клуба бега «Урал-100»»

Шли целыми этажами общежития, учебными группами, семьями и в одиночку. В первый и второй раз. Санитарки 27-й больницы, студенты, сварщик И. Шалниев, штурман самолета АН-26 Б. Пустовалов, пилот Н. Назаренко, инженер НИИ Пудовалова с двумя детьми-школьниками, ветеран труда, пенсионер

Отдых после прогулки.

В. Лебедев (в 18-й раз). И в итоге таких ходоков-энтузиастов оказалось более 1 800.

Это новый рекорд «Майской прогулки». Это в дополнение к тем 15 тысячам непосед, что прошли за 19 предыдущих прогулок. Конечно, кого-то запугали клещи, кого-то и покусали, но страховой дом ВСК застраховал всех участников акции от клещевого энцефалита.

Так что жива «Майская прогулка», свидание с которой состоится теперь через год. В третье воскресенье мая-2004. Не пропустите!

Татьяна СУВОРОВА

Когда клоун серьезен...

Многие люди думают, что клоун — профессия для людей легкомысленных. А как же на самом деле? Вспомним свое детство и ту радость, которую нам доставляли проделки смешных людей в ярких костюмах. А потом попытаемся в своем воображении совместить одного из них — и должность директора Екатеринбургского цирка, обязывающую к самой серьезной менеджерской работе. Каким же образом в одном человеке могут слиться эти две, вроде бы несовместимые, ипостаси? Об этом мы и говорим с самим человеком — Народным артистом России Анатолием Павловичем Марчевским.

Слон и клоун - хорошая компания!

Корр.: Как Вы умудряетесь совмещать эти две крайности — юмор и администрирование?

А.П.: То, что клоун несерьезная профессия — это предвзвешенно. На арене я прежде всего работаю с людьми, с детьми. А для этого надо очень хорошо понимать их, иначе ты им будешь не интересен. Ты будешь сам по себе, зрительный зал — сам по себе, и смеяться будут разве что рефлекторно. Руководитель тоже должен отлично понимать людей, которыми управляет, любить их, находить с ними контакт. Иначе опять каждый будет сам по себе.

Корр.: Разве клоун может чему-то научить?

А.П.: Конечно, да. И прежде всего — детей. Ведь цирк, в том числе и клоунада — это часть культуры. Клоун — добрый, сильный человек, преодолевает на арене препятствия и побеждает, не злобой и кулаком, а умом и настойчивостью. Для клоуна нет безвыходных положений — он всегда находит способ добиться желаемого и не боится при этом оказаться смешным, он охотно идет на помощь. Дети смотрят, смеются — и одновременно учатся. Можно сказать, что это — разовые, недолгие впечатления. Но на деле часто именно разовые события резко влияют на жизнь человека — потому что они оказались эмоционально значимы для него.

Другое дело, что есть и плохие клоуны. Нацепить большой нос и надеть яркий костюм — этого мало. Зал отторгает злых и грубых клоунов. Ведь они ничего не отдают ни детям, ни взрослым: ни тепла, ни уверенности в своих силах. Может быть, часть зрителей и погогощет над ними — но через час-другой полностью о них забудет. А Чаплин, Никулин, Енгибаров, Карандаш помнятся годами, память о них может годами вызывать добрую улыбку...

Корр.: Вы очень много говорите о зале. А чем театральный зал отличается от циркового?

А.П.: Драматический или оперный артист работает во взаимодействии с другими актерами и зритель для них не

является партнером. У цирковой клоунады своя специфика: мы работаем в контакте с залом и зритель является основным партнером — он участвует в представлении. Дети дают клоуну подсказки, выбегают по его просьбе на арену... Зрительный зал каждый раз новый, и клоуну каждый раз приходится работать с новыми партнерами.

Корр.: А что Вы получаете от зала взамен?

А.П.: Немного не тот вопрос... С залом другие отношения, не меновые. Для меня в моей работе важно то, что я показываю детям хороший, добрый мир — без насилия и грязи. Очень трудно описать те ощущения, которые бывают у тебя, когда ты несешь людям добро, сместишь их, и

они посылают тебе в ответ добро... Оно становится вашим общим, большим... Если ты хоть раз испытал это чувство, то от него невозможно отказаться, тебя снова и снова тянет туда, на арену, хочется создавать это снова и снова...

Корр.: Расскажите, пожалуйста, о любом случае такого взаимодействия с залом.

А.П.: Это было в 80-х годах, в Аргентине. Сразу уточню: в то время был Советский Союз, вовсю шла «холодная война», — а в результате многие из зарубежной публики смотрели на наших артистов косо, с нехорошим таким любопытством. С такими настроениями шли на наши представления — и эту стенку предвзятости надо было прошибать. Среди других реприз я исполнял вот какую. Мой персонаж хочет пить. И ему никак не дают это сделать, всячески показывают, что воду нужно заслужить. После массы трудных трюков мне наконец-то ее дают — и тут начинают подходить люди, которые тоже хотят пить. Я даю пить всем, даю просто так. И вот в стакане остается единственный глоток. Тут из зрительного зала выходит девочка, протягивает мне цветок, и вместо того, чтобы выпить последнюю воду, клоун отдает ее цветку. Цветок — это символ любви, красоты и жизни. Я беру его и ставлю в эту воду. Да, конечно, у репризы мог бы быть другой конец — например, вода выпивалась бы, цветок съедлся — и были бы зрители, которые смеялись над этим; но это был бы уже совсем другой клоун, и смеялись бы совсем другие зрители. Мне шли письма детей — рисунки, на которых два клоуна: один, выпивающий воду, зачеркнут, а другой, ставящий в воду цветок — не зачеркнут. И на последнем представлении мне из зрительного зала вынесли на манеж большущее, метра на полтора, сердце, сделанное из живых гвоздик. Пошли и дети из зрителей. Одного я взял на руки, поцеловал. И тут на сцену как хлынуло! Наверное, более ста ребят. Всем надо, чтобы я или погладил их по голове, или поцеловал... Наш импресарио и после представления не мог оправиться от удивления: в Аргентине не принято дарить цветы артистам, не принято вот так выбегать на манеж. Думаю, что в зале была повторная публика — те, кто уже раньше был на наших представлениях, те, кто хотел вот так выразить благодарность... Как раз в то время там гастролировал и Майкл Джексон. Одна из аргентинских газет вышла с разворотом: с одной стороны на всю полосу — портрет Джексона, на противоположной — такой же мой портрет. И две подписи: «У него есть деньги, он служит президенту, и он несчастлив» — под знаменитым певцом; и «У него нет денег, он служит людям, и он счастлив» — под моей фотографией...

Корр.: То есть, вас противопоставили друг другу.

А.П.: Точнее, противопоставили друг другу две культуры, представителями которых мы являемся... Это не вопрос социального строя государства, а проблема двух видов культуры — создающей и разрушающей. Не знаю, можно ли называть второй вид культурой, ну да ладно. Разрушающая культура — это потребление. Потребитель только берет, и ничего не создает ни для себя, ни для дру-

гих. Он использует уже созданное, эксплуатирует его. Ему все всё обязаны. Я же — за ту культуру, которая воспитывает в людях потребность создавать, творить. Когда человек, например, выходит из зрительного зала не ошалевший и бездумный, а когда он выносит с собой то, что сможет использовать дальше, в своей жизни — выносит, например, заряд веры в себя и в других людей. Истинная культура — это не пессимизм, не плач, не безнадежность. Это — доброта, умение добиваться своих целей... И очень жалко, что сейчас она отходит в тень, а на первый план выходит именно разрушение. Это надо как-то остановить, и я уверен, что это можно остановить.

Корр.: Эта убежденность как-то связана с вашей административной, политической работой?

А.П.: Безусловно, да. Я пошел и в руководство, и в политику для того чтобы защищать культуру, а не пассивно сидеть и сожалеть об ее проблемах.

Корр.: Можно сказать, что вы вышли защищать своих клоунских, смешных и добрых персонажей при помощи средств из обычного, повседневного мира...

А. П.: Можно. Но не только своих...

Работа клоуна: тяжелый момент...

Автор фотографий - В. А. Дробинин.

Маша РАСКОЛЬНИКОВА

«Майский Экстрим». Как это было.

На старт!

Меня просто одолели вопросами: «Ну и как там на Плотинке-то у «Следопыта» все прошло?» На самом деле порядком надоело рассказывать каждому по отдельности, потому что повествование затягивается — слишком много впечатлений от случившегося. Решено было представить полный отчет для всех тех, кто по каким-либо причинам не попал на грандиозный праздник, а также для тех, кто присутствовал и хочет еще раз вспомнить обо всем чистом, добром и светлом, произошедшем 25 мая.

Итак, состоялось. Получилось очаровательно, весело, в какой-то мере стильно. Как и предполагали. 25 мая «Уральский Следопыт» устраивал масштабный водный праздник «Майский Экстрим» и принимал гостей на Плотинке города Екатеринбурга. Мы все разные: практичные, нежные, задумчивые, успешно делающие карьеру, высокие, непохожие на других, улыбочивые, неохотно идущие на контакт, уставшие... Мы все создаем пространство вокруг себя по собственному образу и подобию: престижное, романтическое, в стиле Людовика XIV, техногенное, вычурное, эклектичное. А на Плотинке мы создали экстремальное пространство, заполненное адреналином до такой степени, что совсем невысокая и симпатичная площадчка, над входом

в Музей Изобразительных искусств, на которую приземлились музыканты вместе со мной — ведущей праздника, превратила меня в перепуганного зайца...

С атмосферой экстрима мы явно переборщили, мой уровень адреналина просто срывал «крышу». Все остальные участники шоу чувствовали то же самое, только им как-то привычнее, наверно. Водники-туристы проводят мероприятие уже в седьмой раз, правда, впервые официально, под патронажем «Уральского Следопыта», который заручился поддержкой Управления по физкультуре и спорту и туризму города Екатеринбурга и Министерства по физкультуре, спорту и туризму Свердловской области.

Говорят, получилось интереснее, чем обычно, потому как масштабнее. Подготовку трассы для гонок

провели ребята из турклуба Уральского Государственного Университета. Вода для соревнований копилиась около полутора суток, и плотину, чтобы было веселее и интереснее, открыли только в 15.30, то есть за полчаса до старта. На короткой гонке, финишировавшей за Малышевским сливом, высота которого 1 метр, никто не перевернулся, как это происходило в предыдущие года. Хотя на всякий случай страховку обеспечивали сотрудники ГО и ЧС Свердловской области. Экстрим экстримом, а подвергать опасности жизнь все-таки на таких праздниках неуместно.

В гонке на 5 километров работали веслами так быстро, что обогнали поток воды из только что открытой плотины. От того авангард застревал на всех попадавшихся мелях, и следом идущие, видя такое положение дел, быстренько сориентировавшись в ситуации, обносили лодки по суше. Лидер менялся 3-4 раза! Победителями стали новички, первокурсники УрГУ, которые обогнали опытных водников, но не удивительно, ведь ребята тренировались три раза в неделю. Первое место среди каяков завоевал по праву Сергей Муравьев, который участвовал во всех семи «Майских Экстримах»...

По берегам стояли толпы зрителей, которые дружными криками поддерживали участников. Особенно женскую

команду, отличающуюся от других наличием белых бантов на касках. Из восьми экипажей, девочки заняли пятое место, пропустив вперед только сильнейших мужчин. Так как в это время я занималась музыкантами, то все, ускользнувшее от моего зоркого взгляда, мне поведал главный судья спортивных соревнований Челноков Александр Сергеевич.

Конечно, я ожидала от музыкальных коллективов какого-нибудь подвоха, в плане того, что кто-нибудь не явится. Ожидала, потому была готова. Вопрос в том, была ли готова публика? Так, например, у группы «Бонус-Трек» солигитарист куда-то срочно уехал, поэтому команда просто не выступала... мне обидно — безумно хотелось послушать их новую программу... думаю, не только мне... Следующим коллективом, заявившем о своей экстремальности, стала группа «КИТЧ», у которой после Нового года произошли глобальные изменения в составе (на смену старым бас-гитаристу и барабанщику пришли новые), а именно новый басист тоже куда-то срочно отбыл. Решено было выступить со старым, благо он тут рядышком тусовался, но оказалось, что после смены состава поменялся и репертуар, а старый басист Серж Сабитов его не знает, как, впрочем, новый барабанщик не в курсе аранжировок старых песен, о ко-

торых, как раз таки осведомлен господин Сабитов. Пришлось Косте Арафаилову (вокалисту «КИТЧ») прямо за сценой объяснять буквально на пальцах Сержу партии бас-гитары. Молодцы ребята, в таких экстремальных условиях отыграли на «ура».

У группы «Онейрос» куда-то запропастился барабанщик. Мы так и не обнаружили его. К сожалению. За установку сел ударник «КИТЧа». Абсолютно не представляя, о чем широкой публике вещает «Онейрос». Не просто экстремально — слишком экстремально! Когда после прекрасной отыгранной программы вокалиста Александра Погольского разрывали поклонники, в надежде получить автограф, мне показалось, что быть звездой — весьма сомнительное удовольствие...

Погода порадовала нас своей непредсказуемостью — то солнце, от которого растекаются остатки мозгов, то тучи с противной моросью, то вовсе ливень. Кажется, природа тоже готовилась к экстремальному празднику заранее и запасла все возможные варианты поведения.

Коллектив «Наивный Вертолет» за годы своего существования в каких только условиях не играл. Но после сольных концертов в Театре Эстрады и СК «Олимпийский» совместно с «Чайф», необычно видеть их, играющих

Ух, как нас много!

под проливным дождем. Необычно, а потому вдвойне интересно...

Есть мнение, что все приятное в этом мире либо незаконно, либо аморально. Нам было приятно. На законных основаниях, при поддержке властей. Даже если по какой-то причине я выглядела на сцене аморально, то моралисты смотрели на меня сквозь пальцы. Им тоже было приятно.

Нам еще только предстоит осознать результаты этого эксперимента. Но я видела глаза людей, которые пришли. И на мой вопрос: «Экстремалы есть?», публика восторженно выла: «Да!!!»

Выступает рок-группа «Онейрос».

Мы плывем!

Фотографии Евгения Тамплон.

Леонид БУКРИН

Избы в лесу у туристов Уралмаша

В 1977 году я демобилизовался из Советской Армии. Отслужил два года на погранзаставе у реки Амур. Приехал из поселка Кузнецовский (Талицкий район) в Областной центр, город Свердловск, и устроился работать на УРАЛМАШ. А пошел на этот завод по одной причине — думал, на таком большом предприятии должен обязательно быть какой-нибудь спортивный клуб. В первый же месяц, как устроился на работу в 31 цех, стал ходить на стадион — в спортивную секцию по тяжелой атлетике (тренером был Лобанов). А те годы наш 31 цех был сильнейшим по туризму. Возглавлял нашу турсекцию Рахимов Белур Гирфанович. И вот однажды, встретив Белова Сергея, я напрасился в поход выходного дня на скалы Петра Гронского. С этого все и началось!

Первые походы для меня были не более чем детская забава — после службы на погранзаставе, где мне приходилось ежедневно проходить по дозорной тропе в среднем по 25-30 км.

Через три месяца постоянных походов выходного дня группа туристов 31 цеха собралась на Конжаковский Камень (Северный Урал). Сходили удачно, были в поселке Кытлым, поднялись и на Косьвинский Камень, и на Конжак. Руководителем по-прежнему был Белов Сергей.

Новый, 1978 год, решили отмечать под открытым небом. За станцией Аять нашли рабочий нежилой балок, возле него построили из сучар столы на 20 человек, заготовили много дров. К Новому году разожгли по обе стороны столов костры, это чтобы теплее было. И вот так, в окружении костров, встречали Новый 1978 год. Наши костры были хорошо видны с дороги, по которой ехал из Таватуга в Аять лесничий Чащин. Ему стало любопытно: это кто такие в мороз минус тридцать отмечают Новый год в лесу... да еще на его участке? Машина остановилась, лесничий через сугроб подошел к нам, поздоровался с каждым за руку, выпил сто грамм за Новый год и попросил: «Не могли бы вы на этом месте построить избу для вздымщиков? Изба будет в полном вашем распоряжении, только иногда в ней будут ночевать сборщики смолы, на неделе, да и то в летнее время». Ребята сразу согласились, заклю-

Туристская бригада и конь Цыган.

чив с лесничим договор, что он предоставит топоры, мотопилу, теплую одежду, ящик тушенки, а также жеребца по кличке Цыган. Чащин очень спешил — до Нового года оставался всего один час. Он еще раз поздравил нас с праздником и пригласил зайти в контору а) чтобы заключить уже юридический договор.

...А время Нового года приближалось, шесть костров пылали в ночной темноте, и уже трудно было понять, где и что трещит — деревья от мороза или дрова в жарких кострах... И как бы нам ни было весело и тепло, пельмени и закуска на праздничном столе в момент московского Нового года превратились в ледышки, а вилки и ложки от такой сервировки гнулись и ломались.

В первую же субботу Нового года Рахимов и Мухаметдинов поехали в поселок Аять — договариваться насчет строительства избы. Лесничий Чащин от своих слов не отказался и выдал, что обещал.

И уже в следующие выходные мы приступили к работе по строительству избы площадью 80 кв.м. Большая изба — это наша инициатива, это чтобы побольше туристского люда входило. У нас была норма: за два выходных дня построить два венца с паклей, чтобы 9 мая День Победы мы могли отметить в новой избе.

Для нас это была настоящая стройка. Помню, был такой случай. Мотин Гена и Колпаков Петр валили сосну на обрыве ручья. Ветром зажал мотопилу, и когда они багром стали давить на ствол от себя, поняли, что сами не

справятся, и сосна вот-вот рухнет на них. Тогда ребята позвали нас на помощь.

Только усилиями шести мужиков удалось свалить сосну в нужном направлении. Все облегченно вздохнули, когда опасная ситуация миновала.

Как бы ни было тяжело, но к 9 мая изба стояла свежесрубленная, под шиферной крышей, да еще и с русской печью. Как об новый корабль, разбили о нее бутылку с шампанским и зашли внутрь. Пахло смолой и строганными досками. Справили и новоселье, и праздник Победы. Новый, 1979 год, встречали в этой избе, которую народ уже окрестил Большой Рахимовской.

Мороз тогда был не слабый, минус 50 градусов.

В эту избе возле Новых Кырманских скал мы ходили восемь лет с разных сторон и станций.

В двух километрах от нас построили свою избу туристы других цехов УЗТМ (это были Р. Тихомиров, В. Сапожников, И. Широков и другие ребята). Они частенько приходили к нам в гости. А когда мы построили рядом со своей избой баню, к нам началось настоящее паломничество туристов Уралмашзавода.

Лютин Гена с ребятами из Уралдомремонта построил еще одну избу, возле озера Таватуй.

В марте 1979 года Гена Лютин и Иван Вилисов ходили в поход с Сергеем Курбатовым на Баргузинский хребет (это район озера Байкал). В этом походе погиб Сережа Курбатов. В 1981 году Лютин, Вилисов, Калпаков, Елькин и другие, в память Курбатову, построили на Баргузинском хребте, под перевалом Аллинский, избу с железной печкой. После этого к ним долго приходили письма от туристов и охотников, благодаривших за теплую избу возле перевала на реке Алла...

Строили избы и другие цеха УЗТМ. Группа Саши Зыкова поставила избу на слаломной трассе, возле станции Калиново. Позднее построили избу за горой Толстиха, между двух высоковольтных линий электропередачи.

Эту избу украшали изваяния, вырезанные из дерева настоящим мастером своего дела В. Новоселовым. Он прожил в избе целый отпуск, выруб

Монтаж крыши избы.

бая скульптуры топором и стамеской.

В семидесятые и восьмидесятые годы туристы ходили в походы, ночуя в избах. Причем палаток в эти походы вообще не брали. Маршруты начинались с разных станций. Возле изб делали слаломные трассы. Новый год всегда встречали в лесу.

В восьмидесятых годах мы построили избу у станции Калиново за поселком Тарасково, на реке Шишим; но через пять лет ее кто-то сжег. Тогда мы на этом же месте, прямо на пепелище, срубили вторую избу. Но через три года сожгли и ее. После четвертой сгоревшей избы мы перестали их строить. Да и садовая лихорадка началась...

Гена Лютин и изба.

Сергей БАРАНОВ

1000 км в сторону горизонта.

(очень субъективно и не очень серьезно)

2001 год. Наша группа, возвращаясь с питерского марафона «Вокруг Ладоги», изрядно наэлектризовавшись разгадыванием кроссвордов, вагонными спорами, провокационно решила сговорить Петра Мисника, да и самих себя. «А не провести ли нам самим в родных уральских стенах, т.е. горах, свой марафонец». И чем, в конце концов, уральские просторы хуже питерской Ладоги, битые уральские дороги хуже их крупно-бульжного тракта на отдельных участках? Да ничем! И я бы даже сказал, Уральские горы круче. Трудно вспомнить, кому первому пришла в голову такая гениальщина, возможно, Алексею Луткову. Но всю оставшуюся часть пути, дискуссия имела место быть. Какие уж тут кроссворды. Естественно, глаза у всех блестели, пачками высказывались предложения по поводу того, как сделать как можно лучше. Случайные попутчики с опаской взирали на группу душевно больных, с увлечением обсуждающих перспективу прокатиться на великах аж 1000 км в один приеест. Но с той самой минуты, похоже, отсчет пошел.

Традиционно, всю кипучую организаторскую деятельность тянул на себе Петр Иванович Мисник, с привлечением одному ему известных спонсоров и народных масс..

И все-таки этот день настал. Естественно, первый взгляд в окно на погоду.

Небо хмурое, но пока не штормит, уже хорошо. На площади необычное для 7-00 оживление, какое только может быть по случаю такого грандиозного события. Пестрота экипировки участников вполне могла бы конкурировать с Первомаем. Тут же паппараца и просто телевизиончики, штампующие интервью.

Но самое интересное общение с себеподобными, которых набралось под два десятка. Похоже, старт от памятников Ленину в российских марафонах становится доброй пролетарской традицией, которой мы решаем не изменять. Групповой фотоснимок на память, и в путь. Естественно, через одну секунду после общего старта, пошел не менее традиционный дождь. Молодой человек, не стоит так тща-

Участники марафона.

тельно объезжать каждую лужу, ведь на дистанции в тысячу километров их будет как раз миллион. Поехали! Точнее, поплыли!

Не спеша, при машине сопровождения и некоторой велосипедной массовке выкатываем за околицу. Вот уже и провожающие постепенно покидают наши ряды, остаются только «свои». И хотя катим пока кучно и дружно, совершенно очевидно, что дорога предстоит каждому своя. А пока наш путь курсом на Курганово, через Первоуральск в сторону Шали.

К счастью, дождь нам попался не самый бессовестный. Летний, кратковременный такой, больше суток не идет, а иногда просто откровенно сачкует. И вот тут-то начинается как раз все то, за что мы так любим дальние поездки — бесконечная лента дороги, дали голубые, настроение отличное. Как все-таки мало надо для настоящего велосипедного счастья — всего-то отсутствие дождя, да снега, да ветра в лоб.

Со старта на поиски приключений отправились 18 человек. Разные по возрасту, темпераменту, экипировке. И каждый ставил перед собой какую-то свою конкретную цель, но все они были похожи в главном — «Доехать»!

Старт — КП 1 (Первоуральск) — 106 км

Вопреки угрызениям совести по поводу покинутых на произвол судьбы товарищей, троица ушла в отрыв. Точнее, парочка оформившихся лидеров и зацепившийся за них представитель славного города уральских металлургов. Катим в кайф. Я, естественно, пропускаю гостей вперед, в основном «отсиживаюсь на колесе». Мелькающие впереди две пары пяток, да пара согбленных спин великолепно украшают пейзаж. Все-таки прав автор избитого афоризма С.Баранов «Велосипедисты — украшение города». Надо крутить педали, и тогда проступает некая неведомая субстанция, называемая натурой. Вот такая вот незатейливая велосипедная философия.

Да, и зачем умирать на первой сотне, когда впереди еще девять и можно растянуть удовольствие. Впрочем, похоже, показался Первоуральск. Он, действительно, первый в уральском марафоне по части наших КП. Вот бы еще сразу найти то место, где ставят заветную отметку в карточке. Но сразу не получается. Пролетаю перекресток и начинаю ориентироваться посредством местных жителей. Представляю, что мог подумать ничего не подозревающий мужчина о грязном велосипедисте, которому срочно надо в санэпидемстанцию. Но все-таки, язык довел до первого КП, на выезде из которого встречаю двойку лидеров. Молодцы, нечего сказать! Разобрали все престижные награды, мне достается только бронза в виде значка «Первоуральск» и набора открыток об этом милом городе и его милой СЭС, которые мне торжественно вручает Галина Луткова. Эх, было бы время, а верняка б сронил слезу.

КП 2 (п.Шаля) — 227 км

Начало второй сотни выглядело одиноко и сиротливо. Никто не прерывал стройного ряда текущих словно бесконечные километры мыслей. Мелькания пяток в обозримом пространстве не просматривалось ни спереди ни сзади. И это слегка расслабляло, хотя интуиция подсказывала, что бегу

впереди паровоза, и основная масса участников где-то совсем рядом и вот-вот накроет с головой.

В Вольнах встречают как близкого родственника Антон и Елена Берзины. Усиленно потчуют, но я не сдаюсь. Пока нужна только жидкость. Зато они передают привет от интересных людей и моих интернет-приятелей Басалаевых, которых они привезли с Грушинского фестиваля. Дальше лупанул неслабый освежающий душ с грозой. Но на этом подарки судьбы отнюдь не закончились, а только начались. Еще через пару километров вдруг начинает бить заднее колесо. При ближайшем рассмотрении оказалось, что пробита задняя покрышка. В наличии сантиметровой разрез и образовалась «грыжа», которая и бьет при каждом обороте, как обухом по дурной голове. Ну возьми же ты с собой запасную покрышку, хотя бы брось в рюкзак. Так нет же! Когда может ничего не случиться, и она не понадобится. Ведь ни один нормальный марафонец покрышки с собой не берет, только камеры. А ты, что хуже? Вот случилось,

дождался. Положение слегка спасает внутренний вкладыш от проколов, между покрышкой и камерой, не дает выскочить камере на разрыв. Настроение медленно начинает клониться в сторону депрессняка, в противоположность вдруг откуда-то взявшейся физической усталости. Ладно, катим, а там видно будет сколько секунд осталось жить. «Не думай о секундах свысока.»

Но, увы, шалинский КП со

столовой за углом оптимизма не добавил. Начинается неспешная упаковка пищи в организм и по ходу дела отходняк от космических перегрузок.

КП 3 (Первоуральск) — 347 км

Прокалывается переднее колесо. Черт! Как так? Не должно такого быть или почти не должно. Ведь накануне все было так тщательно проверено и подготовлено. Даже состоялось в очередной раз т. н. тестирование колес. Этот научный термин очередное изобретение автора, проще это называется «когда коту делать нечего». Разбираю. Вот те-

Пикник на обочине.

перь гадай: сколько километров ты еще проедешь, пока не начнешь клеить очередные заплатки на очередные проколы.

Ладно, едем дальше. Громов, конечно, уже далеко. Да и зачем теперь за кем-то гнаться. Давай-ка, просто доползем до финиша, если удастся, конечно. А вот и ребята навстречу. Наверняка нормально подготовленные, как все нормальные люди, хоть что-то понимающие в марафонах. В Вольнах, естественно, обнаруживается полное отсутствие всякого присутствия, каких либо рюкзаков, в том числе и моего. Впрочем. Какое теперь это имеет значение. Антон и Елена усиленно кормят кашей. Я активно набираю вес. Но как не приятно посидеть у бивачного костра, пора в дорогу, старина, уж добрый конь копытом бьет. Оставшиеся километры до Первоуральска и несовершенство климатической обстановки Среднего Урала еще сильнее остужают и без того задубевшее брэнное тело. Первоуральск возникает, как нечто среднее между оазисом в пустыне и северным сиянием на Северном полюсе. После отметки в карточке — маленький праздник (все-таки добрался живым до 3 КП), дежурной фуфайкой. Пытаюсь уйти в отбой на неопределенное время, пока не надост. Но что-то не очень получается т.к. сквозь толщу импровизированного одеяла до меня доносятся голоса приезжающих ребят. Поначалу я еще пытался надеяться, что вдруг да у кого-нибудь окажется запасная покрывалка. Но время шло, а все подъезжающие были такие же, как и я, условно нормальные люди, уверенные на все сто в своей резине и не желающие возить с собой лишний балласт. Вот уже и кто то стал уезжать дальше, тем более, что единственная софа занята. Вот уже и Вовка Семенов попрощался как с покойником: «Спи спокойно, дорогой товарищ, понял, да?» И вдруг громом среди ясного неба — голос Леша Луткова: «Сергея, тебе, что ль, запасное колесо понадобилось?» Видел бы кто тогда мой подскок с дивана. «Ах, какой же ты умница, Леша! Да дай я тебя хоть задушу в объятиях!»

Починку колеса можно было сравнить со сборкой-разборкой АКМа в армии. Все, готово, и ничего, что передняя шина 25 мм, а задняя всего 23. Главное, что теперь можно спокойно ехать, а не скакать, как на диком мустанге. Напоследок Леша подкинул еще одну не слабую идею, основной смысл которой: «Ну, что ты будешь пугать народ своим пляжным видом? Одевай-ка вон ту фуфайку, да езжай в ней. Кто тебя ночью-то видит?» Гениально. И ничего, что она разорвана вдоль всей спины. Одну-ка я ее задом наперед. Так, наверное, смешнее, но зато гораздо теплее. Ура! Поехали!

КП 4 (Екатеринбург) — 448 км

Выезд состоялся в районе 5-ти утра. Погоды стояли дождливо-туманные, на трассе было, соответственно, и сыро и слякотно. Но, т. к. конкурентов со стороны автотранспорта было минимум, езда доставляла, как физическое, так и эстетическое наслаждение. Четыре размытые фигуры таляли в белесом тумане. Редкий светофор на выезде озарял окрестности удивительными красно-зелеными светозффек-

Мимо заборов, заводов, садов...

тами. Даже пермский тракт столь пустынный в этот час казался идеально ровным гладким зеркалом. Красотища! А, может, это фуфайка так меня отогрела, не давала сосредоточиться только на лязганьи зубов. Кто и где расположился, угадывалось смутно, особенно сквозь солнцезащитные очки, не снабженные дворниками. Похоже, вперед выдвинулся Леша Лутков, я на некотором отдалении, остальные чуть сзади. Скорость, не более 25 км/час, способствовала пробуждению основных рандоннерских инстинктов, даже в столь далеких от идеала условиях, когда удовольствия получаешь больше, чем отдаешь на это сил. Так вот, оказывается, в каком темпе надо ехать марафон! Класс!

Едем втроем, т.к. более ранние уже укатили, и куда-то запропастился Юра Туринцев. По ходу продвижения Леша регулярно проверяет зону досягаемости своего сотового. Ему пришла в голову очередная гениальщина, и возможно, благодаря ей удастся разжиться запасками. Между тем, участок до 4 КП для меня самый запутанный и без ребят я наверняка укатил бы в Челябинск. А так, смотри, вышли точно к цели. Кстати, в эту же цель попала и боевая зенитная ракета, красующаяся тут же близ поста ГАИ. А может быть, она стояла у них на вооружении.

На КП нас встречает Витя Костин. И, о чудо, мой рюкзак в его машине! «Ну, наконец-то, последние приехали!» — обрадованно восклицает он. Я на радостях надеваю на себя все теплое и дорываюсь, наконец, до куриного супца. Лешин заказ по телефону сработал, и нас одаривают новы-ми запасками. Из последних новостей узнаем, что Юре Левковскому не глянулась наша погода, и он сошел. Жаль, проехать почти половину вторым номером и сойти. Зато появился Юра Туринцев. Оказывается, он заезжал домой за запаской. И после чего нашел в себе силы вернуться в строй, демонстрируя недюжую волю к победе. Естественно, пока я беспечно наслаждался своим поварским талантом, машина с рюкзаками в очередной раз ушла. И мне

шутейному натиску дорожных служб. Вот и сейчас мы подъезжаем к ремонтуемому трехкилометровому участку, сплошь засыпанному крупным щебнем. Как шутит Петр Иванович, участок специально подготовлен для славных представителей города на Неве, чтобы они не заскучали от отсутствия «вокруг Ладожских дорог». Рядом по лесу проложена объездная дорога, но она, практически, оголенный, перемешанный колесами грунт. Наши клинче-ра войдут в него, как нож в масло. Решаем продираться по булыганам. О скорости говорить не приходится. Скачем с камня на камень, рискуя в любой момент пробить колесо, сломать спицу или просто свернуть себе шею. Но каким-то образом, экстрим чудом заканчивается без потерь. Ог-

Отметка на КП.

ничего не оставалось делать, как пристроить свой в дру-гую, в надежде встретиться с ним на финише. Вскоре трое аутсайдеров вышли на курс.

КП 5 (Реж) — 525 км

Погодные условия явно улучшаются, по крайней мере, дождь не намечается и не так холодно. Выходим на объезд-ную дорогу и движемся в сторону Березовского, Режа. Эти места мне уже не столь дики после нескольких преды-дущих этапов. Едем спокойно в уже опробованном темпе, любимея уральскими красотами.

Постепенно четверка растягивается, и мы с Петром Ива-новичем уходим вперед. Алапаевское шоссе и без того не-плохого качества, тем не менее, местами подвергается не-

шутливости, замечаю, что Иванаыча не видно. Вероят-нее всего, он отнесся с боль-шим велосипедолюбием к своим пластиковым колесам и пошел пешком. На режев-ском КП застаю Юру Турин-цева, правда, он собирается уезжать, а я только чего-либо перекусить. Уютный КП, состоящий из несколь-ких палаток у костра, боль-ше походит на туристский лагерь, а ребята его органи-зовавшие, выдавшие виды туристы, специально отклю-нившиеся от своего катего-рийного маршрута для того что бы встретить таких обол-тусов, как мы.

Мне дико неудобно за то, что мы их отвлекли. Спаси-бо, вам. У вас все классно, вкусно и сладкий чай. Впро-чем, чаевничать долго не приходится, т.к. Юрка ми-нут 10 как умотал. В пого-ню!

КП 6 (Алапаевск) — 595 км

В принципе, сейчас мне ничто не мешает. Экипировка по погоде, колеса на месте, запаска есть. Надо ехать. С пес-нями — вперед! Ну, Серега, запевай. «Я буду долго гнать велосипед.» Вскоре мое соло превращается в дуэт — Ту-ринцев настигнут.

Между тем вдалеке стали показываться немногочис-ленные характерные силуэты, которые при ближайшем рас-смотрении оказались родными, по сути дела, людьми.. Кто бы это мог быть, и где все остальные? Уже под самым Ала-паевском настигаю дружную компанию во главе с Вовой Семеновым, похоже, слегка их удивив. Навстречу проле-тели, естественно, Вася Мальцев. Два. И позднее Виктор

Громов. Три. Отлично, значит впереди не так уж и много народу. Дружным косяком въезжаем в Алапаевск и после некоторых поисков обнаруживаем, наконец, заветный трактир. Там нас ждут и будут кормить и поить. Там, кстати, и Леша Евсеев (четыре) седлает доброго коня.

КП 7 (Реж) — 666 км

Так же дружно, как приехали, покидаем гостеприимный Алапаевск. Калории в избытке, погода райская, вечер вообще, просто, подарочный какой-то.

КП 8 (Верхняя Пышма) — 740 км

Приятный летний вечер плавно перетек в прохладную уральскую ночь. Вместе с Лешей выезжаем в ночное. Едем неспешно, наслаждаясь прохладной свежестью полей. От уже уснувших придорожных деревень, освещенных редкими фонарями, доносится такой знакомый запах детства. Сразу вспоминается бабка Поля и мои любимые караси в ее исполнении. Вот уж не ожидал, что получу от марафона такой ностальгический подарок.

Понятно, что весь марафон состоит из испытаний техники мастерства и упертости. И вот как раз очередной триал тот самый ремонтируемый участок, присыпанный добротным курумником. Причем задача усложняется прождением его в ночном варианте.

Едем напрямую, несмотря на то, что за день все камешки раскатали плотным слоем и пытаются утрамбовывать. Мы помогаем им в этом добром деле своими колесами. А вот уже и перемычка на Пышму тиха и пустынна. Что ни говори, все-таки приятно кататься ночью, когда все живое еще спит, важно только при этом успеть выспаться самому.

9 КП (Невьянск) — 808 км

Еще на выезде из Пышмы возникает четкое ощущение того, что ты уже дома и оставшиеся 300 км — такая мелочь, никак не способная тебя остановить. Между тем третий день марафона совсем не похож на предыдущие два. Если первый был мокрый, второй — нормальный, то этот неприлично ветренный, и штормовой в лобешник — его

Навороченный марафонец.

визитная карточка. Ну да ладно, утешаю себя мыслью, что обратно точно полетим, важно только суметь обмануть ветер. Эта трасса мне точно знакома, раз с десятком доводилось проезжать. Не заплутаем. Невьянский КП расположен в придорожном кафе «Старый соболь». Но в каком месте ставят отметки в карточку, похоже, большой вопрос, как для меня, так и для персонала кафе. Все же, каким-то образом, отмечаюсь в бухгалтерии. Во время завтрака отмечаю для себя, что утренний народ — это не вечерний, и присутствие в кафе яркоокрашенного велосипедиста вместе с велосипедом уже никого не удивляет.

10 КП (Нижний Тагил) — 866 км

За 8 км до КП встречаю, наконец, Василия. Перебираюсь на его сторону, и мы как два давно не видевшихся старинных дружба стоим посереде

дороги и обсуждаем последние перемены в жизни. Он удивлен моим присутствием в добром здравии, я обрадован его.

Все-таки должен быть такой КП, где тебя ждут по-особому, и могут даже в щеку чмокнуть. А то и медалью №2 одарить: «Какой ты молодец, что не заставил нас долго ждать!»

11 КП (Невьянск) — 924 км

Какие, все-таки, молодцы организаторы, сумели точно рассчитать ветер и именно к финишу он, наконец, становится попутным. Педали можно не крутить, главное пошире раздаты плечи, да надуть щеки. Покатиться само. Лечу подобно буеру. Ох, давно меня так не носило. Правда, на встречу, с упорством шахтеров в забое, продираются Виктор Громов и Леша Евсеев. Потерпите, ребята, осталось совсем немного. Родная дорога кажется абсолютно идеальной: ни одной колдобины, практически — трек.

Уже на выезде встречаю Алексея Маркса, и загружаю в свой багаж его привет для всех кто его помнит и ждет на финише.

Когда устали ноги...

Финиш (Екатеринбург) — 1011 км*

Финишная прямая — последние 70 км тянется размеренно и как-то безлико. Совершенно очевидно, что доехать до финиша удастся, а побить мировой рекорд нет. Поэтому пускаюсь в абстрактные размышления на тему «Зачем мне это надо». Наверное, каждый из участников в том или ином виде этот вопрос себе задает. И если подумать и перефразировать классика, то мой ответ будет примерно таким. Ведь если марафоны придумали, значит это кому-нибудь надо! Люди! Посмотрите, ведь это же интересно! Интересно побывать в другом измерении жизни и вернуться оттуда, зарядившись новой внутренней энергией. Интересно осознать степень своей свободы, независимо от количества бензина в баке. Интересно по-новому ощутить свое тело и открыть для себя его неожиданные возможности. Интересно встретить единомышленников, чему-то удивиться и чему-то научиться у них, и, в конце концов, понять, что и в 61 год можно и жить и ездить на велосипеде так, как и в двадцать не каждый сумеет. Интересно сравнить свои скромные воз-

можности с необъятностью жизненного пространства.

А финиш? Финиш, вот он, родимый, никуда не делся.

И добравшись, наконец-то, до него, перед всеми, кто это сотворил, хочется снять свой велошлем и сказать огромное спасибо. Всем вместе и каждому в отдельности. Друзьям, знакомым и не очень. Провожавшим нас на старте и встречавшим на финише. Помогавшим нам, кормившим и поившим, согревавшим своим теплом и увлекавшим своим примером, делавшим для нас фотографии и отметки в карточках, дарившим нам книги и хорошее настроение, недосыпавшим и недоедавшим вместе с нами, а отчасти и благодаря нам.

Отдельная благодарность главному зачинщику Петру Ивановичу Миснику. Не будь его, у нас у всех была бы просто другая жизнь. Гораздо менее интересная.

Спасибо.

P.S. А гонку со своим рюкзаком я все-таки выиграл. На финише его не оказалось. Видимо, тащится где-то, пузатый.

** весь километраж по данным Алексея Маркса.*

Петр Иванович Мисник.

Марина МОДЕНКО

Дети-парашютисты

(или про клуб «Саланг»)

Издавна люди с удивлением наблюдают за полетом птиц и задают вопрос: «Отчего мы не птицы?» Но постепенно люди покорили три остальные стихии (огонь, воду и землю). А потом пришел черед воздуха. Конечно, в полном смысле слова по-птичьи мы летать не можем. Но зато мы умеем и знаем другие способы полетов, жизни в небе...

Наверно, каждый мечтает ощутить свободу, невесомость, увидеть мир с высоты и, закрыв глаза, представить хотя бы на миг, что за спиной у него — крылья... Конечно, невесомость кончается легким рывком парашюта, который куполом натягивается над головой...

В этот момент время теряет свою значимость. И даже уже на земле ты поднимаешь голову и смотришь туда, где только что был — в необъятность голубизны над твоей головой...

Почти в каждом достаточно большом городе есть парашютно-десантный клуб. И Первоуральск — не исключение.

Первоуральский парашютно-десантный клуб «Саланг» существует уже более 30 лет.

Началось все с того, что в 1972 году в ГПТУ №6 открылся парашютно-десантный клуб. Но его скудная материальная база настоятельно требовала улучшения — и клуб перенесли в Центр Детского Творчества (бывший Дом пионеров).

И прайльно сделали: клуб «прижился» в новом месте, получил название «Саланг». Его основатель — Виктор Григорьевич Хабаров, чемпион страны, кандидат в мастера спорта. Когда он ушел из клуба, ему на замену пришел Виктор Борисович Лысенко.

Чтобы попасть в ряды «саланговцев», щеголять в камуфляжной форме и голубом берете со значком, нужно иметь не только сильное желание, но и спортивную подготовку. Также нужно втянуться в коллектив клуба. Но это мое мнение — по словам самих ребят-парашютистов, саланговцем может стать любой подросток, достигший 14 лет.

Когда я зашла в «Саланг», то окунулась в особый мир. Тесная, уютная комната с рядами парт, скамеек и стульев.

На летних прыжках.

Серые стены до отказа завешаны стендами с фотографиями и различной информацией о клубе. Но особенно меня удивила доброта взглядов, поднятых на меня.

Саланговцы охотно рассказали мне о своем клубе.

В «Саланге» ежегодно занимается примерно сто ребят. Набор новичков обычно проходит в конце сентября — начале октября, после летних прыжков. (Кстати, все прыжки подразделяются на зимние — с января по апрель — и летние — с мая по сентябрь). Руководство клуба неделю обходит все школы города, предлагает подросткам вступить в «Саланг». Заинтересовавшиеся приходят на общее собрание в актовом зале. Там им рассказывают об истории клуба, о предстоящих занятиях.

Первое занятие заканчивается большим отсевом новичков.

А те, кто остался, узнают расписание занятий и начинают жить с мечтами о прыжках...

Трехчасовые занятия проходят три раза в день: с 9-00, с 15-00 и с 18-00. Эти занятия очень разнообразны: теорию проходят, то парашюты укладывают, а то занимаются физической подготовкой и акробатикой. После двух месяцев основательного обучения ребята сдают зачеты. А еще через месяц юные парашютисты совершают свой первый прыжок.

Интересно, что в клубе самым трудным считается... укладка парашюта. Прыгают в «Саланге» с десантным парашютом «Д-5» Норматив его укладки по времени — 25 минут. А новички «копаются» иногда по восемь часов!

Подростки обучаются и точному алгоритму, по которому проходит прыжок: после отделения от самолета надо выждать три секунды, отсчитывая в уме цифры «521— 522 — 523...». «Есть кольцо!» — в этот момент надо дернуть за кольцо парашюта.

Что дает ребятам «Саланг»? Давайте послушаем.

Катя Кожевникова («старичок») — «У нас в клубе есть заповеди: не пить, не курить, не материться. Коллектив слаженный — мы все здесь друзья, в беде друг друга не бросаем. Когда я попала сюда, то обрела частичку того мира, в котором можно позабыть обо всем плохом!»

Артем Совеков (школа №2, 11-а класс): «Здесь я уже три года. Меня всегда страшно тянуло все экстремальное. Прыгал девять раз — и каждый раз совершенно другие ощущения. Впервые все кажется смешанным, но с каждым разом прыгаешь все более осознанно.»

Усанин Кирилл (новичок, школа №4, 14 лет): «Всегда мечтал прыгнуть с парашютом. Так хочется! Жаль только, что мешает учеба. Единственное, чего немного боюсь — так это того, что не раскроется парашют...!»

Шульгина Света (новичок, школа №1, 10б класс): «Давно сюда ходила, но мне не разрешили прыгать — не проходила по возрасту, маленькая была. А теперь уже можно, и я жду с нетерпением своего первого прыжка с парашютом!»

Но саланговцы не только безумно влюблены в небо. С таким же успехом и энтузиазмом они занимаются десантным делом, а также обучаются туристским навыкам: сплавляются по рекам на плотках, лазают по пещерам. Жизнь должна быть разнообразной!

За все время работы клуба из него вышло более тысячи парашютистов третьего разряда (его дают тем, у кого на счету три прыжка).

А пока новые, еще не прыгавшие подростки готовятся к тому, чтобы впервые увидеть землю далеко у себя под ногами, Ксюша Кумова твердо говорит:

— Тот, кто не ходит в наш клуб, многое теряет, особенно теряет надежных друзей и хорошую компанию. А прыжки... Нет! Это не объяснить. Нужно почувствовать!

В. Б. Лысенко.

**Директор редакции
Фирсов Максим**

Отдел истории и краеведения

Юний Горбунов

Отдел художественной
литературы

Петр Родимов

Отдел «Встречный ветер»

Александр Челноков

Художественный редактор,
верстка

Татьяна Суворова

Дизайн 1 и 2 полос обложки:

Сергей Ивкин

Корректор

Елена Тришкина

Реклама:

ООО «Уральское Рекламное
Агентство»

тел. (3432) 22-45-01

Учредитель: Общественная

организация «Трудовой

коллектив редакции журнала

«Уральский следопыт»

Издатель:

ООО «Редакция журнала

«Уральский следопыт»

Редакционный совет:

Владислав Крапивин

Сергей Казанцев

Кир Булычев

Николай Никонов

Борис Стругацкий

Геннадий Прашкевич

Олег Поскребышев

Станислав Мешавкин

Регистрационное свидетельство № 441,
выдано 13.12.90 г. Министерством печати и
массовой информации РСФСР.

ООО «Редакция журнала «Уральский
следопыт» обладает исключительным
правом на логотипы и название журнала.

Рукописи не возвращаются.

Любое использование материалов журнала
допускается только с письменного согласия

ООО «Редакция журнала «Уральский
следопыт». Ссылка на журнал «Уральский
следопыт» обязательна.

Цена по подписке 36 рублей.

По вопросам приобретения журнала

обращаться по тел. 22-36-62

Подписано к печати 6 июня 2003 г.

Формат бумаги 84x108/16. Бумага офсетная.

Печать офсетная. Тираж 4500. Заказ № 1230
Отпечатано в ОГУП Сухоложская типография.

© ООО «РЕДАКЦИЯ ЖУРНАЛА
«УРАЛЬСКИЙ СЛЕДОПЫТ»,
«УРАЛЬСКИЙ СЛЕДОПЫТ» 5-2003

Адрес редакции: 620142, г.

Екатеринбург,

ул. Декабристов, 67. Тел.

редакции: (3432) 224-501,

223-662

E-mail: uralstalker@sky.ru

Людмила АРЖЕКОВСКАЯ, г. Екатеринбург

Демонический мужчина

Демонический мужчина отличается от мужчины обыкновенного, прежде всего манерой появляться: захочет сделать покупки обыкновенный мужчина — спокойно зайдет в магазин — купит все необходимое и незаметно уйдет; через 5 минут никто и не вспомнит о нем. Демонического мужчину трудно не заметить: когда с шумом распахивается дверь и влетает в нее вихрь, торнадо, суета, крик, смех: «Опять обвешиваете? Почему опиум для народа? Привезли радость наркомана? Солнышко, выбери как себе, как себе! Опять «паленку» продаете?!» Представьте реакцию продавцов, а покупателей?! Уходит он — уходит вихрь, шум, суета. И долго еще все свидетели этого монолога находятся под впечатлением от его посещения. Реакция знакомых продавцов однозначна: ха-ха-ха! Незнакомых — страшно представить. А недоуменные покупатели, медленно выходя из ступора, задаются вопросом: «Что это было?»

Зайдет в троллейбус обыкновенный мужчина, молча оплатит проезд и спокойно едет до нужной остановки. Демонический мужчина, войдя в троллейбус, громогласно скажет своей спутнице или спутнику: «Сегодня твоя очередь по карманам шмонаться». И все пассажиры, услышавшие это, судорожно хватаются за «денежные места», показывая тем самым «фронт работ». Подошедшего обилечивать его кондуктора, демонический мужчина доведет до белого каленя загадочными объяснениями своего бесплатного проезда, вместо того, чтобы просто показать удостоверение льготника. И так, взбудоражив весь троллейбус, он выйдет из него с чувством выполненного долга.

Кстати, о долге. Если вы попросите опустить письмо в почтовый ящик мужчину обыкновенного, то он, будьте уверены, аккуратно выполнит вашу просьбу. У демонического мужчины — это письмо самым невероятным образом окажется в кастрюле с варящимися пельменями. Кстати, о пельменях: станет кушать обыкновенный мужчина — аккуратно отправляет их в рот друг за другом. У демонического мужчины пельмень каким-то загадочным образом проследует мимо рта, через плечо, на колени, а оттуда завершит свой путь на полу. «Наверняка это проявление его демонического начала», — подумаете вы. «Какой загадочный!»

Демонический мужчина — интригующий кавалер; и где-нибудь на балу, кружа даму бальзаковского возраста в вихре танца, он ведет томную беседу об эстетической эротике с точки зрения эротического эстета. И дама, пораженная его чарами в самое сердце, сраженная наповал в его объятия, безмолвно кричащая: «Я ваша на веки», вдруг с безумными глазами наблюдает, как этот «вихрь» уже мчится в галопе с другой дамой, томно и преданно смотрящей на него, готовой немедленно вручить себя этому необузданному, словно красавцу — жеребцу, мужчине. И вот уже весь свет взбудоражен: женщины влюблены и ревнуют: «Какой мужчина!» А мужчины негодуют и скрепят зубами: «Крепкий орешек, нам такой не по зубам.» И срочно пытаются наладить отношения, потому что понимают: такого человека лучше иметь в друзьях, чем во врагах.

Непонятная энергия кипит в нем, словно мощный водопад выплескиваясь наружу. Когда демонический мужчина берет в руки ножи, они с постоянным упорством ломаются, словно хрустальные, не выдерживая этого натиска.

Кстати, о хрустале; день свадьбы демонический мужчина завершил шумно, ярко: звоном разбитой хрустальной люстры. Все бьется, ломается в его руках.

Кстати, о сломанной им руке соседки, как-то необдуманно пригласившей этот «вихрь» на рыбалку. В тамбуре электрички она имела неосторожность держаться за ручку двери. Демонический мужчина открыл эту дверь вместе с рукой.

Да что рука, если металл не выдерживает соприкосновения с этой бурей чувств: пуговицы, молнии долго не задерживаются на его одежде. Даже литая подошва ботинок, намертво вцепившаяся в основание, которую в принципе невозможно оторвать, была вырвана с корнем. Сила!

Приедет отдохнуть в деревню обыкновенный мужчина, отобедав, выйдет покурить, спокойно сядет на крыльцо, приласкает собаку. Демонический мужчина выскочит на крыльцо, со всего маха прицельно сядет на торчащий гвоздь, заботливо вбитый сынишкой. А потом, фонтанируя бурные эмоции, устроит стрельбу из стартового пистолета, наградив всех окрестных собак струящейся болезнью — энурезом. И прощаясь, хозяйский Шарик с чувством глубокой благодарности сомкнет свои челюсти на мягком месте приезжего «чудо-человека».

Кстати о чуде; чудеса с демоническим мужчиной случаются регулярно. Если обыкновенному мужчине понадобится люстра, он купит ее в магазине. Демонический мужчина, ожидая автобус на остановке, случайно заглянет в кусты и там обнаружит новую люстру с этикеткой, кем-то заботливо упакованную в коробку и перевязанную ленточкой. Не верите — загляните в детскую, она и по сей день там.

При всей своей мощи, напористости, демонический мужчина очень хрупкий и нежный. При отсутствии внимания со стороны «близких» он уже мчит в карете скорой помощи в черный бархат ночи, отравившись сырыми яйцами.

Работу демонический мужчина выбирает опасную, с риском для жизни. И вот уже черная ядовитая стрела мести преступного мира поражает нашего героя. И отравленный клофелиновой кока-колой, он уходит в nirvanu, на несколько дней покидая эту бrenную Землю и как Летучий Голландец бороздит просторы Вселенной.

Но зря радуются недруги, а товарищи собирают деньги на прощальный фуршет. Демонический мужчина — словно «Черный плащ», летящий на крыльях ночи, возвращается. Видимо, не все сделано им на этой Голубой Планете.

И опять, словно вулканическая лава, бурлят в нем эмоции, желания, идеи. И пусть порой «дурная голова ногам покоя не дает», но честное слово, скучать с ним не приходится.

Вы спросите: «Не передаются ли демонические гены по наследству?» Я вам отвечу: «Это тайна природы». Но как-то, наблюдая за 3-х летним сыном, я увидела знакомый путь пельменя: мимо рта, через плечо, на колени... Тайна.

Но теперь я смотрю на это философски, говоря себе: «Позволь другим быть другими!»

Хочешь двигаться —

ищи попутчика!